НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Труды, выпуск 97

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ
ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

Чебоксары — 1980

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Труды, выпуск 97

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Дорогому
Кобею Шакметовичу Хусаинову
на добрую память
от автора одной из статей сборника.

8.VI.83

Чебоксары — 1980

Печатается по постановлению
Ученого Совета Научно-исследовательского института
языка, литературы, истории и экономики
при Совете Министров Чувашской АССР
от 19 марта 1980 года

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ
атындағы
ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

© Научно-исследовательский институт языка,
литературы, истории и экономики
при Совете Министров Чувашской АССР, 1980 г.

А. РОНА-ТАШ
(г. Сегед, ВНР)

ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ И ИСТОЧНИКИ ИСТОРИИ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Периодизация истории любого языка — это практический способ для ориентации в системе фактов и явлений, имеющих распределенность в достаточно широких хронологических рамках. Изменения в языке происходят беспрерывно. В развитии языка не бывает скачков и стадий. Поэтому лингвистическая периодизация не базируется на внутренних фактах самого языка. Сегментация времени, за которое происходят изменения в языке, определяется нашими знаниями о языковой ситуации, зависит от принятых методов лингвистических реконструкций и от характера источников, известных нам [1].

За последнее время наблюдается оживление дискуссии по проблемам лингвистической реконструкции как в общем языкознании, так и, в частности, в тюркологии. Самая существенная проблема в этой дискуссии — вопрос о корреляции между языками реконструируемыми и действительно существовавшими. Ответ на этот вопрос уже был дан Блумфилдом [2], который различал реально существовавший и реконструируемый языки и отмечал, что последний лишь стремится отражать первый, но отражает его не в полном объеме, а в меру возможности. Естественно, степень приближения реконструированного языка к реальному будет несколько иной и в различных конкретных условиях. Но даже в самом благоприятном случае, например, в романских языках, реконструированный язык никогда не может быть идентичным существовавшему.

---

[1] О теоретическом обосновании см. *Róna-Tas A.* A nuelv rokonság (языковое родство). Budapest, 1978, p. 331—386.

[2] *Bloomfield L.* Language. New York, 1933, p. 302—303.

стали исходными ядрами самостоятельных тюркских языков. В раннепратюркский период существовало не гомогенное, а гетерогенное языковое единство. Это был один язык, но с локальными вариантами. Эти локальные варианты были неустойчивыми, как и соответствующие группы носителей языка. При консолидации этнических групп, как об этом справедливо говорил Н. А. Баскаков[6], появляется позднепратюркский язык. Самой важной чертой позднепратюркского состояния нужно считать существование изоглосс.

Многие языковые изоглоссы существовали параллельно и охватывали отдельные диалекты, но некоторые изоглоссы не совпадали с основными, перекрещивались с ними, поэтому при реконструкции мы получаем противоречивую картину.

Нельзя забывать, что на базе доступных нам источников мы можем реконструировать практически только факты позднепратюркского периода. Причиной многих противоречий, подобных вышеуказанным, является именно этот факт.

Возьмем один пример. Одно из самых важных событий в развитии пратюркских диалектов — это возникновение ротацизма. В чувашском языке мы находим форму *йăрана* «стремя», из которой способом внутренней реконструкции получаем **ирāнā*. В случае других тюркских языков получаются две протоформы: для огузских, кыпчакских и среднеазиатских языков можно восстановить протоформу **üzeŋgü*, а для барабинско-татарского, тувинского, хакасского, якутского языков и языка желтых уйгуров **izeŋge*. Это значит, что при внутренней реконструкции мы получаем 3 разные протоформы.

Возникает вопрос: что отражается здесь? По-нашему, здесь находит отражение позднепратюркская система диалектов. Чувашская форма фигурирует с ротацизмом, это значит, что мы имеем уже две изоглоссы: *r* и *z*.

Но если обратиться к вокализму, то здесь предстает совершенно иная картина. Вокализм протобулгарского и протосибирского (известно, что желтые уйгуры переселились из Сибири) языков совпадает и отражает одну изоглоссу, а остальные тюркские языки отражают другую изоглоссу.

В связи с этим возникают и другие вопросы. Прежде всего, можем ли мы идти вглубь и реконструировать общую форму для этих праформ?

В свое время Гомбоц, затем Рамстедт, Поппе и Севортян предлагали связывать тюркское слово для обозначения стре-

---

[6] *Баскаков Н. А.* Периодизация истории развития и формирования тюркских языков. — MSFOu, 158 (1977), с. 41—48.

мени с монгольским *дöрüге*. С этим нельзя согласиться по фонетическим, морфологическим, семантическим и культурно-историческим причинам[7].

Монгольское слово *dörüge* не имеет ничего общего с тюркским.

Тюркское обозначение стремени представляет для нас большой интерес, так как мы можем получить помощь в деле хронологизации возникновения ротацизма из истории самого предмета. О времени появления стремени в литературе существуют разные мнения. По Вайнштейну[8], стремя впервые появилось в IV—VI вв. н. э. у тюрков, а по Кызласову[9], им пользовались уже в IV—III вв. до н. э.

Мне кажется, что противоречие между мнениями Вайнштейна и Кызласова разрешимо. Металлические стремена прикреплялись к седлу с обеих сторон, и это было большим усовершенствованием в военной технике кочевников. Исторически это, несомненно, связано с тюрками IV—VI вв. н. э. Ясно, что появлению железного стремени предшествовали более примитивные средства создания опоры для ноги всадника, такие, как ременные петли, деревянные стремена-колодки и приспособления типа ступенек на одной стороне лошади. Это значит, что появление самого обозначаемого предмета мы можем зафиксировать уже в последние столетия до н. э. Так как слова для стремени фигурируют во всех тюркских языках, следует допустить, что явление ротацизма возникло после появления стремени, и с этого времени можно допустить образование изоглосс *r* и *z*.

Это подтверждается, между прочим, данными прасамодийского языка. Как указывал Доннер, в прасамодийском существовали такие слова, как *йур* «сто», заимствованное из прабулгарского *йӳр* «тж», при общетюркском *йӳз*. Самые древние заимствованные слова в самодийском языке датируются не позже, чем началом нашей эры, когда начался распад северной и южной групп прасамодийского языка.

Явление ротацизма, а вместе с тем возникновение прабулгарского диалекта можно локализовать во времени в промежутке после появления стремени и перед распадом прасамодийского языка.

---

[7] Монгольское слово *dörüge* восходит к слову *dörü* «кольцо, петля». Суффикс *-ge* монгольский. Тюркское *üzengü* никогда не имел аплаутный *у-*. Чувашский *й-* в *йарана* поздний протетический *й-* перед оригинальным **и*. Во время алтайской общности стремени не было. Библиографию см. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. 1, с. 623—625.

[8] *Вайнштейн С. И.* Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры. — «Советская этнография», 1966, № 3, с. 60—81.

[9] *Кызласов И. Л.* О происхождении стремян. — «Советская археология», 1973, № 3, с. 24—35.

Существенную помощь в решении вопросов хронологизации ротацизма окажет изучение древнетохарских элементов[10] в пратюркском языке. Например, древнетохарский **yes* «металл» был заимствован пратюркским как **yez* «медь», к которому восходят общетюркское **yez* и прабулгарское **yer*. Слово **yer* отсутствует в современном чувашском языке, но оно было заимствовано мордовским и пермским языками и фигурирует в монгольском языке с ротацизмом. Аналогично этому древнетохарский **peš* «пять» был заимствован в пратюркском как **bēš*. А потом он приобрел форму **bēl* в прабулгарском. Это значит, что ротацизм (и ламбдаизм) появился после древнейших контактов тохарских и тюркских языковых групп.

О времени древнейших контактов тюрков и тохаров мы знаем мало. Интерпретация археологического материала и данных письменности позволяет сделать заключение, что древнетохарско-пратюркские контакты имели место в середине первого тысячелетия до н. э.

Все эти данные позволяют отнести начало позднепратюркского периода ко времени около последних столетий до н. э.

Но когда начался раннепратюркский период? Дать ответ на этот вопрос затруднительно. По Рамстедту[11], алтайский праязык распался в начале второго столетия до н. э., значит, в то время пратюркский уже существовал. По Лигети[12], распад алтайского праязыка начался во втором тысячелетии, а, возможно, даже в третьем тысячелетии до н. э. Иллич-Свитыч[13] подчеркнул, что алтайское общество распалось «значительно раньше других пяти больших языковых общностей, сравниваемых в этой работе», т. е. уральской, дравидийской, индоевропейской, картвельской и семито-хамитской.

Я не согласен с некоторыми выводами Иллича-Свитыча, хотя думаю, что в данном случае он был прав.

Имея эти хронологические рамки распада алтайского праязыка можно дать схему периодизации истории тюркских языков. Вот главные периоды истории тюркских языков, в том числе и булгарского:

---

[10] О тохарских элементах в тюркских языках см. *Róna-Tas A.* Tocharische Elemente in den altaischen Sprachen? — «Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker». Berlin, 1974, S. 499—544.

[11] *Ramstedt G.* Einführung in die altaische Sprachwissenschaft.—MSFOu, 104: 1 (1957), S. 15.

[12] *Ligeti L.* A maguar nyelv török kapcsolatai es ami körülöttük van, I. Budapest, 1977, p. 499.

[13] *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков, 1. М., 1971, с. 69.

Ностратический
↓
Урало-алтайский
↓
Алтайский
↓

пратюркский	Ранне		3000 до н. э.
	поздне		300 ≈ 0 до н. э.
древнетюркский	ранне		0 ≈ 600 н. э.
	поздне	I	552 ≈ VII в.
		II	VII ≈ IX вв.
		III	IX ≈ XIII вв.
среднетюркский	ранне		XIII ≈ XV вв.
	поздне		XV ≈ XVI/XVII вв.
новотюркский	ранне		XVIII в.
	поздне		XIX в.
современ. тюркск.			с 1917 г.

булгарские диал.		от диал.
раннедревнебулгар.		≈463
позднедревнебулгар.		463—650
		650—VIII/IX
		VIII/IX—1235
раннесреднебулгар.		1235—1430
позднесреднебулгар.		1430—1551
новобулгарский или чувашский	ранне	до 1723
	средне	до 1870
	поздне	до 1917
современный чувашский		с 1917

Схема 1.

Прабулгарским мы называем тот период, когда булгарские диалекты существовали внутри других пратюркских диалектов, с которыми прабулгарские диалекты были связаны некоторыми изоглоссами. Начало этого периода — первое столетие до н. э. Продолжался он до миграции булгарских племен в юго-западном направлении, до начала IV в н. э. В середине IV в. булгары уже были на территории Казахстана.

В древнебулгарском периоде мы различаем 2 подпериода: раннедревнебулгарский и позднедревнебулгарский.

Раннедревнебулгарский подпериод длился до появления оногур-булгаров на Прикавказье (460-е гг. н. э.).

Начало позднедревнебулгарского подпериода знаменуется основанием древнеоногурско-булгарского племенного союза. Внутри позднебулгарского, в свою очередь, целесообразно различать 3 этапа:

Первый этап длился до распада Великой Булгарии (около 650 г.), а второй этап до VIII—IX вв. Здесь надо различать разные группы булгаров, среди которых выдвигаются волжские и дунайские. Дунайские булгары переселились на Балканы в 70-х гг. VII в. и были славянизированы в IX веке.

Волжские булгары появились на Волго-Камье в 80-х гг. VIII века.

Третий этап, когда существовали только волжские булгары, длился до нашествия монголов на Волжскую Булгарию (1235 г.). С этого времени начинается среднебулгарский период.

Внутри среднебулгарского периода мы различаем 2 подпериода. Первый подпериод охватывает эпоху Золотой Орды вплоть до возникновения Казанского ханства. Второй подпериод длился с возникновения Казанского ханства до момента взятия Казани и распада этого ханства.

Новобулгарский период можно назвать уже чувашским. Внутри него мы различаем следующие подпериоды: первый подпериод — с 1551 г. до первых зафиксированных данных чувашского языка. Это было сделано Страленбергом в 1723 г. Второй подпериод длился до начала деятельности И. Я. Яковлева и его соратников по созданию чувашского литературного языка. Третий подпериод длился до Октябрьской революции. История современного чувашского языка начинается с победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Правильная периодизация истории чувашского языка важна не только для изучения изменений в системе языка, но и для хронологизации его внешних контактов. Известно, что для реконструкции истории любого языка мы имеем следующие группы источников:

1) современный язык как материал для внутренней реконструкции;

2) родственные языки, с помощью которых можно реконструировать общие исходные формы;

3) письменные памятники, которые подразделяются на следующие группы:

а) тексты, написанные на самом изучаемом языке;

б) тексты на иностранных языках, содержащие элементы, глоссы, ономастику и т. п.;

4) элементы, заимствованные из исследуемого языка в другие языки;

5) элементы, заимствованные из других языков в исследуемый язык.

Для тех языков, у которых нет древних памятников письменности, очень важную роль играют слова, заимствованные из других языков. При обработке этих показателей внешних связей и контактов всегда надо иметь в виду, что для реконструкции языковых процессов очень важно определить по возможности точные хронологические рамки заимствования.

Возьмем один пример. Чув. *шала* «судак» имеет длинную историю, изучив которую, мы можем в полной мере реконструировать развитие этого слова: *шилекз > *шилеге > *шилег > *шыла > шала.

Возникает вопрос: имеет ли достаточную доказательность такая реконструкция? У нас есть ряд данных, которые при обоснованной хронологизации обеспечивают достоверную реконструкцию цепи развития. Для реконструкции семантического развития можно исходить из следующих фактов: название судака в современном венгерском языке представлено в форме *шӱллö* и имеет кальку *фогаш* из венгерского корня *фог* «зуб». В чувашском языке *шала* «судак» также производится от корня *шал* «зуб». Это значит, что данная рыба имеет в качестве характерного признака острые зубы. Но в тюркских языках существуют слова *тишек* и *шишек* «двухгодовалый баран или животное вообще» или «трехлетняя лошадь». Ясно, что это производные от корня *тиш* «зуб» или глагольного деривата *тише-*.

Для позднетюркского периода можно реконструировать два прототипа: для прабулгарского *шилеге* и для праобщетюркского *тишеке*. На второй фазе имело место озвончение третьего согласного в слове *шилеге*. Это слово мы находим в монгольском языке, где оно фигурирует в виде *шилегӱ*. Монгольская форма была заимствована хакасским и тувинским языками. Древнебулгарская форма *шилег* была заимствована древневенгерским языком, где развитие шло таким образом: шилеγ > шилеӱ > шӱллö.

Из венгерского слова проникло в баварский, немецкий, румынский и словацкий, а из языка дунайских булгаров оно было заимствовано южными славянами, и мы обнаруживаем его в сербском, болгарском, и отсюда оно попало в албанский.

Среднебулгарскую форму можно реконструировать при помощи материала татарского и башкирского языков. В старотатарском языке оно выглядело как *сыла*. Имеется соответствующая параллель и в башкирском. Непосредственно из среднебулгарского или через татарский слово *сыла* было заимствовано каракалпаками. Сравнительно новое заимствование из чувашского мы находим в марийском: *шыла*. Для каждого члена в цепи развития слова у нас есть данные в разных языках. Если подробно хронологизировать эти контакты, то это поможет нам в хронологизации развития чувашских фонем.

Одним из самых проблематичных вопросов истории чувашского языка является вопрос о корреляции современного чувашского *ы* и общетюркского *а*. Персидские и арабские слова принимали участие в этом развитии, которое видно из таких слов, как *хысна, хырça, хыпар, мыскара* и т. д. Это значит, что в таких словах протоформы в оригинале были: *а* в первом слоге (араб. *хазна, харач, хабар, масхара*), развитие *а* > *ы* имело место позже, чем состоялось заимствование этих слов. Как известно, эти арабско-персидские слова не могли быть заимствованы раньше начала X в., следовательно, переход *а* > *ы* состоялся позднее X в.

Венгерские языковые данные, на первый взгляд, противоречат сказанному. Венг. *тило* и чув. *тыла* «мялка» или венг. *дисно* и чув. *сысна* как будто бы отражают на месте общетюркского *а* древнетюркское *ы*. Между тем самые последние венгерские заимствования из древнебулгарского по историческим причинам не могут быть датированы позднее чем IX в.

Из этого противоречия возможны два выхода: 1) венгерский язык заимствовал эти слова не из предшественника нынешнего чувашского языка, а из другого диалекта древнебулгарского языка. Если это так, то можно допустить, что развитие *а* > *ы* произошло в этом диалекте раньше, чем в предшественнике чувашского языка. Возможно и второе решение: в древневенгерском языке уже был огубленный *а*°, а в древнебулгарском было два разных звука: огубленный *а*° и неогубленный *а*. Огубленный *а*° дал в венгерском *а*, а неогубленный *а* венгры приняли с субституцией заднерядным *ы*, который потом в венгерском перешел закономерно в переднерядный *и*. В пользу второго варианта говорят некоторые другие факты древнебулгарских заимствований в венгерском языке.

Совсем другое решение получает вопрос о хронологизации истории заднерядного *к*(*q*).

В арабско-персидских заимствованных словах существует группа, в которых на месте звука *к* оригинала в чувашском выступает *х*. Это приводит к выводу, что развитие *к* > *х* в чувашском языке имело место позднее IX в. В то время, когда в чувашском языке в словах с заднерядными гласными было невозможно *к*, тогда при заимствовании слов типа араб. *кува*, новоперс. *кувват*, чув. *хават* произошла субституция. С подобными примерами мы сталкиваемся и в таких случаях, как тат. *капка*>чув. *хапха* «ворота», тат. *кашага*>чув. *хашака* «наличник», «рама».

Как видно из вышесказанного, для реконструкции истории чувашского языка непременно надо знать историю булгарских языков. Я говорю булгарских потому, что чувашский язык является только одним из древних булгарских языков. Из современных тюркских языков чувашский является единственным представителем этой группы. При решении вопросов реконструкции надо учитывать факты истории других, ныне уже мертвых, булгарских языков, изучать их в тесной связи со всеми языками, с которыми носители разных булгарских языков имели контакты в течение более чем двух тысячелетий. Для этого необходимо учитывать весь предыдущий опыт работы ученых, занимающихся проблемами истории тюркских и многих нетюркских народов.

ТІЛ БІЛІМІ ИНСТИТУТЫ

Н. А. АНДРЕЕВ (УРХИ)
(Чебоксары)

ИРАНСКАЯ СОСЛОВНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ И ОТРАЖЕНИЕ ЕЕ В ЧУВАШСКОЙ ОНОМАСТИКЕ

Чувашская сословная терминология в основном совпадает с иранской (персидской) и состоит преимущественно из слов ираноязычного происхождения. Многие такие слова в современном чувашском языке устарели и, вероятно, из-за отсутствия выражаемых ими реалий потеряли свои лексические значения и превратились в собственные имена.

Иран с древних времен представлял собою огромное государство с монархическим строем и сословной организацией общества. Так было при Ахеменидах, Селевкидах и Сасанидах.

В социальном отношении, например, при Сасанидах (226—650 гг.) население Ирана делилось на четыре сословия (*тӑбӑкэ*). Перс. *тӑбӑгэ* означает «класс, слой (общества)», «сословие». В персидский язык это слово проникло из ассирийского языка, где *tavaka* означает «сила, мощь», «сильный, мощный» (ИИГК, 307). Оно имеет связь с древними индоевропейскими языками: скиф. *tava* «сила», «мощь», др.-инд. *tavas*, авест. *tavah* (ОЯФ, 185). В чувашском языке уст. *Тавакка* (*Тапакка*) — назв. сельского общества в бывшей Асакасинской волости Ядринского уезда.

Во главе Иранского государства стояли: *падишаh* или *падша* «царь, государь, монарх» ≈ чув. *патша* с теми же значениями;

эмир «князь, повелитель, государь» ≈ чув. *эмир* — титул крупных феодалов в Казанском ханстве; *Эмир*, и. м.;

мирза «писарь, писец, секретарь»; *мирза* — титул лиц из шахской династии, а также грамотного человека ≈ *марса* «мурза, дворянин»; *Марса*, и. м. (ср. *Тал-Марса*);

бӑк «бек, дворянин»; в чувашском языке этот титул сохранился в виде *пик* (*бик*), откуда *пике* «барышня, барыня, госпожа», в сокращенном виде *пи* — формант, который содер-

жится во многих чувашских женских именах: *Северпи* ~ *Шеверпи* < перс. *сāвар* «всадник, наездник»; *Шехерпи* < перс. *шāкāр* «сахар-песок», *Шекяр*, и. ж.; *Нараспи* < перс. *ноуруз* «новый день»; ср. перс. *Ноуруз*, и. м.; *Норосте*, и. ж.

В истории чувашского народа феодальная аристократия, желая подчеркнуть свое социальное происхождение или занимаемые посты (должности), добавляла к своим именам присвоенные им по должности титулы. Поэтому в чувашском языке весьма распространены сложные и сложно-составные имена и топонимические названия с компонентами в виде некоторых тюркских и иранских титулов *хан, бек, бай* (*пай*), *би, шах, марса* (*мурза*) и др. Например:

а) простые: *Эмир*, и. м., фам.; *Илпек*, и. м., фам.; *Пай, Марса, Марсук, Марсак, Марсаккай, Марси* — имена мужские;

б) сложные по конструкции титул + титул *Пимарса, Пикмāрса, Паймарса, Марсапай, Пимĕрсел* (*Пи+марса+ел*) и др.;

в) по конструкции титул + персидское слово или наоборот: *Пайпулат, Пайпалат, Пиктимĕр, Пачура, Шаймāрса, Шайпāлат, Ильмарса, Ильчура, Ильтупан* и др.;

г) титул + чувашский топоформат: *Марса-касси, Марса çаранĕ, Марса хāви, Марса ĕшни, Марсиван-касси, Марса кӳлли* — топонимы и др.

В результате тесного переплетения сословных титулов как составного компонента личных имен с более древними лексическими единицами, употребляемыми в качестве личного имени (терминами родства и названиями древних религиозных представлений), образовалась большая группа сложных топонимических названий, например: *Шихали* (*Шāхаль*) < араб. *шейх* «религиозный духовный наставник» + *Али*; *Шāхасан* (Шихазан) < *шейх* + *Азан, Янситово* или *Янсеитово* < янг «новый» + араб. «сеид», *Янмурзино, Бикмурзино, Яншихово, Байбахтино, Баклыево* и др.

Интересно образование названий двух селений Канашского района. *Огушкасы, Мурзыванкасы*, а также *Огуш-Мурзыванкасы*. Слово *огуш*, по разъяснению А. Н. Кононова[1], значит «сородич» от старотюркского *оγ* «мать» < *ог* «род, племя», чув. *йах*. Следовательно, *Огушкасы* — «выселок сородичей». *Мурзыван* < *мурза* (перс.) + *ван* «князь»: *Огуш-Мурзыван-касы* «выселок + мурзы + князя + сородичей».

Для обозначения войска и воинских званий имеются следующие названия: *чарик* «ополчение, доброволец, партизан»; чув. *çар* «войско», булг. *сарья*;

---

[1] *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М.-Л., 1958, с. 84.

аскар «воин, солдат, армия, войско»; тад. *аскар* «воин, солдат»; чув. *эшкер* «многолюдие, толпа, войско»; *Эшкер*, и. м., фам.: *Эшкер Ванькки.*

Тимсар — титул персидских генералов со значением «ваше (его) превосходительство»; ср. *Тимсар* и *Тинсар*, откуда *Тинсарино*, н. с. Шатьмы Красноармейского района, название четырех земельных обществ в бывшей Асакасинской волости Ядринского уезда: *Тинсар опчи: I Тинсаринское* — Русско-Сорминское, *II Тинсаринское* — Ефремкасинское, *III Тинсаринское* — Асакасинское, *IV Тинсаринское* — Хирлепское; *Тинсаринская* волость — Шатьминская; *Тинсарина* (*Чермёш*), н. с. Марпосадского района, *Тансарино (Тупах)* Урмарского района.

Группу разночинного населения составляли мастера, торговцы, наемные рабочие, рабы и прочие. Они назывались:

остад «мастер», «профессор», «искусный» (простореч. *уста, оста*); чув. *аста* «мастер», «умелый, опытный»; *Аста-касси*, н. с., *Уста-касы* Чебоксарского района.

Некоторые иранско-чувашские оттитульные имена и топонимы имеют в своем составе компонент *чура*: *Чурабай, Тинчура, Тинчурино, Шахчура, Шахчурино, Байчура, Чурино* (*Чура-ел*); ср. чув. *чура, чора* «раб, рабыня, невольница», тад. *чори* «раба, рабыня»; уйг. *чори*; узб. *чури* «рабыня, невольница»; караим. *чора* «работник, батрак»; в других тюркских языках этот термин отсутствует.

Органы управления: *кангаш* «совет, совещание, консультация»; чув. *канаш* «совет, согласие»; *кангашстан* уст. «консультативное совещание, парламент; совет» (там же), ср. название города *Канаш*.

Некоторые термины обычного права скрываются в чувашских антропонимах и топонимах, например: в чувашском языке *тӳре* «судья», *тӳре-шара* «судьи, чиновники», др.-тюрк. *тӳре* «обычай, обычное право (огузов)», перс. *шаре* «законодатель», *шар* — «закон шариата»; от *тӳре*: *Тӳре-касси* н. с.; имена мужские: *Тӳрей, Тӳревен, Тӳрекей, Тӳретей, Тӳрек* и др.

Теветер, и. м., *Деведеров*, фам. < перс. *дӑвадар* «истец», *дӑва* «иск, спор, тяжба», чув. *тав* «спор, тяжба».

Мухтар, и. м. < перс. *мухтар* «свободный, полномочный, уполномоченный»; *Мохтар*, и. м.

Иштерек, и. м., *Иштерек-касси* < перс. *эштэрэк* «участие, соучастие, совместное владение».

Турай, Торай, н. с. < перс. *дарайи* «имущество, собственность, владение, состояние».

Тевер, откуда *Теверук, Теверпи, Теверчен* — имена женские; перс. *дӑвӑр* 1) «арбитр», «справедливый», «правосудный»; 2) и. м., *Давар*.

Аксарин, н. с. Марпосадского района; перс. *аксаран* «преимущественно, максимально».

Ахтияр, и. м. < перс. *эхтийар* «право, полномочия», «воля», «выбор».

Паймет, и. м., *Паймит,* н. с. Козловского района < перс. *паймард* «заступник, ходатай; посредник», от *Паймит* > *Пайми,* и. м., *Пайми варё* н. оврага.

Паймен, Паймин, фам., *Пайментей, Пайминчен,* и. м.; ср. перс. *пэйман* «клятва, обет, уговор»; *Пейман,* и. м.

Пакаш, назв. селений (в Козловском и Ядринском рр.) < перс. *бахш* «часть, удел»; авест. *бахш* (ОЯФ 160).

Еткер «предмет владения; наследство»; топонимы: *Еткер,* н. с., назв. местности Комсомольск. р., перс. *йадгар* «сувенир, подарок, реликвия»; *Ядгар* и. м.

Юхма, н. с. (Батырево) < перс. *йагма* «добыча, трофей»; *Ягма,* и. м., назв. местности в Туркестане.

Мемуре, и. ж. (Ашм. VIII, 224); перс. *мамур* «служащий, чиновник».

Исментер, и. м., *Исментер çырми* название оврага в Вурнарском районе, *Исментер,* н. с. в Ядринском районе. *Семендер* назв. столицы Хазарии; ср. перс. *заминдор* «землевладелец, помещик».

Хунтвер название рода, *Хунтвер çаранё* на речке Уба çырми в Аликовском районе; *Хунтяр, Хонтяр* (*т* ≈ *д*), и. м., *Хунтьяр,* и. м.; перс. *кондавар* 1) «смелый, отважный»; 2) «мудрый, ученый»; 3) «богатырь, полководец; астролог».

Эрис: Эрис-ошкань, название деревни Арискина Шумерлинского района < перс. *эрс* «наследство».

Пани, и. м., *Пани-касси;* н. с. Баново Марпосадского района < перс. *бани* «основатель, создатель».

Серен. Серен-сл, н. с. Сырейкина ТАССР; *Серен-касси,* н. с. Баймашкина Красночетайского района < перс. *саран* (мн. от *сар* «голова») «главари, вожаки»; от *серен* образовались мужские имена: *Серентей, Серентук, Серенке.*

Сархан, и. м., *Сархантей,* и. м. < перс. *сархан* «регент хора, запевала».

Маскар, фам. ≈ перс. *Амузгар,* и. м. < *амузгар* «учитель, наставник».

Саватар, Саватер, и. м., *Саватер-касси,* н. с. Савадеркина Шумерлинского района < перс. *саваддар* «грамотный».

Михапар, и. м. < перс. *мохабэр* «ведущий переписку, связь»; *Пайак,* н. с. Пайки Аликовского района < перс. *пейк* «курьер, вестник»; *Пайк,* и. м.

На основании изучения иранской сословной терминологии и терминов обычного права можно сделать следующие выводы:

Предки чувашского народа в древности значительный период времени своей истории проживали в контакте с ираноязычными народами, что отразилось и в лексике языка в виде пласта иранских заимствований. Большинство рассмотренных иранских слов прочно вошло в состав чувашской лексики как собственные имена и употребляется в современном языке. Все это говорит о широком и глубоком влиянии в древности культуры ираноязычных народов на булгаро-чувашскую в основном до принятия ислама иранскими народами и волжскими булгарами. Позднейшими проникновениями в язык являются арабизмы *шейх, сеид, ходжа, султан.*

Сокращения

ВИ — Всемирная история. В десяти томах, т. II. М., 1956.
ИИГК — История иранского государства и культуры. М., 1971.
Мейе — Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1938.
ОЯФ — Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор, т. I, М.-Л., 1949.
ЭАГ — Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
и. ж. — имя женское.
и. м. — имя мужское.
н. с. — название селения.
сс. — селения.
уст. — устарелый.
фам. — фамилия.

ТІЛ БІЛІМІ ИНСТИТУТЫ

Е. А. АНИСИМОВА
(Чебоксары)

К ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ЧУВАШСКИХ НАЗВАНИЙ РЫБ

Семейство щуковых имеет широкое распространение почти по всей огромной территории СССР. По сведениям археологов, в ареале Волго-Камья щука являлась промысловой рыбой уже в V—II тысячелетии до нашей эры[1]. Носителям других тюркских языков также щука была известна издревле, о чем свидетельствуют названия этой рыбы, восходящие к одному архетипу **чортан*. Анлаутный пратюркский *ч* в разных тюркских языках отразился по-разному: тат., каз., кирг., турк., тур. языки имеют *ч-*, в башк., хак., як. он отразился как *с-*, в тув., аст. к. и в некоторых диалектах казахского языка *ш-*, а в чувашском языке он закономерно перешел в *с-*, который в некоторых говорах верхового диалекта чередуется с *ш-*. Варианты с начальным *ш-* зафиксированы в памятниках чувашской письменности XVIII века, где наряду с *сюртанъ* (РТЧМС 290), зафиксирован *шортанъ* (РЧММС 290). О принадлежности верховому диалекту последнего свидетельствует *-о-* первого слога.

Гласный первого слога архетип **-о-* в современных тюркских языках отразился более равномерно. В тат. и башк. языках *-о-* сузился и перешел в *-и-*, в чув. вместо **-о-*фигурирует редуцированный гласный заднего ряда *-а-*, в остальных тюркских языках *-о-* остался без изменения.

Инлаутный дентальный глухой **-т-* в чувашском языке между *-р-* и гласным заднего ряда *-а-* закономерно полуозвончается. Но в некоторых говорах, например, в курмышском, под влиянием соседних кыпчакских языков вместо *-т-* появился геминат *-тт-*[2]. В других тюркских языках, кроме

---

[1] *Букирев А. И.* Материалы к истории ихтиофауны и рыболовства бассейна Камы. — Сб. «Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции Института археологии АН СССР», вып. 2. М., 1961, с. 316.

[2] *Ашмарин Н. И.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898, с. 40.

якутского, где *-т- озвончился, сохраняется этимологический -т-. В кирг., алт., тел., леб., якут. языках наблюдается огубление открытого гласного второго слога под влиянием -о- первого слога. В некоторых говорах верхового диалекта чувашского языка редуцированный гласный первого слога также вызывает огубление открытого гласного второго слога: *çартон* (Ашм. XIII, 42).

Встречающаяся в башкирском языке форма *суртак*, мар. *чуртак*, заимствованный из (?) татарского, и калм. *цурдог*, видимо, являются морфологическими вариантами **чортан*.

В диалекте з.-сиб. тат. параллельно с формой *чуртан* в значении «щука» употребляется *куртан* (Тум. 156). Субституция *ч* ≈ *к* встречается и в некоторых других словах кыпчакских языков Поволжья[3]. Соответствие инлаутного *р* ≈ *л* также присуще этим языкам. Иногда этимологический -*р*- может выпадать[4]. Вполне возможно, что зафиксированные в русских говорах Прикаспия, Приазовья, Приуралья, Нижнего Поволжья и Урала название рыбы *кутум* ≈ *кутун*, которое М. Фасмер определяет как «темное слово»[5], связано с тюркским *куртан* ≈ *култан*. Из современных тюркских языков возможные параллели *кутум* ≈ *кутун* имеются в башк., з.-сиб., тат., турк., чув. языках. Семантика тюркских вариантов неоднородна: «бычок», «ерш», «пескарь», «голавль».

Вероятно, что марийский язык позаимствовал это название из соседних тюркских языков. Считать чув. *кутам* ≈ *кутан* заимствованием из марийского языка[6] нет надежных критериев. Этимология мар. *кадама* на финно-угорской почве не надежна семантически[7]: в горно-марийском *кадама* «пескарь», мар. (луг.) *котама* «форель», в других финно-угорских языках — «хариус», «форель».

Достоверной этимологии **чортан* пока не имеется. Чаще всего его сравнивают с монгольскими названиями щуки: калмч *цурх, цурха,* монг. *чурухай*.

Видимо, из монгольских языков **чораγай* попало в некоторые тюркские языки: башк. *суракай* «щука средней величины», тат. *чураγай* (≈ мар. *чораγай* «щука»), каз. *шораγатай* «маленькая щука», з.-сиб. тат. *чораγай* «большая щука», як. *чорохой, чороххой, борохой, сордохуй*.

Возможные параллели к тюркскому **чортан* имеются в некоторых финно-угорских языках: манс. *сорт, сорто;* хант.

---

[3] *Гарипов Т. М.* Кыпчакские языки Урало-Поволжья. М., 1979, с. 149.
[4] *Там же*, с. 141.
[5] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967, с. 435.
[6] *Лукоянов Г. В.* Марийские заимствования в чувашском языке. Чебоксары, 1974, с. 58.
[7] *Sebestyén S.* NyK XLIX, p. 49—50.

царт, коми *сир* «щука»[8]. Исследователи тунгусо-маньчжурских языков эвенк. *сордон* ≈ *сордонг,* сол. *соралди,* эвен. *сордох* считают заимствованием из якутского языка[9].

В **чортан* и **чорауай* условно можно выделить корневую морфему **чорт-* ≈ **чор-,* значение которой не ясно. Аффиксы *-ан, -ак, -ауай,* в данном случае, по всей видимости, имеют идентичное значение, конкретно которое указать трудно из-за затемненной основы. Они могут быть как аффиксами именного словообразования от глагольных основ, так и диминутивными аффиксами[10].

В современных тюркских языках, кроме турецкого, **чортан* выступает в значении «щука». В турецком языке *чортан* «уорь». В азербайджанском языке для обозначения щуки употребляется описательное название *дурна балыгы* (букв. «журавлиная рыба») и заимствованное из рус. *щука* ≈ *чучка.* В киргизском щуку называют *ördök баш* (букв. «утка-голова»).

В чувашском языке параллельно с *çарттан* встречается *шӳпке* ≈ *шӳкке* заимствованное из русского языка. Выпадение аффрикаты *ч* в первом слоге, вызванное стечением согласных в одном слоге, которое чуждо системе чувашского языка, опереднило заднерядные гласные слова. Чередование *-п-* ≈ *-к-,* видимо, появилось на чувашской почве. Передвижение ударения на последний слог также объясняется особенностью системы чувашского языка. Как мы уже отмечали выше, в названиях крупных рыб наблюдается тенденция к семантической дифференциации. При этом чаще всего указывается возраст рыбы — заимствованные формы имеют значение «щука средней величины», *шӳ* «щуренок», а *çарттан* «крупная щука». Такая дифференциация наблюдается и в башк. *суртан* «самая большая, старая щука»; *сурауай* — размером меньше и моложе *суртан.*

Тюркское **чортан* попало в русский язык в значении «мелкий карп». Семантический сдвиг И. Д. Гриценко объясняет случайным совпадением с «черт» — «нечистый», что привело к наименованию этим словом самого «бросового продукта»[11]. У *чортан* есть производные формы с уменьшительными суффиксами *чортанчик, чертаника*[12]. Название также проник-

---

[8] *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970, с. 257.

[9] Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, т. II. Л., 1977, с. 113.

[10] *Севортян Э. В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, с. 166—168, 172—173, 180—181, 200—217, 332—337.

[11] *Гриценко И. Д.* Промысловая лексика русских рыбаков дельты Дуная. КД. Л., 1964. Словарь, с. 31.

[12] Русские варианты см. в сб. «Этимология 1976», с. 78.

ло в укр. *чортанка, чертан,* болг. *чортан.* В сибирских говорах русского языка зафиксированы *чураγай, чуγарай,* заимствованные, видимо, из тюркских языков в значении «щука».

Марийский *чортан* и *чуртак,* по всей видимости, попали из татарского языка, а форма *çуртан* могла проникнуть из чувашского языка.

Сокращения

РТЧМС — «Русско-татарско-чувашско-мордовский словарь», обнаруженный В. Д. Димитриевым в составе заполненной Симбирской провинциальной канцелярией в 1737—1738 гг. анкеты историка В. Н. Татищева. Словарь опубликован в «Ученых записках» ЧНИИ, в. XIX. Чебоксары, 1960.

РЧММС — «Русско-чувашско-марийско-мордовский словарь», обнаруженный В. Д. Димитриевым. Опубликован в «Ученых записках» ЧНИИ, в. XIX. Чебоксары, 1960.

Тум — Тумашева Т. Г. Язык западносибирских татар. Грамматический очерк и словарь. Казань, 1961.

ТІЛ БІЛІМІ ИНСТИТУТЫ

Р. Г. АХМЕТЬЯНОВ

(Казань)

ЭТИМОЛОГИЯ НАЗВАНИЙ НЕКОТОРЫХ ЧУВАШСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЖАНРОВ

Юра «песня». Чувашское слово *йур, йор, йура, йора* «песня (вообще)» имеет параллели почти во всех тюркских языках (ЭСЧЯ, 350), но отличается одной интересной особенностью—огласовкой на *-а-* (*йар* > *йор* > *йур*). Это обстоятельство требует особого рассмотрения.

В других тюркских языках и диалектах, кроме диалекта западносибирских татар, в этом слове неизменно выступает *ы*: др.-тюрк. *ïr, jïr*, кумык., ног., башк., караим., мишар. (тат. диал.) *йыр*, каз., ккалп., тат., балк. *жыр, джыр*, кирг., тув., хак. *ыр*, узб. *җир* (≈ *җыйр*) «песня». В сибирских говорах татарского языка песня *йур, йүр* (Рад. Образцы., 117). Это звучание, по всей вероятности, проникло в сибирские говоры через ногайцев, которые в XIV веке жили в соседстве с чувашами и булгарами, но затем перекочевали на восток и в конце концов влились в состав западносибирских татар (этим объясняется и ряд других чувашско-сибирско-татарских параллелей в лексике).

Таким образом, в тюркских языках имеется два варианта звучания: *йыр* ‖ *жыр* и *йар* ‖ *йор* ‖ *йур*. Появление второго варианта считать результатом чисто чувашского изменения гласных нельзя, ибо все случаи, когда чувашскому *у*(<*а*) в других тюркских языках соответствует *ы*, имеют глубокие общетюркские корни. Например, чув. *тул, тол* (*<*тал*) «пространство вне помещения; внешний, наружный» тат., башк., кирг. *тыш*, казах., ккалп., ног. *тыс*, тур. *dış*, но узб., уйг. *таш*, аз. *даш;* чув. *тух* «выходить», тат. и др.-тюрк. яз. *чык*. объясняется как параллельное развитие др.-тюрк. *талык* > *та°лых* > *тохъ* > *тух* в чувашском и *талык* > *ташык* > *тшык* > > *чык* — в других языках. Чувашское *чухан, чохан* «бедный, бедняк» соотносится с чув. *чух, чох* ≈ тат. диал. *чак* «посредственный, умеренный, плохой, худой, еле-еле, едва» (ТТДС, 471) и, следовательно, исконная форма **чакын*, соответству-

ющее этому слову др.-тюрк. *čïγaj* «бедный», тат. диал. *чыйган, чыган,* башк. диал. *сыйган* «цыган» и русск. *цыган, цыгане* показывают, что, несмотря на более широкую распространенность, вариант с *-ы-* в корне является менее древним.

Этимология общетюркского слова *йыр* || *жыр* не разработана. Попытки возводить его к иранскому *zar* «жалоба; жалобная песня, причитание» малоубедительны: в семантике слова *жыр* || *йыр* нет намека на жалобу, жалобность.

Не удовлетворяет нас и сближение слова *жыр* с общетюркским *йар, жар* «клич; громкое объявление; обращение; решение; приказ» (откуда общетюрк. *йарлык* «приказ; объявление, ярлык»). Хотя и имеются татарские слова *жар* «детская песенка — обращение к объектам природы (к солнцу, дождю и пр.)» и *жара-* «петь такую песню», с возможными вариантами *йар, йара-* откуда могло брать начало чувашское *йор*, и, кроме того, у западносибирских татар имелось слово *царла-* (из *жарла-*) «петь песню—обращение», но, опять-таки, между тат. *жыр* и *жар* имеются существенные различия в семантике, а именно — *жыр, йыр* никогда не употребляется в значении «песня-обращение». Жанр *жар* имеет свои особенности в метрике стиха и в исполнении, которые не смешиваются с метрикой и исполнением жыров (песен). Если бы эти слова были лишь фонетическими вариантами, слово *жыр* || *йыр* в некоторых случаях — в отдельных языках или диалектах — означало бы «клич, объявление», чего никогда не наблюдается. Связь слов *жыр* || *йыр* «песня» и *жар* || *йар* «клич; обращение, объявление» могла быть только в более глубоком, общеалтайском срезе, см. в тунгусских языках *жар* «крик, окрик», *жари-* «петь», маньч. *жари-* «петь гимны, воспевать» (ТМС I, 246).

Для выяснения древнего значения и этимона слова *жыр* || *йыр, жар* || *йар* «песня», как нам представляется, полезно обратиться к дериватам от этого корня. В татарском языке и его диалектах имеется слово *жыру, йыру* «песнь» от глаголов *жыры-, йыры-,* ср. узб. *жиримок* «петь». Более распространенным вариантом этого глагола является *йыра-*: ср. др.-тюрк. *jïraγu* «певец, сказитель», сиб.-тат. *йырау* (Тим. 130), ног. *йырау*, каз., ккалп. *жырау* «певец; бард». тув. *ыраа*, як. *ырыа* «песня» (переход значения «певец > песня»). Восстанавливаемое древнеобщетюрк. **йыра- йара- жыра-, жара-* «петь, распевать песни» с полным правом можно сопоставлять с казах., ккалп. *жары-* «быть довольным, иметь в достатке», монг. *джиргуа* «наслаждаться счастьем, веселиться; блистать; пылать, сиять», откуда совр. монг. *зиргал, заргал* «блеск, счастье», як. *сарыал* «сияние, отблеск», кирг. *жыргал, ыргал* «удовольствие» и т. д.

Таким образом, чув. *юра* «песня» (из более древнего **йар*) отражает, по-видимому, первичную огласовку данного слова. В остальных тюркских языках активизировался вариант *жыр* || *йыр*, поскольку в них имелись еще слова *жар* || *йар* «клич; объявление» и *жар* || *йар* «друг, возлюбленный» (заимствованный из персидского).

Сăмах «слово». В чувашском языке широко употребляется слово *самах* (диал. *сомах*, *сумах*) «слово, пожелание», которое В. Г. Егоров возводил к др.-тюрк. *саб* «слово» (ЭСЧЯ, 181). Однако параллели этого слова в соседних языках не свидетельствуют в пользу такого предположения, ср. мар. *шамак, шомак* «слово, речь», тат. диал. *самак*; башк. hамак, hармак, hагамак «речь-обращение к отъезжающей дочери или к новоприбывшей невестке»; «прибаутка: речитатив, причитание; напевная речь»; «речистый; чудаковатый», в тат. говорах Башкирии *сармак* «многословное велеречие»; «словоохотливый, говорливый, речистый». Из этих данных видно, что исходным значением слова *сăмах* является «ритуальная песня-обращение к молодым во время свадьбы», т. е. это, собственно, название фольклорного жанра. Значение «слово» в чувашском языке либо является поздним переосмыслением этого названия, либо было заимствовано из татарского уже в переосмысленном значении. В значении «слово» *сăмах* активизировалось потому, что в чувашском не сохранился эквивалент общетюркского *сöз* «слово» (которому в булгарском языке должны были соответствовать звучания *сӳр* или *сёwёр*). Но все же в некоторых дериватах слова *сăмах* порой проявляются старые, забытые его значения, см. чув. *самахла* «спорный, заговоренный» (следовательно, *сăмах* имело и значения «заговор», «магические стихи»), *сăмахлăх* «народное творчество» (ср. тат. *сүз* «слово», *сүзлек* «словарь»). Н. И. Ашмарин в свое время зафиксировал и такое значение слова *самах* как «заклинание, наговор» (Ашм. XI, 245—249).

Своеобразный дериват *сăмахран* «например» ничего не дает для этимологии, ибо это слово калькирует кыпчакское выражение, ср. к.балк. *сёзден* «например» (букв. «из слова», ср. также мар. *мутлан* «например, к слову» от слова *мут* «слово»).

М. Рясянен в своем этимологическом словаре (см. Räs. 20) чув. *сăмах,* мар. *шамак* рассматривает в ряду слов: тат. диал. (не только в сибирских говорах, см. ТТДС, 174, 575) *йомак, йумак, жомак,* карач. *джумакъ,* хак. *нымах, нумах,* як. *намах, дьамах* и т. д. «иносказание, притча, сказка, загадка» (ср. также чув. *юмах* «сказка»). Принципиально такое сопоставление допустимо и при этом особенно близкими к чувашскому и марийскому словам оказываются татарские (и якут-

ские) варианты. Но, если принять версию Рясянена, во-первых, в чувашском должно было бы быть *çамах*. Во-вторых, тогда трудно объяснимо появление *а* ≈ *о* в первом слоге в чувашском диалектальном варианте *сомах* и в марийском *шамак*, *шомак* (предположение о заимствовании из якутского достаточно фантастично). Поэтому ниже предлагается более вероятное (прежде всего с точки зрения исторического и фонетического принципов этимологии) объяснение этого слова.

Тат. *са°мак, сармак* и башк. *hамак, hармак, hагамак* позволяют восстанавливать более древнее звучание в виде **саргамак*. По всей вероятности, это слово идентично туркм. *саргамак* «поручать, наставлять»; «поручение, наставление». В туркменском языке имеются и другие варианты данного слова: *самахламак, саркамак* «пустословить; пустословие», ср. общетюрк. (тат. диал., каз., ккалп., ног., караим.) *сарна* «петь, щебетать, петь жалобную песню; стонать» от имени существительного *сарын* «плясовая песня, песня-речитатив» (сиб.тат.), «длинная жалобная песня» (крымско-тат., кумык., хак., тув. яз., каз. диал.). Туркм. *сармаклаш* «ругаться, переругиваться (долго)» образовано от слова *сармак* в значении «ругать; говорить пустое слово», ср. старобашк. *hармак* «бестолковый»; всякая обрядовая песня *сармак, саргамак, сарңамак* в эпоху господства мусульманских обрядов стала казаться пустословием и бестолковщиной.

Таким образом, *са°мак, hамак* ≈ *самах, сомах, шамак* — это звенья одной из тех изоглосс, которые связывают чувашский, кыпчакские и огузские тюркские языки.

Др.-тюрк. *saryt* «декламация, скандирование» наводит на мысль, что этимологическим корнем слова *самах* является древнеобщетюрк. *sar-, sary-* «декламировать, скандировать» откуда образовались слова *сарын, сарың* и далее *саркамак* > *саргамак* > *самак*.

Такмак «частушка». Чув. *такмак* «речь старшего дружки на свадьбе; песенка, в которой осмеивают жениха; прибаутка, частушка» ≈ общетюрк. *такмак* «частушка, шуточная песня; басня, загадка, пословица» обладает известной ономатопоэтичностью, что дало повод В. Г. Егорову объяснить это слово как подражательное в своей основе (ЭСЧЯ, 228). В. В. Радлов обратил внимание на то, что телеут. *тапкак* «загадка» хорошо объясняется как производное от общетюркского глагола *тап-* «найти» (Рад. IV, 793, 952). Слово *тапкак* могло, конечно, переоформиться в *такмак* со значением «стихи» от глагола *так-* «пристегнуть, прищепить, привязать, подвесить» (см. Räs. 457) или от общемонгольского *так-, така-* «повторять, рифмовать». Точно такое же изменение значения наблюдается в случае туркм. *тапмача* «пословица, загадка», узб. диал. *тапмача* (УХШЛ, 245) крымско-

тат., каз. *тапмажа* «(рифмованная) загадка» ≈ тат. *такмаза* «народный стих, рифмованная речь, прибаутка», кирг. *такмаза* «сатирические песенки».

Но мог быть и другой путь образования слова *такмак*. В чувашском языке зафиксировано слово *такмак* «кожаная сумка (для подарков во время свадьбы)». Это слово, конечно, образовано (при помощи аффикса *-мак*) от *так-* «пристегнуть, прицепить и т. п.», т. е. *такмак* — это пристяжная (к поясу) сумка, ср. тат. диал., башк. *артмак* «хурджин, переметная сумка» от *арт-* «навьючить» (ЭСТЯ, 180—181), тат. *элмэк* «петля, петелька, подвеска» от *эл-* «подвесить», тат. диал. *кормэк* «узел, узы» от *кор-* «связывать узлом, сплетать» и пр. Один из гостей в доме невестки, а также сама невестка или один из сопровождающих в день прибытия ее в дом жениха ходили с такой сумкой, извлекали из нее подарки (перстни и др.), приговаривая прибаутки, частушки дарили хозяевам и гостям. Такой же обряд зафиксирован у мордвы и марийцев, ср. мар. *такмак* 1. «частушка»; 2. «кожаная сумка» (в нее кладут хлеб-соль, когда отправляются сватать невесту). Сват или другой представитель брачующихся сторон, берущий на себя раздачу подарков и прочие функции, должен быть острословом, знать много частушек, пословиц, прибауток, загадок и т. д. Поэтому, естественно, в каз. и ног. языках *такмак* означает «пословица», а в узб. диалектах *такмак* «острослов, болтун» (УХШЛ, 246).

Таким образом, на примере значений *такмак* прослеживается ряд интересных и типичных смысловых переходов: пристяжная сумка для подарков (свата или другого представителя брачующихся сторон) > название жанров, которые исполняются при раздаче подарков > человек, похожий на исполнителя этих жанров (ср. тат. диал. *сармак* «словоохотливый»).

Следует еще отметить, что слово *такмак* в обоих значениях в чувашский и марийский языки, как явствует из фонетического облика, заимствовано из татарского (Ашм. XIII, 161—162: *такмак* «песни на татарский лад»).

Литература

Мух. — Мухаметзянов Р. М. Свадебная обрядовая поэзия приикских татар Башкирии. — «Фольклор народов РСФСР», вып. 1. Уфа, 1974.
Рад. Образцы. — Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, т. IV. СПб, 1872.
ТТДС — Татар теленен диалектологик сузлеге. Казань, 1969.
Тум. — Тумашева Д. Г. Көнбатыш Себер татарлары теле. Казан, 1961.
УХШЛ — Узбек халк шевалари лугати. Ташкент, 1972.

Ю. ДМИТРИЕВА-САЛОНТАЙ
(Чебоксары)

НАЗВАНИЯ ДЕРЕВЬЕВ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

В финно-угорском и уральском языкознании с конца прошлого века успешно применяется палеоботанический метод. Суть его заключается в том, что анализ совпадающих названий растений из общего словарного состава родственных языков позволяет реконструировать первоначальные формы, проследить их распространение и воссоздать примерную прародину народов, говорящих на исследуемых языках. Применяя этот метод, И. Н. Шебештен написала работу о старых названиях деревьев и словах из лесной терминологии в уральских языках[1], в которой, рассмотрев историю 125 слов, сделала выводы, представляющие интерес в плане этногенеза финно-угорских и соседящих с ними народов.

В тюркологии палеоботанический метод пока не применялся, хотя этимологии названий деревьев приводятся в известных словарях В. Г. Егорова, М. Рясянена, Э. В. Севортяна, а также публикуются статьи, посвященные происхождению названий деревьев в чувашском языке в качестве первого шага в системном палеоботаническом их исследовании.

Сосна (pinus silvestris) имеет в чувашском языке три названия.

1. Чув. *хыр, хыра;* ср. тув., тоф. *хады,* якут. *харыйа.* Имеются уральские соответствия: фин. *kuusi*, лапл. *guossa*, морд. *куз,* мар. *кож,* удм. *кыз,* коми *коз,* манс. *кавт,* хант. *хут* «ель», далее нен. *хаади*, эн. *кади* и др.<протоурал. **kowese.*

Чув. *хыра* < **кады.* Вероятно, слово перешло в пратюркский из самодийских языков. Из того факта, что оно сохранилось только в чувашском и сибирских тюркских языках, можно сделать предположение о соприкосновении древних

---

[1] *N. Sebestyèn Irén.* Fák és fás helyek régi nevei az uráli nyelvekben, különnyomat. NyK LI—LIII, kötetèböl. Budapest, 1943.

тюрок с самодийцами. Следует отметить, что значение финно-угорских слов не «сосна», а «ель», ср. также удм. *кызьпу* «береза».

2. Чув. диал. *йахта;* ср. марЛ. *йакте*, марГ. *йакте* «сосна», а также «всякого рода строевое дерево»[2], коми *йаг* «сосновый лес, бор», удм. *йаг* «бор».

Из тюркских языков данное слово встречается только в чувашском, где оно, несомненно, — заимствование из марийского языка. В инлауте на месте *-к-* в чувашском появляется звук *-х-*. Трудно объяснить наращение конечного *-те* в марийском, поскольку омофонного аффикса там нет. Слово возводится к общеперм. **йаг* (КЭСКЯ, 337). Шебештен считает это окончание устарелым аффиксом. Семантическое развитие слова в марийском языке шло, видимо, по такому пути: «всякого рода строевое дерево» > «сосна».

3. Чув. диал. *нарат, нарт* (Ашм. IX, 11); ср. тат. *нарат*, также *нарад* (Буд. II, 276), к.-балк. *нарат*, кум. *нарат терек* «сосна», *телинарат* «ель»; монг. *нарат* (мн. число от *нарасун*), бур. *нарһан.*

Тюркские формы восходят к монгольскому прототипу, чув. *нарат* непосредственно заимствовано из татарского. Тат. *наратбаш* и составное название *нарат үләнә* содержат в себе это же слово.

Ель (picea).

Чув. *чăраш,* диал. *чирĕш, чĕреш, чăрша* (Ашм. XV, 212 и далее), ср. также *чирша* «название растения»; тат. *чыршы*, башк. диал. *сыршы*, каз., ккалп. *шырша,* кирг., туркм. *чырыш*, азерб. *чириш,* тур. čirišotu «название травы».

Чув. *чăраш* заимствовано из татарского. Интересно, что в башкирских диалектах это слово встречается с начальным *с-*, а в литературном башкирском *шыршы* является заимствованием. В огузских языках (за исключением гагаузского) и в киргизском мы находим фонетически близкие формы при семантическом расхождении. Носители огузских языков могли знать слово *чириш* в его исходном значении «ель», но после миграции на юг, вероятно, стали этим словом называть другое, похожее на ель растение. Ср. этот же компонент в названии хвоща в волжско-тюркских языках: чув. *чăрăштăрри,* тат. *чыршы үләне* (*уты*), башк. *шыршы үлән.*

В некоторых тюркских языках распространено слово *карагай* со значением «ель», «лиственница», «пихта», «лес». В чувашском оно не встречается. Г. Дерфер и М. Рясянен считают его монголизмом в тюркских языках. Более вероятно, однако, обратное направление: слово заимствовано из тюркских языков монголами, из монгольских языков оно, как

---

[2] *Szilasi M.* Cseremisz szótar. Budapest, 1901.

установил Дерфер, проникло в персидский язык. Слово *карагай* — произошло от тюрк. *кара* «черный» с малопродуктивным отыменным аффиксом *-гай* со значением «снабженный, владеющий чем-либо». Следовательно, первоначальное значение фитонима — «то, что имеет черный цвет», «черное дерево».

Тополь (populus).

Чув. *тирек*; ср. тат. *тирәк* «тополь», в диалектах также «всякое дерево», башк. *тирәк* «осокорь, черный тополь»; др.-тюрк., уйг. *терӓк*, туркм. *дерек*, каз., кирг., ккалп., алт., тув. *терек*, узб. *терӓк*, якут. *тирӓх*, тур. direk agaci «тополь», сары-уйг. *тирек*, кар. *дирак* «дерево», *тӓрӓк* «дерево» и «фруктовое дерево»; к.балк., кум., ног. *актерек* «осина».

Чув. *тирек*, вероятно, восходит непосредственно к татарской форме. Чуваши сейчас тополь называют преимущественно русским его именем, ср. также *шӳр тополь* «тополь серебристый». Слово же *тирек* используется чаще для называния осокоря. На расширение семантики слова в некоторых тюркских языках («тополь» > «дерево вообще») могла повлиять контаминация его с перс. *дӓрӓхт* «дерево».

Ива (salix) в чувашском представлена несколькими названиями.

1. Чув. *çӳçе* кроме значения «ива, тальник, ракита» известно и в значении «бахрома, кисточка». В остальных тюркских языках параллелей нет. Этимология чув. *çӳçе* неясна. В. Г. Егоров приводит в своем словаре *çӳçе* в значении «кисть, бахрома». Возможно допустить, что в чувашском языке это слово имеет метафорическую природу: ива могла получить название благодаря сходству ее свисающих ветвей с кистями, бахромой. С семантической стороны такая гипотеза возможна, однако возникают фонетические трудности: если чув. *çӑçе* возводить к праформе **чачак*, то трудно объяснить появление *ӳ* на месте *а*. Можно допустить, что *-ак* — аффикс уменьшительности, а в основе слова лежало тюрк. *чач* < *сач* ≈ чув. *сӳç* «волосы».

2. Чув. *хӑва*, диал. *хуа* «ива, тал, ракитник», в диалектах также «куст» (Ашм. XIV, 144); ср.-тюрк. *кавак агач* «тополь», тат., кирг. *куак*, ног. *кувак* «куст, кустарник», башк. *кыуак* «куст», кар. *кабух* «колючий куст», тув. *хаак* «ива», *карахаак* «китайская береза», алт. *ала каак* «ивовый кустарник», тур. *kavak* «тополь», тоф. *хаак* «тальник, прут».

Слово общетюркское по происхождению и распространению. Его первоначальным значением могло быть «куст», отмечаемое в кыпчакских языках. Однако в тувинском, тофаларском и чувашском языках оно обозначает иву. Чувашский язык единственный, где это слово употребляется в обоих значениях.

Общераспространенное название ивы в тюркских языках *тал* отсутствует в чувашском языке. В древних памятниках письменности и в большинстве современных тюркских языков первоначальное значение слова *тал* «ветвь, ветка» сосуществует параллельно со значением «ива», только в турецком и гагаузском оно обозначает «ветвь». Слово *тал* заимствовано русскими диалектами в значении «ива», а аффиксальное образование *тальник* перешло и в лексику общенародного языка.

3. Чув. диал. *йенкке, йенккĕ*; ср. тат. *өянке*, башк. *өйәнке* «ива», каз. *йӣенкі* «клен». Название образовано от основы *өй* «собирать в одну кучу», следовательно, первоначальное его значение «то, что собрано в кучу, куча, груда». Таким названием ива обязана форме своих ветвей, образующих ниспадающие кисти. Слово зафиксировано только в некоторых чувашских говорах, контактирующих с татарским языком.

Ива белая (salix alba).

Чув. *йӑмра*, диал. *йумра*. Происхождение слова неизвестно, соответствий нет ни в тюркских, ни в соседних финно-угорских языках. Судя по фонетическому облику, слово кажется заимствованием, возможно, тат. **йомра* → чув. *йумра* > *йӑмра*. Н. И. Золотницкий в своем словаре сравнивает его с тат. *йумура* «ива», но такая лексема не зафиксирована в известных нам словарях татарского языка.

Осина (populus tremula).

Чув. *авӑс*, диал. *ус*; ср.-тюрк *аусак*, тат. *усак агачы*, диал. *осак*, башк. диал. *аусак*, к.балк. *бусак*, алт. *аспак*, хак. тув. *ос*.

Это слово имеется и в индоевропейских языках, откуда оно, вероятно, и проникло в тюркские языки. Чув. *авӑс* восходит к более раннему **оос*. Интересно, что чувашская диалектная форма слова сходна с хакасским и тувинским соответствиями. Аффикс *-ак* в ряде тюркских форм может быть тем же самым аффиксом уменьшительности, который встречается и в слове *сачак* «бахрома» (≈ чув. *сӳçе*).

Липа (tilia).

Чув. *çака*, диал. *çако*; ср. тат., башк. *йукә*, сиб.-тат. *йӯгә*, кум. *йөге*, каз. *жөке*, ног. *йоьке*, азерб. *жөкэ агачи*; калм. *джоке* «липа», также «ильм, вяз» следует считать тюркизмом.

Из тюркских языков слово распространено главным образом в чувашском и кыпчакских языках. Чув. *çӑка* восходит к прототипу **джөкэ*.

Вяз (ulmus).

Чув. *хурама* «вяз» и «вязки у саней», диал. *хорама* «вяз», «часть телеги», «место моления» (Ашм. XVI, 215). Последнее метонимическое значение явно окказионально. Ср. тат., башк.

карама «вяз», «вязки, схватки санные», ккалп. *караман* «твердое дерево, похожее на дуб», аз. диал. *гарамух* «иглистое колючее дерево, растущее в безводных местах»; калм. *хармог модн* «сибирский карликовый вяз», осет. *харман* «вяз».

Чув. *хурама* восходит к **ка°рамаг*. Слово заимствовано из тюркских также угро-финскими, ср. удм. *куромо*, манс. *карам* «вяз». В хантыйском *харама* означает также «вязки саней». В отношении каракалпакского и осетинского языков можно предположить, что конечный *-н* в них — какой-то аффикс. В ногайском, киргизском, огузских и некоторых других языках «вяз» обозначается словом *карагач*.

Клен (acer).

Чув. *вĕрене;* ср. тат. *өрәнге*, диал. *өргә*, к.балк., кум. *ӱргә*. Чувашская форма восходит к прототипу татарского облика. Тат. *өр-* «дуть» < **ӱр-*, это, видимо, звукоподражательный корень. Слово встречается только в чувашском и некоторых кыпчакских языках. По структуре оно сходно с тат. *өйәнке* «ива». Подобное слово имеется и в башкирском языке, но без переноса значения *өрөнкө* «вздутый». Возможно, это слова разного происхождения.

Береза (betula).

Чув. *хӳран*, диал. *хоран*; ср. др.-тюрк. *кадың, кайың*, тат., башк., ног., к.балк. *кайын*, кум. *кайнын агач*, каз., кирг., *кайның*, тур. *kayïn* «бук», азерб. *гайын агачы, агчагайын*, туркм. *гайын агач*, узб. *кайын дарахт*, уйг. *кейин*, алт. *кайин*, хак. *хазың*, тув. *хадың*, якут. *хатың*. Слово имеется во всех тюркских языках. Чув. *хӳран* восходит к праформе **кадың*.

Лещина, орешник (corylus).

Чув. *шӗшкӗ*. Ни в одном из тюркских языков слово не встречается. Происхождение его неизвестно и в чувашском языке. Л. В. Дмитриева возводит его к русскому *шишка*, однако из-за фонетических и семантических трудностей это представляется маловероятным.

В некоторых кыпчакских языках орешник называется словом *чикләвек*, отсутствующим в чувашском языке. Интересно, что в татарских и башкирских говорах встречаются варианты этого слова с гласными и переднего и заднего ряда. Можно предположить, что *чикләвек* — производное слово от основы с неизвестным для нас значением и малопродуктивным ныне аффиксом. Из кыпчакских языков это слово проникло в калмыцкий.

Ольха (alnus).

Чув. *çирӗк*, диал. *çырӑк, çерӗк* (Ашм. XII, 87, 117); ср. ср.-тюрк., тат. *зирек*, диал. *зирик, йирек, йерек, йерех*, башк. *йерек*, к.балк. *джерк*, кирг., туркм., *зирк* «барба-

барис», узб. *зирк дарахти,* якут. *сисик* «ольха», «вид ивы»; морд. *сирэк* «ольха».

Приведенные выше формы следует разбить на две группы. Тат. *зирек* и т. д., кирг., туркм. и узб. *зирк* восходят к иран. *зирк* «барбарис». Ко второй группе относятся чув. *çирĕк*, тат. *йирек,* тат., башк. *йерек,* к.балк. *джерк,* якут. *сисик* и морд. *сирэк*. А. Рона-Таш считает, что татарская, башкирская и мордовская формы — заимствования из волжско-булгарского языка. Чув. *çирĕк* < **джерик*. Венг. gyűrű-fa восходит к др.-булг. **йириг, *джериг*[3].

Ясень (fraxinus).

Чув. *каврáç,* диал. *кавáрáç, кавáрç, карáç-йӳç* (Ашм. VI, 18, 96); к.балк. *кӳрӳч, кӳйрӳч,* кум. *гӳрӳч,* ног. *кӳйриш,* аз. *көйрӳш,* калм. *кӳрӳс,* осет. *кáрз,* венг. *kőris*.

Чув. *каврáç* < **көврич* < **кеӳрич*. Чувашское слово имеет мало параллелей в тюркских языках. Относить сюда же тат. *корыч агач* и башк. *корос агас,* хотя они обозначают то же дерево, затруднительно по фонетическим причинам: основа татарского названия сближается с *корыч* «сталь», которому в чувашском соответствует *хурçа, хурáç*.

Кроме тюркских языков, соответствующие чув. *каврáç* имеется в ряде иносистемных языков. Учитывая отсутствие иранских параллелей к осет. *кáрз*, В. И. Абаев считает его заимствованием из древнечувашского языка[4].

Рябина (sorbus).

Чув. *пилеш*; ср. тат., башк. *милэш,* диал. *мэлэш;* удм. *палеж,* коми *пелысь,* морд. *пизел* (плоды), *пизелкс* (дерево), мар. *пызле*.

Поскольку слово из всех тюркских языков встречается только в чувашском и двух волжско-кыпчакских, можно считать, что в них оно является заимствованием из финно-угорских языков. Непосредственный источник и происхождение слова еще предстоит выяснить.

Боярышник (crataegus).

Чув. *катáркас*, диал. *катáркáç, катáр çырли, катáрка* «название дерева», *катáрка* «дерево с шишковатой неровной корой», *катáркас* «боярышник» (Ашм. VI, 161 и далее); ср. марГ. *кадыра* «сухие сучья», *кадыри* «частые колючие сучья (у лесных яблонь)». Кроме чувашского, слово в тюркских языках незафиксировано. Несмотря на то, что в марийском языке оно не имеет значения «боярышник», все же можно полагать, ввиду прозрачной мотивированности, что чув. *ка-*

---

[3] *Rona-Tas A.* Az altaji nyelvrokonság vizsgálatának alapjai I—II, Doktori értekezés. Budapest, 1970, p. 416.

[4] *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.-Л., 1958, с. 587.

таркас является заимствованием из марийского языка. Слово *катар* не зафиксировано в иных лексикографических источниках, кроме Словаря Н. И. Ашмарина. Но оно известно в некоторых говорах чувашского языка, где употребляется для обозначения грубых, шершавых поверхностей. Природу конечного *-кас* можно объяснить следующим образом. Среди аффиксов субъективной оценки имеется отыменный аффикс *-ка*(*-ке*)[5]. Возможно, кроме него в рассматриваемом слове имеется еще аффикс уменьшительности *-ç*.

В некоторых тюркских языках для названия боярышника употребляется слово *дүләнә*, имеющее, несомненно, монгольское происхождение. Монгольское слово проникло и в персидский язык.

Шиповник (rosa).

Чув. *шалан* «шиповник», «болотный хвощ». В остальных тюркских языках это слово не встречается, оно зафиксировано лишь в диалекте глазовских татар: *шылан агач* «шиповник». Чув. *шалан* в этом же значении перешло в марийский: *шуанвондо* (*вондо* «стебель»).

В некоторых тюркских языках имеется метафорическое название шиповника *ит буруну*, букв. «собачий нос». Вероятно, оно употреблялось вначале для обозначения плодов шиповника, которые действительно напоминают собачью морду. Затем оно было перенесено и на кустарник. В венгерских народных названиях шиповника находим такую же аналогию: kutyarózsa «собачья роза». Ср. также башк. *элморон* «розовый нос» и тув. *ит-кады* «собачья ягода».

Кроме этих названий шиповника в татарском и башкирском языках употребительны и сложно-составные их эквиваленты: тат. *гөлжимеш, гөләп,* диал. *гөл алмасы,* башк. *гөлйемеш.* Тат. *гөләп,* по мнению Н. В. Бургановой, восходит к перс. *гөлаб* «розовая вода». Это требует дополнительного объяснения семантических оснований номинации.

Дуб (quercus).

Чув. *йуман* (орфогр. *юман*); тат., башк. *имән,* к.балк., кум., каз., ккалп., ног., кирг.*емен,* узб. *еман*, уйг. *емән,* алт. *ермен агаш.*

Чув. *йуман* < *имән;* начальный *й-* указывает, очевидно, на заимствованный характер слова. Учитывая территориальное распределение его можно считать кыпчакизмом. Отсутствие в древнетюркских и среднетюркских памятниках дает основание предполагать, что данное слово производное. Его основой могло быть слово *им* «лечебное средство, лекарство», зафиксированное в памятниках тюркских языков и сохра-

---

[5] *Левитская Л. С.* Историческая морфология чувашского языка. М., 1976, с. 144.

нившееся в чувашском. Раньше отвар дубовой коры применялся в качестве лекарства, поэтому слово *юман*, возможно, первоначально означало «лечебное дерево». Конечное *-ен* слова, вернее всего, какой-то специальный аффикс в названиях растений, ср. *шалан, палан.*

Как в чув. *юман*, так и в тат. реконструируемом **йом-ан*, корнем является *йум*, ср. чув. *им-юм* «снадобья», монг. *дом* «лекарство, лечебное средство» и «липа».

Краткие выводы.

Рассмотренные выше слова по происхождению и распространенности можно распределить по следующим группам:

1. Слова тюркского происхождения, в том числе:

а) распространенные в большинстве тюркских языков: *чăраш, тирек, хава, хуран*;

б) общетюркские слова, не имеющиеся в чувашском языке: *карагай, тал, ит буруну, дулэнэ* (< монг.);

в) слова, принадлежащие к кыпчакскому ареалу: *çака, хурама, вёрене, çирёк, каврăç, юман, йенкке;*

г) слова, принадлежащие к кыпчакскому ареалу, но не имеющиеся ни в чувашском языке, ни в остальных тюркских языках: *чиклэвек, гелжимеш.*

2. Заимствования с установленным источником: *яхта, катаркас* — из марийского, *нарат* — из монгольского (через татарский), *хыр* — из самодийских, *авас* — из индоевропейских, *пилеш* — из пермских.

3. Слова неизвестного происхождения: *шёшкё, шалан, йăмра.*

Как видим, большинство названий деревьев в чувашском языке имеет тюркское происхождение, а число заимствованных слов невелико. Естественно, заимствования почерпнуты из лексики соседящих народов и отражают разновременные контакты с ними чувашей в определенных культурно-исторических и природных условиях.

Так, слово *хыр* было заимствовано от северных самодийских народов, обитающих ныне очень далеко от ареала распространения чувашей. Самодийцы когда-то могли быть соседями предков чувашей, а также установлены их контакты с тувинцами и якутами. Это дает основания для предположения о локализации прародины чувашей в соответствующих регионах Сибири.

Хакасская и тувинская формы *ос* «осина» позволяют также сделать аналогичный вывод о том, что исходная форма чув. *авас* — **оос* могла перейти в древнечувашский язык на территории, близкой к современной Хакасии и Тувы.

Слово *тирек* — общетюркское. Значение этого слова по языкам различается. В татарском, например, оно кроме основного значения «тополь» имеет и значение «сосняк», а в

татарских диалектах — «всякое дерево». Это можно объяснить тем, что на территориях, заселенных тюрками, тополь был одним из самых распространенных деревьев, поэтому первоначальное значение слова *тирек* изменилось и оно стало обозначать всякое дерево, дерево вообще. Тополь растет преимущественно в низинах, болотистых местах. То же самое можно сказать об иве. Интересно то, что слово *тирек* сохранилось в чувашском языке, а слово *тал* вышло из употребления, вместо него чуваши применяют названия *çӳçе*, *хава*.

В финно-угорских и самодийских языках одно и то же слово означает «куст», «ивовый куст», «кустарник». Для сравнения с ним можно взять чув. *хава*, которое, кроме своего общего значения «куст» (сохранилось только в диалектах) имеет и значение «ива».

В историческом и географическом плане достойны внимания чувашско-осетинские параллели. Из рассмотренных названий два имеют соответствия в осетинском: *карз* «ясень» и *харман* «вяз». Оба слова встречаются только в небольшой группе кыпчакских языков, поэтому можно предположить, что их переход из древнечувашского языка в осетинский произошел без посредничества какого-либо другого языка. Местом заимствования мог быть Северный Кавказ. Наверное, здесь же было заимствовано венгерским языком слово kőris «ясень».

Из монгольских языков самое большое количество тюркских заимствований в названиях деревьев встречается в калмыцком, и это не случайно. Тюркские слова перешли в калмыцкий в основном после миграции калмыков на их нынешнюю территорию.

Рассмотренные названия деревьев далеко еще не в полном объеме получили этимологическое объяснение. Осталось много открытых вопросов, требующих дальнейших исследований.

И. Г. ДОБРОДОМОВ

(Москва)

О НЕКОТОРЫХ ГИППОЛОГИЗМАХ И СОЗВУЧНЫХ СЛОВАХ

Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка

Среди иранизмов чувашского языка целесообразно выделить аланский пласт, восходящий к языку поздних ирано-язычных кочевников Северного Причерноморья. Часть алан, сохранившая свой язык, дала начало современным осетинам, что делает необходимым сопоставление чувашской лексики с осетинской для выявления аланского пласта среди чувашских иранизмов.

Этимологи пока не обращали внимания на одно периферийное чувашское обозначение лошади: *пах* детск. «лошадь»; *пах* или *пах-пах* «так манят лошадей и жеребят»; *пах-тыйха* «жеребенок»; *пахха, паххи* детск. «лошадь»; *пох* «так кличут лошадей» (*пох, пох-пох*); *пах* «так манят жеребят» (Ашм. IX, 143, 148; X, 57, 169). На тюркской почве оно имеет параллель лишь в татарском детском *бахбай* «лошадка; жеребенок» и подзывном слове *бах* (или *ба*).

Сводный «Словарь русских народных говоров» (вып. 2. М.-Л., 1966, с. 152) отмечает в вятских говорах: *бах* «старая или заморенная лошадь, кляча», также не получившее пока этимологической разработки.

Совсем недавно было обращено внимание на созвучные всем этим лексемам осет. *бæх* «лошадь» и ст.-русск. *бахмат* «ногайская лошадь, боевой конь»[1]. В сопоставляемой паре *бах-бахмат* второе едва ли может быть производным от первого, поскольку неясна природа «дополнительной части». Зато есть возможность объяснить *бах* (и сходные с ним) как результат сокращения слова *бахмат*.

Попытка этимологизации этого старинного коневодческого термина, известного и польскому языку, была предприня-

---

[1] *Добродомов И. Г.* Язык исчез — слова остались (Об аланских словах в русском языке). — «Русская речь», 1977, № 1, с. 93.

та в конце XVIII века польским востоковедом — графом А. К. Чарторыйским. Граф выводил *bachmat* из гибридного сочетания персидского *pähn* «широкий, просторный, обширный» и тюркского *ат* «конь»[2].

Впоследствии А. Зайончковский подверг этимологию А. К. Чарторыйского сокрушающей критике, поскольку персидское *pähn* неприменимо к коням и неизвестно тюркским языкам. Но и этимология А. Зайончковского, заменившего в гибридной схеме персидское *pähn* редким и также неизвестным тюркам арабским *bahi:м* «конь чистой масти (без примеси и пежин)»[3], страдала тем же недостатком, и в современной литературе не получила сочувствия.

Загадочное русское *бахмать* в последнее время получило ставшую почти общепризнанной этимологию К. Г. Менгеса, который этот коневодческий термин *бахмать* выводил из мусульманского личного имени *Маххамад* (в тюркской огласовке *Бахмат*), весьма распространенному у мусульманских тюрков[4]: конь был-де назван по имени всадника, что могло произойти на русской почве, поскольку у самих тюрков-мусульман указанное весьма престижное имя на коня перенесено быть не могло. Г. Ф. Одинцов, принимающий этимологию К. Г. Менгеса, фактически вопреки ей на основе исторических соображений сам справедливо постулирует и весьма убедительно доказывает ногайское происхождение термина[5].

Любопытный материал можно найти в «Записках о московитских делах» С. Герберштейна. Описывая татарских лошадей, С. Герберштейн указывает, что эти лошади у татар называются *пахматами*[6]. Тюркский характер названия *бахмат*, зафиксированного у С. Герберштейна как *pachmat*, не вызывает сомнения, а этимология К. Г. Менгеса требует пересмотра и поисков источника уже на чисто тюркской почве.

Слово *бахмат* было известно у тюрков в южнорусских степях. Француз Г. Боплан (ок. 1600—1673) в своем «Опи-

---

[2] *Reychman J.* Znajomosc i nauczanie jezykow orientalnych w Polsce XVIII w. Wroclaw, 1950, S. 118.

[3] *Zajaczkowski A.* Studia orientalistyczne z dziejow slownictwa polskiego. Wroclaw, 1953, S. 46—47.

[4] *Menges K. H.* Slavo—altajische Wortforschungen. — Festschrift für Dmytro Cyzevskyj zum 60 Geburtstag». Berlin. 1954, S. 187—189. Эти соображения К. Г. Менгеса были приняты М. Фасмером в «Этимологическом словаре русского языка» (т. I. М., 1964, с. 136—137), где почему-то была опущена фраза: «Вероятно, восточное слово с неустановленной этимологией», — что создало иллюзию окончательного решения проблемы.

[5] *Одинцов Г. Ф.* Два ногайских заимствования в русском языке. — В кн.: «Этимология 1971». М., 1973, с. 195—201.

[6] *Herberstain S.* Rerum Moscoviticarum Commentarii.Basileae, 1551, p. 94; Basileae, 1556, p. 86. *Herberstain S.* Moscouia der Hauptstat in Reissen. Wienn, 1557, S. 90.

сании Украины» (1650 г.) указал: «...татарские кони... переносят труды почти невероятные: только они неуклюжие и некрасивые *бакематы* (так называют их татары) в состоянии проскакать без отдыха 20 или 30 миль. Густая грива и хвост их достают до земли»[7]. В этом переводе нужно отметить неточность транскрипции французского начертания *baquemates*, которое, конечно, должно читаться *бакмат(ы)*.

Прототип лексемы *бахматъ* легко реконструируется на основе тюркского словосочетания **бакма ат* «домашний (прирученный) конь», состоящее из двух лексем: *бакма* «прирученный, домашний»[8] и общетюркского названия лошади *ат*[9]. В живой речи это сочетание произносилось со стяжением гласных на стыке компонентов словосочетания как **бакмат*. Согласный *к*, особенно в положении перед следующим смычным, легко спирантизируется, переходя в *х*; отсюда и тюркская форма **бахмат*, весьма близкая к русской.

Сочетание *бакма ат* «домашний конь» было оправданным для времени существования диких коней, а с их исчезновением оно утратило актуальность и выпало из языка.

«Татарско»-ногайское слово *бахмат* получило распространение у восточных славян в формах *бáхматъ*[10] и *бахмáтъ* (об этом говорит написание *бохматъ* в памятниках[11], откуда попало к полякам — *bachmat*[12] и к чехам).

Попавший в языки немусульманских народов Восточной Европы термин *бахмат* испытал в этих языках контаминацию с именем *Мухаммад, Магомед, Бахмет* и т. п., поскольку название *бахмат* «татарский конь» легко осмыслялось как «конь Бахмата». В связи с этим разобранные этимологические соображения К. Г. Менгеса в значительной степени

---

[7] *Боплан Г.* Описание Украины. СПб., 1832, с. 44, 169.

[8] От общетюркского глагола *бак-* «смотреть; ухаживать; пасти и т. п.» (≈ чув. *пăх-*) прилагательное *бакма* зафиксировано сейчас лишь в «Киргизско-русском словаре» К. К. Юдахина — 2-е изд. М., 1965, с. 100: *бакма канаттулар* «домашняя птица», *бакма айбан* «домашнее животное», *бакма ордок* «домашняя утка» и т. п.

[9] Ср. чувашское название иноходца *çарха*, но *çурхат* устар. «ендова: старинный медный сосуд для пива, своей формой напоминающий коня-иноходца» — из *çурха* (> *çарха*) + *ат* «конь». — проникшее в татарский язык: *чират* «ендова (кадочка)», *чиргат* «медный сосуд для пива» (ЭСЧЯ, 222). Чувашское слово *ут* «конь, лошадь», в самостоятельном употреблении испытало переход *а* в *у*, имевший место в первом слоге слова, но в составе сложного слова *çурхат* (во втором слоге) сохранило архаический общетюркский облик *ат*.

[10] Лексикон латинський Е. Славинецького. Лексикон словено-латинський Е. Славинецького та А. Корецького-Сатановського. Київ, 1973, с. 424: «Бáхматъ. Caballus Bachmat».

[11] *Булыка А. М.* Даунія запазычанні беларускай мовы. Мінск, 1972, с. 39.

[12] *Brückner A.* Słownik etymologiczny jezyka polskiego. Kraków, 1927, S. 10.

оправдываются, но они отражают лишь позднейшее осмысление слова у христианских народов Восточной Европы.

Обращает на себя внимание странное для тюркизма ударение *бахматъ*, в старинной русской лексикографии получающее объяснение на аланской почве, где было принято и ударение на первом слоге слова (особенно в диалектах типа иронского наречия осетинского языка) (Абаев ОЯФ, 385—386).

В тюркизме *бахмат* (вероятна и форма **бахмад*) на аланской почве последний слог (*-мат* или *-мад*) мог отождествляться с существительным *мад* «мать» (ср. осетинск.: иронск. *мад*, дигорск. *мадæ*), и все слово в духе «народной этимологии» осмыслялось как сложное. Выделившийся из него «первый элемент» *бах* вступил во взаимодействие с исконным аланским названием лошади, оттеснив его на положение наименования кобылы: современное осет. *ефс* (jæfs. в дигорском æfsæ) «кобыла» продолжает индоевропейское название лошади, отраженное в лат. equus, греч. ἵππος, др.-индийск. aśva, персидск. اسپ *асп* и т. п. Ср., впрочем, литовск. ašvà устар. «кобыла» (Абаев I, 563). Вятское *бах* «кляча» может считаться региональным аланизмом русского языка, причем его источник предпочтительно связывать с языком такого загадочного народа, жившего в Поволжье, как буртасы. Этноним *буртас* хорошо этимологизируется на иранской почве как сложение старого иранского этнонима *ас* «алан, яс» (во второй части) с названием большой реки или моря, отраженным в осетинском языке (иронск. furd, дигорск. ford) и в гидрониме *Прут* (у Геродота Πόρατα). Первоначальное значение этнонима *буртас* — «речные асы (ясы)». Под рекой подразумевается Волга.

В пользу тюркского происхождения аланско-осетинского названия лошади *бæх* говорит следующий факт. В небольшом списке аланских слов, составленном в Венгрии в 1422 году, зафиксировано слово bah с неграмотно записанным латинским переводом ecus вместо equus — лошадь[13]. Это подвергает сомнению ранее высказанное предположение о кавказском происхождении осетинского слова. Вероятно, название жеребенка в вейнахских языках (чечен. *бакъа*; ингуш. *бакъ*), считавшееся кавказским источником для осет. *бæх*, само представляет осетинское заимствование. Ср. также *бахі* «кляча» в имеретинском диалекте грузинского языка (из осетинского) (Абаев I, 255—256). В Венгрию аланский тюркизм bah, конечно, был занесен из степей Украины, а не с Кавказа.

---

[13] *Немет Ю.* Список слов на языке ясов, венгерских алан. Орджоникидзе, 1960, с. 8, 11, 14, 15, 21, 22, 23.

Аланское слово *бах* вошло не только в русские вятские говоры, но и в тюркские языки Среднего Поволжья: подзывное слово *бах* (bah), датск. *бахбай* «лошадка»; чуваш. *пах* «лошадь», *пах-тыйха* «жеребенок», *пахха*, *паххи* «лошадь, лошадка» и т. п.

В «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина (вып. IX, 1935, с. 146) отмечено прилагательное *пахмат* «отчаянный, смелый» с пометой о записи его в Бугульминском уезде Самарской губернии и примерами: *Пахмат — çын кёмелле мар çёре харамасăр кёрекен çын.* «Пахмат — это человек, который входит без страха туда, куда нельзя входить»; *Пахмат тесе, сăмаха шухăшламасăр калакана калаççё.* «Кто говорит не обдумывая слова, того называют пахмат». Это чувашское слово вполне можно увязать со старым кыпчакским названием коня *бахмат*, памятуя, что так назывался ценный боевой конь[14]. В чувашском языке это слово, не имеющее глубокой хронологии (*а* начального слога не изменилось в *у*!), получило переносное значение при забвении исходного терминологического употребления. Любопытно, что глагольное образование, семантически связанное с этим словом, в словаре Н. И. Ашмарина имеет иную основу: *пахмас-лан* «стать отчаянным, наглым» (синоним *куштанлан*). Неустойчивость основы, вероятно, следует рассматривать как показатель ее архаизации и постепенного выхода из употребления.

В. Г. Егоров рассматривает также омонимичное *пахмат* (с вариантом *пахмат*). 1. «чувство меры, такт»; 2. «рассудок» с производным *пахматсар* (*пахматсăр*)* 1. «несуразный, нелепый»; 2. «безрассудный», сопоставляя его с кумыкским *пагьму* «способность», *пагьмусуз* «неспособный» (ЭСЧЯ, 145). К этому следует добавить, что и кумыкское и чувашское слова в конечном счете восходят к арабскому *фаhм* «понимание; проницательность; ум; умение», которое проникло и в другие тюркские языки (Räs. 144)*.

---

[14] *Одинцов Г. Ф.* Указ соч., с. 197. Ср. семантическую структуру слова *тулпар* в киргизском: 1) сказочный крылатый конь; 2) боевой конь, выдающийся скакун, тулпар; 3) богатырь (*Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965, с. 764—765). За пределами тюркских языков: *тулпар* 1) «сказочный конь» и 2) «богатырь»—*Гальченко И. Е.* Глоссарий-лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе, 1975, с. 134.

* У Н. И. Ашмарина в «Словаре» (IX, с. 174) *пахмăт-сăр* «бесцеремонный в движениях и обращении с другими» (с. Орауши Вурнарского района).

* Без чувашского и кумыкского материала при турецком *fehim* «понимание». Конечный слог *-ат* чувашского *пахмат*, возможно, отражает арабское окончание множественного числа. Неточно: *Ахметьянов Р. Г.* Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978, с. 123.

Отмеченное у Н. И. Ашмарина янтиковское диалектное «*пахмат*» «обжора» с пояснением: *Пахмат тесе, çисе тарана пĕлмен çынна калаççĕ (Нумай çийекен çын)* «Человека, который не может наесться, называют *пахмат* (много едящий человек)», — вероятно, как предполагал уже Н. И. Ашмарин, восходит к собственному имени и к коневодческой лексике никогда не имело никакого отношения. Личные мужские имена *Пахматті* и *Пахмуть* Н. И. Ашмарин отметил в деревне Березовые Олгаши Сундырского района[15].

Как показывают разобранные примеры, при этимологическом анализе заимствованной лексики чрезвычайно важным оказывается учет вторичных сближений и народноэтимологических переосмыслений вторичного характера, которые порою совершенно заслоняют реальную историю слова.

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ АТЫНДАҒЫ ТІЛ БІЛІМІ ИНСТИТУТЫ

---

[15] Отмеченное у Н. И. Ашмарина (в. IX, с. 145) в деревне Кошки-Шемякино бывшего Буинского уезда Симбирской губернии изолированное *пахамат* «слово, указывающее на непристойное выражение» (*эс вал пахаматасене парах-ха* «Ты брось-ка эти свои непристойности»), вероятно, сопоставимо с русским выражением *благой мат*. Но, пожалуй, его наиболее вероятным источником можно считать фрагмент *бога мать* в составе русского ругательства, ибо сочетание *бл-* обычно устраняется путем вставки гласного: *пал-* < *бл-*.

Н. И. ЕГОРОВ
(Чебоксары)

О НАЗВАНИЯХ ВРЕМЕН ГОДА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Выбор данной семантической группы лексики в качестве предмета историко-этимологического анализа не случаен. Названия времен года являются довольно архаичными словами, общими для всех тюркских языков и восходят к общеалтайскому пласту лексики.

Современная система летосчисления связана с изучением движения небесных тел и основана на данных астрономии и других естественных наук. А как вели счет времени наши предки? Существовало ли у древних тюрков понятие о времени вообще? Если да, то с чем оно связано? Ответы на все эти вопросы можно дать анализируя факты языка. Наличие в тюркских языках таких слов, как *йыл* «год», *йай* «лето», *чак* «время», *кӱз* «осень», *кыш* «зима», *йаз* «весна», *тавлак* «сутки», *кӱн* «день», *кӑчӑ* «ночь», *ир* «утро», *çĕр* «ночь», а также собственнотюркские названия месяцев и дней недели подтверждают, что тюркоязычные народы еще в древнейшую эпоху имели представление о временных понятиях. Понятия эти были тесно связаны с практической деятельностью человека. Основным хозяйственным занятием тюркоязычных народов было кочевое скотоводство. Поэтому календарные рамки различных сезонов находятся во взаимосвязи с теми хозяйственными работами, которые приходились на тот или иной сезонный отрезок года.

Четкого разграничения четырех времен года, существующего в настоящее время, у древнейших тюркоязычных племен не было. Четко различались лишь два сезона: теплый и холодный. Теплый — это период расцвета природы, период, когда скот выгонялся на летние пастбища — *йайлаγ*, т. е. тот отрезок времени, который по нынешнему календарю в основном совпадает с весной и летом. Холодный сезон — период, когда природа замирает, все живое отдыхает, скот загоняется в зимовье — *кышлак* (отсюда развилось значение «деревня», «кишлак»).

Во многих языках до настоящего времени сохранилось такое бинарное деление года на два сезона: на теплый —

летний и на зимний — холодный. Так, в картвельских языках существуют самостоятельные слова только для понятий «лето» и «зима», но для выражения понятий «весна» и «осень» нет специальных слов и они никак не обозначаются, а присовокупляются с «зимой» и «летом». Грузинское слово *za-pχul* — «лето» этимологически распадается на *za-* «год» *pχ* — «теплый» и буквально означает «теплый год», а грузинское *zamtar-* также распадается на *za* «год» и **mtar* (<**mt-*) «холодный» и буквально означает «холодный год»[1]. Следовательно, «грузинский язык отображает то культурное состояние, когда человечество представляло себе отдельно лишь два сезона, лето и зиму, а весну и лето никак, или, вернее, слитно, весну с летом и осень с зимой, как некие диффузные понятия — всего лишь два понятия»[2].

Следы аналогичного древнего состояния отмечены и в славянских языках. «Слова *весна, лето* и частично *осень* обозначали теплое время года, собственно *лето*, а *осень* и *зима* — холодное, собственно *зиму*. Слово *зима* могло обозначать холод вообще, а весь годовой цикл назывался *лето*»[3]. Русское слово *лето* полисемантично — это и «летнее время», и «юг», «южное направление», «теплый» (ср. смоленск. *слетный* «тепловатый»), и «время жизни» (столько-то лет прожил), и «год». Обычно это слово выводят из глагола *лити* «лить», «идти (о дожде)», и объясняют как «время дождей», ср. литовское *litùs* «дождь» (Фасм. II, 488—489; 504).

Г. Якобсон, исследовав динамику семантики слов *лето* в целом ряде славянских языков, установил, что первоначальным значением этого слова было «тепло». В дальнейшем развитие семантики слова *лето* в славянских языках шло в следующем направлении: «тепло» > «теплый сезон (года)» > «лето» (= сезон с его характерными признаками как **промежуток времени**) > «лето» как точка во времени = единица измерения > «год» как промежуток времени > «год» как точка во времени > «время» = «год» во множественном числе (ср. рус. *лета* «годы»)[4]. Точно также имеет множество значений и русское слово *зима* — это не только «зимнее вре-

---

[1] *Климов Г. А.* Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, с. 86, 134, 194.

[2] *Марр Н. Я.* «Зима» || «смерть» (из палеонтологии речи). — «Избранные работы. Основные вопросы языкознания». Т. II. М., 1936, с. 216.

[3] *Вялкина Л. В.* Зима и лето. — Журнал «Русская речь», 1968, № 4, с. 97.

[4] *Iaccobson G.* Le nom de temps «lĕto» dans les langues slaves.— «Etudes de philologie slave publices par l'Institut russe de Stockholm». Uppsula, 1947, I, с. 83; *Потаенко Н. А.* Темпоральная лексика как объект лингвистического изучения. — ИАН СССР. Серия литературы и языка. т. 38, № 3, 1979, с. 244.

мя года», но и «север», «северное направление», и «снег», и «холод», «озноб» и т. д. «Общеславянское *zima восходит к общеиндоевропейскому *gheim «зима». Первоначальным значением последнего считается (в связи с его родством с гр. χιων «снег», арм. jiun «снег») «время снега»[5]. Слова же *весна* и *осень* всегда имели по одному значению; они указывают на промежуточные времена года и, по всей вероятности, возникли сравнительно поздно, чем слова *лето* и *зима*.

Накопленный до сих пор большой материал по сравнительно-историческому и этимологическому анализу славянских названий времен года позволили реконструировать первичное состояние праславянской темпоральной лексики и системы временных обозначений. Исследователи темпоральной лексики отмечают, что древнейшей в славянских языках была двучленная структура с противопоставлением *весна — *зима. Эта двучленная структура впоследствии превращается в четырехчленную: *leto—zima—vesna—jesenь*[7].

Обращаясь к тюркским языкам, мы заметим весьма примечательную фонетическую близость между тюркскими *йай*, чув. *çу* «лето» и *йаз*, чув. *çур* «весна», *йаш* «год, возраст», *йыл* «год», чув. *çул*, «год, возраст» с одной стороны, и с другой, такую же близость обнаруживаем между тюркскими *кӱз*, чув. *кӗр* «осень», и *кыш*, чув. *хӗл* «зима».

Известный этнограф конца XVIII века К. Милькович оставил весьма примечательное замечание касательно летосчисления чувашей: «годов они по порядку не числят, *а зима и лето составляют их год* (курсив наш. — *Н. Е.*), который начинается с нашим ноябрем месяцем и оный называют они *Чукъ-Уигъ*, т. е. жертвенный месяц; ибо в начале своего года, или его первого в году месяца»... они приносят жертву[8].

Во многих районах Чувашии в недалеком прошлом (самые ранние записи относятся к 80-м гг. XIX в.) зафиксирована такая песня:

Хӗл уйахӗ улт уйах...
Çав уйахӗ çич уйах...
«Зимних месяцев — шесть месяцев,
Летних месяцев — семь месяцев».

Песня эта записана во многих вариантах, что говорит о широком распространении среди чувашей в прошлом пред-

---

[5] *Шанский Н. М.* Принципы построения русского этимологического словаря словообразовательно-исторического характера. — ВЯ, 1959, № 5, с. 41.

[6] *Ивашина Н. В.* Семантическая микросистема обозначений времени в праславянском языке. АКД. Минск, 1978, с. 5.

[7] *Потаенко Н. А.* Указ. раб., с. 244.

[8] *Никольский Н. В.* Этнографический очерк Мильковича, писателя конца XVIII века о чувашах. Казань, 1906, с. 7—8.

ставления всего лишь о двух сезонах года — о «лете» и «зиме»[9]. Совокупность зимних и летних месяцев составляет 13-тимесячный год по лунному календарю.

Аналогичное представление о временах года сохранилось и среди турецких земледельцев. Вот что пишет по этому поводу В. А. Гордлевский: «В деревнях год делится на две половины: от дня Хызыра (23 апреля) до Касыма (26 октбря) — лето («*яз*»), и от дня Касыма до дня Хазыра — зима («*кыш*»). День Хазыров в народе... так и называется «началом лета» («*яз сене башы*»); день Касыма («отделяющий лето от зимы») — «началом зимы» («*кыш сене башы*»)»[10]. Это же подтверждает В. П. Курылев[11].

Как мы уже отметили выше, в древнейшие времена, как можно предполагать из фактов языка, в сознании людей вовсе не было понятия о годе как о единице времени, равной периоду обращения Земли вокруг Солнца (т. е. 365 дням). Там, где мы различаем один астрономический цикл — год, первобытный человек различал два законченных цикла, как бы два года, два завершенных сезонных круга: 1) весна-лето (слитно, диффузно, как единое понятие), который в его сознании ассоциировалось как теплый, солнечный, светлый, обильный, урожайный период и 2) осень—зима, который ассоциировался как морозный, холодный, снежный, скудный, неудобный, трудный в хозяйственном отношении период. Эти два природных цикла, характерные для сознания древнейшего человека, можно условно назвать «климатическими годами».

Почему же древнейший человек там, где мы видим один замкнутый цикл, состоящий из четырех сезонов — времен года, различал непременно два временных цикла, а не три или, скажем, не пять?

Этот вопрос получает свое объяснение в дуальном (или бинарном) характере первобытной философии. Исследователь дуальной организации и дуалистических космогоний первобытных народов А. М. Золотарев, на основе анализа мифологии многих народов мира, в том числе и австралийцев, сохранивших первобытно-общинный строй вплоть до XX века, пришел к выводу, что для древнейшего человека, «дуальная

---

[9] Научный архив ЧНИИЯЛИЭ, отд. 1, т. 168, с. 51; инв. № 801, с. 355; № 2083, с. 238; № 3621, с. 27; № 4499, с. 231; №4930, с. 50; № 5775, с. 113 и т. д. *Н. Р. Романов.* Чувашский народный календарь. — УЗ ЧНИИЯЛИЭ, вып. XXI. Чебоксары, 1962, с. 239.

[10] *Гордлевский В. А.* Материалы для османского календаря. — «Академик В. А. Гордлевский. Избранные сочинения. Этнография, история востоковедения, рецензии». IV том. М., 1968, с. 89.

[11] *Курылев В. П.* Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства (новейшее время). М., 1976, с. 43.

организация является исходным пунктом взгляда на мир, основой всякой классификации, первоначальной и важнейшей из известных им логических концепций. Австралиец не мыслит ни одной вещи, ни одного предмета, ни одного явления природы вне классификации, построенной на дуально родовом базисе»[12]. Далее у него читаем, что «будучи первой упорядоченной формой общества, дуальная организация оказала глубочайшее влияние на мировоззрение человечества. В дуальной организации первобытный человек нашел трафарет, которым он пользовался при классификации внешнего мира»[13].

Первоначальное бинарное выделение двух сезонов, точнее, двух «климатических» годов: теплого и холодного, особенно для людей, живших в умеренной географической полосе, было так естественно, ибо эти два сезона — лето и зима — имели четко выраженные различительные признаки, что не заметить их было никак нельзя, точно также нельзя было их объединить в один цикл — год — в современном понимании этого слова. Зима и лето — это настолько разные явления, зима настолько отличается от лета, что связать их вместе и придумать им общее название люди смогли не сразу. Так, в древне-русском языке основным значением слова *годъ* было «время вообще», «неопределенный отрезок времени»: *БѢ бо годъ обѢду* «ибо было время обеда» (Житие Феодосия Печерского, XII в.). Очень распространенными были сочетания слова *годъ* с различными прилагательными временного значения: *утреннии годъ*, «утреннее время», *осеннии годъ* «осеннее время», *вечернии годъ* «вечернее время» и др. Со значением «время вообще», «неопределенный отрезок времени» связаны известные современному русскому языку глаголы *годить ,погодить* «ждать».

Современное понятие года «365 дней» встречается в древнерусском языке гораздо реже, хотя известно оно с давних времен. Первое употребление слова *годъ* в указанном значении относится к 1136 году[14]. Показательно, что значение «год» прежде всего отмечается в грамотах-памятниках деловой письменности. В более ранние времена в значении «год» употреблялось слово *лето* «самое теплое время года, лето». В памятниках разных жанров это слово встречается в значении «год» вплоть до конца XV — начала XVI вв. В современном русском языке слово *лето* в значении «год» сохранилось в сложных словах с первой частью *лето-*: *лето-*

---

[12] *Золотарев А. М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964, с. 91.

[13] *Золотарев А. М.* Указ. работа, с. 291.

[14] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. СПб., 1893, с. 540.

пись, летописание, летосчисление, а также в застывшей форме родительного падежа множественного числа[15]. Обозначение цикла из 365 дней привычным словом *лето*, видимо, казалось более простым, чем пользование словом, которое обозначало бы и зиму, и лето вместе.

Только впоследствии дальнейшее развитие системы времен года привело к выделению четырех сезонов.

Аналогичное развитие названий и системы времен года наблюдается в тюркских и, шире, алтайских языках. В праалтайском, и даже в пратюркском языках реалии «весна» и «лето», видимо, еще не были четко дифференцированы друг от друга и обозначались одним и тем же словом или однокоренными производными. Сказанное относится и к реалиям «осень» и «зима», которые также передаются через однокоренные производные слова. Об этом свидетельствует близость фонетического состава общетюркских названий времен года **йаай* «лето, весна» и **йааз* «весна» с одной стороны и, с другой — **кууз* «осень» и **кыыш* «зима» а также недостаточная семантическая дифференцированность слов **йаай* и **йааз,* оба из которых могут означать как «весну» так и «лето». В конечном итоге слова **йаай, *йааз* «лето, весна», а также **йааш* «год, возраст» и **йыл* «год» восходят к одному общему корню **na:* — со значением «солнце», «тепло», а слова **кууз* «осень» и **кыыш* «зима» — к другому общему корню **q'a:* — со значением «холод».

О былом различении только двух времен года, точнее «теплого года» и «холодного года» косвенно свидетельствуют и производные от названий времен года формы. Так, в чувашском языке производные от *çу, çав* «лето» и *хĕл* «зима» образуются по одной общей для них модели: *çу* «лето», *çул-ла* (<*çав-ла*) «летом»; *хĕл* «зима», *хĕл-ле* «зимой», в то же время производные от *çур* «весна» и *кĕр* «осень» образуются по другой: *çур* «весна», но *çуркунне* «весной»; *кĕр* «осень», но *кĕркунне* «осенью». Видимо, ко времени, когда начинались различаться в составе года сезоны «осень» и «весна» аффикс наречия *-ла/-ле* уже потерял свою продуктивность и отошел в пассивный морфемный фонд. Наречные формы от атрибутивных синтагм *кĕр кунĕ* и *çур кунĕ* уже не могли образоваться при помощи аффикса *-ла/-ле* поэтому присоединили аффикс дательно-винительного падежа *-не.* Далее, в чувашском языке употребительны фразеологически связанные сочетания: *хĕл каç-* «зиму зимовать» (букв. «зиму перейти»), *çу каç-* «лето летовать» (букв. «лето перейти»), *хĕле кĕр-* «дожить до зимы» (букв. «в зиму войти»); *çава тух-* «дожить до лета» (букв. «в лето выйти»), *хĕл хута*

---

[15] *Вялкина Л. В.* Указ. раб., с. 98.

«в течении зимы», *çу хута* «в течении лета», но фразеологически связанные сочетания по таким моделям со словами *çур* «весна» и *кёр* «осень» в чувашском языке невозможны.

Далее значительный интерес в этом плане представляет сближение картв. **za-* «год» с чув. *çу* «лето», *çул* «год» и *йаш* «возраст, молодость», предпринятое Г. Е. Корниловым. Если такое сближение окажется правомерным, то мы имеем все основания допустить, что предки современных тюркских народов в отдаленном прошлом в годовом цикле различали, как и предки картвельских народов, только два сезона, а не четыре, что мы наблюдаем у современных тюркоязычных народов.

Груз. **za* «год, время года», мегр. **zo-*, восстановленные Г. А. Климовым[16] из компонентов исторических сложных слов, а также сван. *zäj-*, *zäv-* «год» фонетически ближе всего к чувашскому *çав*, *çу-*, *çо-* (срв. тури *çолла*) «лето», «год» (в смысле сколько лет прошло). Другие тюркские имеют в исходе *-й*: *йай*... и т. д. Есть достаточно оснований предполагать, что того же корня тюркские основы, представленные в чувашском *çул* «год как завершенный цикл четырех сезонов» и *йаш* «возраст, молодость». «Мы не можем, — пишет далее Г. Е. Корнилов, — до конца объяснить структуру этих слов, но, видимо, ауслаутные *-в*, *-л*, *-ш* являются самостоятельными морфемами, призванными дифференцировать значения основы, хотя и допустимо их аллофоническое происхождение из единой фонемы»[17]. Несмотря на то, что в чувашском языке имеем функциональные алломорфы *çу* ≃ *çав* «лето» в производном *çулла* «летом» первый сонорный *-l-* необязательно рассматривать как результат регрессивной ассимиляции *-в-* сонорным плавным *-л-* последующего *-ла*, т. к. в некоторых чувашских говорах (например, в Урмарском районе Чувашской АССР) встречается более архаичный его вариант *çавалла*, где первый сонорный плавный *-л-* может оказаться рефлексом древнего омертвевшего аффикса **-ал*, впоследствии фузировавшегося с корневой морфемой. В пользу такого предположения говорит и зафиксированная В. П. Вишневским форма *сюль* (=*çул*) «лето» (также «источник» — совр. чув. *çăл*; «борть», совр. чув. *çала*).[18]

Рассмотренные здесь факты языков разных семей свидетельствуют о типологически однородных путях развития си-

---

[16] *Климов Г. А.* Указ. раб., с. 86.

[17] *Корнилов Г. Е.* К определению объема и характера булгаро-чувашско-картвельских лексических параллелей. — «Чувашский язык, литература и фольклор», вып. I. Чебоксары, 1972, с. 61.

[18] *Вишневский В. П.* Начертание правил чувашского языка и словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии. Казань, 1836, с. 157.

стемы времен года в индоевропейских, картвельских и урало-алтайских языках. В указанных языковых семьях древнейшая структура системы названий времен года основывалась на бинарном противопоставлении теплого и холодного сезонов (первоначально обособленных замкнутых единиц—годов). При дальнейшем развитии языка эта двучленная структура превращается в четырехчленную. В современных языках эта четырехчленная структура составляет самостоятельное единое понятие «год», которое обычно нередко обозначается названием наиболее важного в хозяйственном отношении теплого сезона года — лета.

Таким образом, намечается наиболее достоверные, на наш взгляд, пути исследований в области этимологии тюркских (resp. алтайских) названий времен года, а также слов со значениями «год», «возраст».

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ
атындағы
ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

В. И. КОТЛЕЕВ
(Чебоксары)

К ФОНЕТИКЕ ОБЩЕТЮРКСКОЙ ЛЕКСИКИ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Сведения о фонетических особенностях общетюркской лексики в чувашском языке ученым известны давно. Теперь же на повестке дня стоит задача составления более или менее цельного и систематического фонетического описания этого пласта лексики, поскольку это необходимо для других разделов чувашеведной лингвистики, например, исторической лексикологии и этимологии.

Один из видных советских тюркологов, посвятивший многие годы своей научной деятельности тюркской этимологии, покойный проф. Э. В. Севортян в своей последней работе «Этимологический словарь тюркских языков» (т. I) писал: «В этимологических исследованиях по разным языкам центр тяжести анализа нередко переносится в область фонетических изысканий, когда на основе установленных в науке историко-фонетических процессов и их закономерностей в данном языке и родственной с ним языковой общности воссоздается предельно достижимый фонетический облик этимологизируемого слова» (ЭСТЯ, I, 29).

Хотя для действительной этимологии ограничение фонетическими изысканиями, безусловно, нежелательно, тем не менее для этимолога хорошее знание историко-фонетических процессов в семье исследуемых родственных языков и их отражения в данном языке является первейшей необходимостью, ибо достоверность той или иной конкретной этимологии зависит, прежде всего, от правильности фонетической реконструкции.

Свободная ориентация в историко-фонетических процессах и их отражениях в конкретных тюркских языках, в закономерностях фонетико-фонологических соответствий между данным и родственными ему тюркскими языками, хорошее знание фонетико-фонологических особенностей разных пластов современной лексики особенно важны для успешных занятий в области чувашской этимологии, поскольку этот язык, как известно, в фонетическом отношении значительно отличается от всех тюркских языков.

Итак, что мы понимаем под общетюркской лексикой в чувашском языке? Под общетюркской лексикой в составе конкретного языка мы понимаем тот пласт лексики, который параллельно представлен во всех или в абсолютном большинстве тюркских языков. Конечно, это несколько условная общность слов, ибо здесь могут быть заимствования друг у друга и параллельные заимствования из чужих, неродственных языков; не все слова в этимологическом ряду могут восходить к одному языку-источнику, они вполне могут быть результатами параллельного развития из разных родственных источников. Но тем не менее выделение т. н. общетюркской лексики в составе конкретного языка — это единственно надежный путь отделения в языке древнейшей лексики от новой и новейшей. А для этимологии, а также для исторической фонетики конкретного языка в таком отделении есть большой смысл. Даже заимствования, если они общетюркского характера, могут дать многое для выяснения закономерностей фонетического развития слов с древнейших времен.

В целом, несмотря на все отмеченные условности, т. н. общетюркская лексика сформировалась в древнейшие эпохи, в период относительно более однородного состояния тюркских языков. Следовательно, анализ фонетического облика этого целого пласта под единым взглядом, подход к нему как к некоей фонетической системе, хотя и условной, может выявить какие-то закономерности или хотя бы подсказать новые предположения, необходимые для исторической лексикологии, исторической фонетики и этимологии. Однако на пути решения этой задачи имеются серьезные трудности. Одна из них заключается в том, что, несмотря на успехи в историко-лексикологическом изучении чувашского языка и значительное количество трудов этого плана, установлен пока еще далеко не полный состав и объем общетюркской лексики в словарном фонде этого языка. Да и вряд ли будет решена эта задача в ближайшее время, поскольку для ее решения нужны основательные историко-лексикологические и этимологические исследования, которые, в свою очередь, как уже говорилось, предполагают обязательный учет фонетико-фонологических особенностей разных пластов словарного фонда, в первую очередь самой общетюркской лексики.

Естестгенно, мы не ставили здесь цели установления общетюркской лексики в чувашском языке в ее полном составе и объеме, хотя эта цель и сама по себе чрезвычайно важна; в этом направлении в свое время много было сделано В. В. Радловым, Г. И. Рамстедтом, Н. И. Ашмариным; эта работа продолжается и будет продолжаться до тех пор, пока ведутся этимологические изыскания в области чувашского языка. Та группа слов, которую мы анализируем (объемом

в 200 слов), выбрана произвольно. Единственный принцип выбора — это то, чтобы этимологически родственное слово параллельно существовало во всех или абсолютном большинстве тюркских языков. Разумеется, общетюркских слов в чувашском языке значительно больше двухсот, но для статистико-фонетического описания нам нужен был обозримый объем такого материала. В лингвистических исследованиях такой прием описания выборочного материала используется в тех случаях, когда т. н. генеральная совокупность материала не допускает анализа в целом. Полученные данные, будучи спроецированными на генеральную совокупность, согласно статистическому закону, дают приближенное представление об этой совокупности материала.

Выбранный с помощью лексикографических и лексикологических источников общетюркский пласт чувашской лексики в статистико-фонетическом отношении анализируется со следующих точек зрения: общая фонетическая характеристика (слоговая структура, узкорядность-широкорядность); состав гласных и согласных фонем, встречающихся в словах этого пласта; фонотактические свойства (употребляемость фонем и их комбинаций в структуре слова); проявление известных в совр. чувашском языке фонетических законов и закономерностей; просодические свойства (место ударения); чувашско-тюркские этимологические звуковые соответствия*. В совокупности эти и некоторые другие вопросы могут дать более или менее приближенное представление о фонетике общетюркской лексики в чувашском языке в ее генеральной совокупности.

Из всего количества отобранных чувашских слов общетюркского характера 57% составляют слова двух- и многосложные, остальные проценты приходятся на односложные. Примерно такая же картина наблюдается и в других тюркских языках. При этом в ряду двухсложных слов 3—4% составляют числительные, у которых появление второго слога представляет собой чисто чувашское, и исторически, и фонетически довольно прозрачное явление. Во-первых, второй «лишний» слог у чувашских слов объясняется наращением гласных *ă*, *ĕ* (чув. *вуннă* ≈ тюрк. *он, ун;* чув. *пушă* ≈ тюрк. *бош, буш* и др.). В роли наращивающегося гласного не встречаются другие чувашские гласные: *а, э, у, ӳ, ы, и.*

Гласные *ă*, *ĕ* вместе с согласным встречаются на месте тюркских сочетаний «гласный плюс согласные [γ, g, v, w]» или же на месте долгого гласного, тем самым также могут образоваться «лишние слоги»: чув. *тăвар* ≈ турк. *дуз*; чув. *сăвар* ≈ азерб. *аγыз* и др. В этом случае чувашское слово, как

* К сожалению, из-за ограниченности объема в данной статье не приводятся таблицы чувашско-тюркских этимологических соответствий.

правило, имеет начальный согласный. Если же этимологически такой согласный отсутствовал, то слово в современном чувашском языке выступает с протетическим *в*, *й*, *ç*: чув. *йывăç/йăваç* ≈ алт. *аγаш*; *чув. йăвăр/йывăр* ≈ кирг. *о:р* и др.

Любопытно отметить, что в чувашских вариантах общетюркских слов протезы *й*, *ç* встречаются и вне чувашско-тюркской субституции *ăв*, *ава/γ*, *g*, *v*, *w*: чув. *йĕкĕр* ≈ хак. *ікіс*, шор. *і:гіс* и др. Однако при этом в соседстве чаще всего бывают гласные *ă*, *ĕ*.

В отношении переднерядности и заднерядности слова в нашем материале представлены в следующем соотношении: заднерядные (твердые) слова составляют 61%, переднерядные (мягкие) — 39%. Несколько иная картина наблюдается в других тюркских языках. Здесь процентное соотношение примерно равное: по 50%. Наши подсчеты показали, что и в языке древнетюркских памятников представлено то же самое соотношение, т. е. по 50%.

Между чувашским и другими тюркскими языками расхождения по данному признаку в ту или другую сторону показывают около 30% слов. В связи с этим перед исторической фонетикой чувашского языка стоит серьезная проблема объяснения того, почему в общетюркских словах получился перевес в сторону заднерядных огласовок. Предположительно можно объяснить следующим образом.

Очевидно, причина заключается в том, что в чувашском языке развилась качественно четкая дифференциация соотносительных согласных по твердости-мягкости и соответственно выработался характер слогового сингармонизма. Бывшие полумягкие согласные в результате такого развития приобрели полную мягкость и тем самым усилили фонетико-фонологический контраст сингармонически соотносительных слогов. Однако в большей части слов сами передние гласные могли перейти в задние для поддержания контраста в слоговом сингармонизме: т. е. **кγн > кун* «день».

Разумеется, это довольно смелое предположение, но оно основано на бесспорном факте из области относительной хронологии языковых явлений — переход передних гласных в задние не мог произойти раньше становления соотносительности согласных по твердости-мягкости в ее современном виде.

В отобранном общетюркском пласте чувашской лексики встречаются все гласные фонемы, характерные для современного чувашского языка. При этом по частотности они распределяются следующим образом: *ă*—21,5%, *ĕ*—21,9%, *а*—18,6%, *э*—8%, *у*—13,1%, *ӳ*—4,2%, *ы*—4,8%, *и*—5,9%. Как видно, наиболее частотными являются гласные *ă*, *ĕ*. Эти гласные по-особенному ведут себя и в отношении этимологических

соответствий гласным других тюркских языков: среди тюркских гласных у них оказывается наибольшее количество соответствий.

В отношении употребления согласных следует отметить следующее. Геминаты, являющиеся характерной особенностью фонетики современного чувашского языка, в наших общетюркских словах не встречаются, если не принимать в расчет их употребления в числительных. Можно предположить, что у последних геминаты появились относительно недавно и представляют собой результат фонетического выравнивания их форм при простом счете и семантической дифференциации от форм с сонаризованными согласными: 1) по аналогии с более ранними *токуз* > *таххар* «девять», *секиз* > *сакюр* «восемь», *ики* > *иккё* «два» для счета от 1 до 10, характеризующегося, как правило, ритмическим однообразием, образовались формы *пёрре* (с незакономерным ударением на первом слоге) < **бир* «один», *виццё* < **уч* «три», *т(а)ватта* < *дёрт* «четыре», *пиллёк* < **биш* «пять», *ултта* < **алт* «шесть», *çиччё* < **еди* «семь», *вунна* < *он «десять»; 2) формы с краткими сонаризованными (звонкими) согласными семантически закрепились за счетом предметов в сочетаниях типа *пёр утăм* «один шаг», *ик(ё) утам* «два шага», *виç(ё) утăм* «три шага» и т. д.

В общетюркских словах не встречаются не только геминированные шумные, но и геминированные сонорные согласные, у которых признаки долготы и краткости в современном чувашском языке никак не осложнены глухостью-звонкостью и потому фонематически могут быть интерпретированы только однозначно—как фонологически значимые признаки. Этот факт не может не обратить на себя внимания историка чувашского языка, ибо одной из актуальных проблем исторической фонетики является объяснение геминации согласных (и шумных, и сонорных).

По данным нашего материала, в начале общетюркских слов не встречаются согласные *р*, *л*, *н*. Из этих согласных относительно *р* давно известно, что в тюркских языках в анлауте он появился только в результате иноязычных, в основном арабо-персидских, заимствований. Поэтому можно сказать, что наш материал лишь подтверждает уже известный факт. Остальные два согласных (*л*, *н*) в тюркских языках в анлаутном использовании, очевидно, тоже неисконны. Во всяком случае, даже поверхностный исторический взгляд показывает, что слова на анлаутные *л*, *н* как в чувашском, так и в других тюркских языках в большинстве случаев нетюркского происхождения. То же самое относится и к языку древнетюркских памятников.

Другим источником появления анлаутных *л*, *н* могло быть внутреннее фонетическое развитие конкретных языков, хотя такой источник пока представляется менее очевидным, ибо требует специального и детального изучения.

Говоря об анлаутном употреблении согласных в словах нашей выборки из общетюркского пласта, следует отметить еще согласный *в*, который в словах собственно тюркского происхождения в начальном положении встречается только в виде протезы на месте гласных *о*, *ö*, *у*, *ӱ* других тюркских языков. Вообще надо сказать, история губно-зубного анлаутного *в* разных группах тюркских языков представлена поразному. Источниками его становления могли быть такие факторы, как внутреннее фонетическое развитие, влияние языковых субстратов и адстратов, лексические заимствования из нетюркских языков, главным образом из арабского и иранских языков[1].

Начало общетюркских слов, по данным нашей выборки, интересно еще тем, что слова с вокальным началом в чувашском языке составляют примерно 15%, тогда как в других тюркских языках их около 25%. Такая разница в основном обусловлена развитием в чувашском языке протетических *в*, *й*, *ç* (*вунна* «десять» ≈ башк., тат. *ун*, кумык., ног. *он*; *йывăç* «дерево» ≈ *аγач*; *çăвар* «рот» ≈ кирг. *о:з*, узб. *оγиз* и др.).

Таким образом, произвольно отобранный общетюркский пласт чувашской лексики, фонетически хотя и представляет некоторые особенности, но в целом он довольно близок к аналогичной лексике других тюркских языков, с одной стороны, и к остальной части чувашской лексики — с другой. Во всяком случае, создается впечатление, что многие его фонетические черты могли бы быть объяснены на основе тюркского же материала. Сказанное можно проиллюстрировать на таком примере.

Видимо, у исследователей не вызывает сомнения развитие тюркских форм типа *у:р*, *ауыр*, *о:р*, *авур*, *а:р* ≈ чув. *йăвăр* «тяжлеый» из древней формы с глубокозаднеязычным согласным γ. Однако какова причина того, что в одних языках этот согласный совсем исчез, оставив после себя долготу гласного, в других его заменили губные гласные и согласные? Фонетически можно объяснить, почему γ заменился звуками *в*, *в°*. Потому что это наиболее близкие ему звонкие проточные звуки. Тем не менее в чем причина такой замены? Можно предположить, что была нарушена или частично поколеблена в силу каких-то причин, которые также требуют объяснения, парность этого согласного с другим гоморган-

---

[1] *Баскаков Н. А.* Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, с. 130.

ным согласным по звонкости — глухости. В частности, глубокозаднеязычный **глухой** согласный или исчез, как, скажем, в чувашском, где он был заменен другим согласным, или же в силу разных исторических процессов утратил морфологические связи с γ. В результате γ, оказавшись в изоляции, претерпел полное или частичное изменение или исчез совсем.

В отношении чувашского языка, где γ в одних случаях исчез совсем, в других заменился звуком *в*, возможно и другое предположение: в связи с зарождением явления сонаризации интервокальных шумных образовалась новая пара заднеязычных проточных (*тух* ≈ *туγать*), поэтому древний *γ оказался в изоляции. То, что согласные, которым по фонетической природе положено быть в соотносительных связях, не любят нарушения этих связей, не любят нарушения системных отношений, — факт общеизвестный. Исследователи часто ссылаются на него в типологических исследованиях.

Рассмотренный пример, на наш взгляд, подсказывает весьма полезное предостережение: в этимологических или вообще историко-лингвистических изысканиях в области одного конкретного тюркского языка, в частности чувашского, без достаточных на то оснований поиски не следует выводить за рамки тюркских языков, за пределы ближней истории. Некоторые явления лексики, фонетики и грамматики вполне могут быть объяснены внутритюркской реконструкцией. Это не значит, что не нужно знать и держать на прицеле параллели из неродственных языков или из языков далекого родства. О них нужно помнить, чтобы не впадать в другую крайность.

ТІЛ БІЛІМІ ИНСТИТУТЫ

Л. С. ЛЕВИТСКАЯ
(Москва)

ЧУВАШСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

ăмăр, хăмăр «пасмурный, тихий (о погоде»)», «время, склонное к ненастью». Возможно, *амар* обратное заимствование из мар. *умыр* «теплый, тихий (о погоде)», которое, в свою очередь, восходит к чув. **хумыр* < др.-чув. **хоҥур*, соответствующему общетюрк. *коҥур* «темно-бурый, коричневый». Утрата начального *х-* в марийских чувашизмах закономерна. К семантике чув. слова можно привести параллели из других алтайских языков: ср., напр., кирг. *коҥур жел* «прохладный летний ветерок», *коҥур салкын* «легкая и приятная прохлада», *коҥур күз* «часто употребляемый эпитет осени с ее сыростью и умеренно-прохладной погодой», ккалп. *коҥыр гүз* «ранняя осень», *коҥыр салкын* «легкая и приятная прохлада», каз. *коҥур салкын* «то же», ср. также бур. *хонгор үдэр* «ясный день», *зөөлэн хонгор һалхин* «ласковый ветер». Семантическая производность *ăмăр, хăмăр* от *хăмăр* (см.) «бурый» была уже отмечена Егоровым В. Г. (ЭСЧЯ, 291).

Менее вероятно семантически и фонетически сближение *ăмăр* с алт. и т. д. *амыр* «покой, мир», поддерживаемое Х. Паасоненом, М. Рясяненом и М. Р. Федотовым, хотя полностью возможность связи чув. слова с *амыр* ~ *амыл* исключить нельзя: ср. *амыл күн* «умеренно теплый день» у Ибн Муханны (Räs., 19 а). Об *амыл* ≈ *амул* и его варианте *амыр* ≈ *амур* подробно пишет Дж. Клосон (Clauson, 160—161), обративший внимание на то, что это слово выступает главным образом как эпитет человека: «спокойный, тихий, смирный». Чувашское же *ăмăр* характеризует погоду.

варăшчи, вар шăччи «стожар». Образовано из *вар* «середина» + *шăчă* «жердь, шест» + *ĕ* — афф. принадлежности 3 лица, после присоединения которого к основе на *ă, ĕ* изменяется в *и*, а согласный основы удваивается. Производное от общетюрк. *өз* ≈ *үз* «середина» (≈ чув. *вар*) использовано и в названии стожара в татарском языке: *кибэн үзәгё* «стожар», дословно: «середина стога» или «шест стога», ср. хак. *өзек* «кол».

К семантике чув. *варăшчи* ср. русск. *стежер* «жердь, втыкаемая в середину стога» (Фасм. III, 752) и *стожар* «шест в стогу» (там же, 764).

ватăрлан- «усиленно работать». Производный глагол с афф. *-лан-* от имени **ватăр*, вероятно, тождественного тат. диал. *батыр* «с желанием», «хорошо», которое, в свою очередь, восходит к тат. *батыр* «смелый», «сильный», «герой». Анлаутный *в-* мог появиться на месте ожидаемого *п-* на чувашской почве (то же фонетическое явление отмечено в марийских говорах, поэтому не исключено и марийское влияние). Чув. *паттăр, патăр* (см.) и *ватăр* (а возможно, сразу *ватăрлан-*) попали в чувашский язык из разных источников: первое — из тат. лит. языка, второе — из мишарского говора.

ваштак «ловкий, бойкий». Слово, вероятно, заимствовано из тат. языка: *баштак* «озорной, шаловливый, самовольный», см. также алт. *баштак* «шалун, баловник», хак. *пастах* «то же».

В анлауте чув. слова *в-* вместо ожидаемого *п-* могло появиться под влиянием *вашт* (см.) «живо, быстро» или же здесь имеет место то же соответствие *в-* ≈ *п-*, что и в *ватăрлан-* (см.).

вĕрене «клен». Слово имеет параллели в ряде тюрк. языков: тат. *өрәңгә* «клен», уйг. *үрәңги* «то же», тат. диал. *өргә*, кбалк., кум. *үрге* «то же». Не связано ли оно генетически с др.-тюрк., як. *үрүң*, халадж. *hүрүн* «белый, светлый»? Семантически ср. тур. *акча агач* «клен» < «беловатое дерево», из. *ак чечак* «то же» < «белые цветы», тат. *чаган*, башк. *саган*, тоб. (Радл. IV, 191) *цаган агац* «клен» < монг. *чаган* «белый».

О чув. *вĕрене* ≈ тюрк. *үрәңги* см. ЭСЧЯ, 52; Räs., 522 б оба автора в числе соответствий приводят тат., башк. *өйәңкә*, каз. *үйеңкě* «вид ивы».

вĕрĕл- «захворать снова». Слово имеет параллели в ряде тюрк. языков: тур. *үзүл-* «ослабнуть из-за болезни», тур. диал. «заболеть снова, будучи близким к исцелению», узб. *узил-* «осложняться (о болезни)», туркм. гайра *үзүл-* «ухудшаться (о состоянии больного)», кбалк., кум. *үзүл-* «осложняться (о болезни)», ср. также производные от этой основы: тат. *өзлĕк-* < *өзĕлĕк-*, башк. *өзлөк-* «заболеть повторно, не оправившись после первой болезни», башк. диал. *өзлөкнөү* «осложнение после родов», генетически связано и осм. (Радл. I, 1900), *үзнүк* «повторение, возврат болезни».

вĕт, вĕтĕ «мелкий, маленький», «частый (о дожде)». Слово, вероятно, является производным именем на *-т* со значением результата действия от глагола **уги-* «тереть, крошить, размельчать, молоть» (ср. МК *ўги-* «молоть, растирать», туркм. *ўве-* «молоть», ккалп. *ўги-* «размалывать, размельчать, крошить», тат. *ўкě-* «тереть»), не сохранившегося в чув. языке, т. е. *вĕт*<*ўвĕт*<*ўгит*, ср. производные от того же глагола, аналогичные по своей структурной модели: уйг. *ўгўт*

«чистое зерно, приготовленное для помола», ср. ср.-тюрк. *ӳгит* «помол». Возможно и несколько иное объяснение образования слова *вётё*: отглагольное имя на *-ё* < *-и* от основы *ӳгит-*, т. е. *ӳгит + и* > *ёвётё* > *вётё* (с *ӳгит-* ср. тур. *öвӳт-*, диал. *ӳвӳт-* «молоть», аз. *ӳйӳт-* «то же»).

Производными от *вёт* являются глаголы *вётел-* «мельчать», и *вётет-* «мельчить» и, вероятно, *вётеле-* (может быть, учащательная или интенсивная форма на *-еле-* от **вёт-* < *ӳгӳт-*?) «бить, пороть, хлестать», ср. семантику *ăв-* «треть, размельчать», «хлестать, бить».

О корневых глагольных основах *ӳг-*, *ув-*, *ог-* см. ЭСТЯ, 401—403, 560—561, 618; Räs. 510 а—б.

вётел «дупель», «название птицы меньше бекаса с белыми крыльями». Слово, вероятно, заимствовано: ср. мар. *вӳтеле*, *вытелы* «кулик», а также русск. диал. *ветлик, виклюк, ветлюк* «вальдшнеп», которое, в свою очередь, считают заимствованием из вепс. *витилик* «бекас», карельск. *викли* (Фасм. I, 314).

витём «действенность, убедительность, влияние, авторитет».

Производное имя с афф. *-м* от глагола *вит-* (см.) «проникать, проходить». В имени реализовалась одно из связанных сознаний глагола «проникать» > «влиять (о слове)», «оказывать воздействие, влияние», зарегистрированное пока лишь в немногих источниках (ЭСТЯ I, 555). То же сознание выявляется в тат. глаголе *сӱз ӳт-* «быть влиятельным», тат. диал. *ӳтёмдәк* «имеющий влияние» и таких производных, как тат. *сӱзё ӳтёмлё* «влиятельный, авторитетный», кирг. *ötümdüü* «имеющий способность оказывать действие», «энергичный, активный» (ср. также кирг. *ötümü жок* «очень пассивный (о человеке)», ккалп. *ötёmlё* «действенный», каз. *ötёmdё* «авторитетный», по той же структурной модели образовано чув. *витёмле* «убедительный, влиятельный, авторитетный».

От *витём* «действенность» следует отделить *витём*, представленное в *витёмлё* (см.) «ходовой (о товаре)» и *витём* «покров. оболочка», являющееся производным от глагола *вит-* (см.) «покрывать».

В Словаре Ашмарина отмечены лишь производные от *витём*, в ЭСЧЯ слово не включено. Не является ли оно результатом регрессивной деривации: *витём* < *витёмлё—витёмсёр*, а последние кальками?

витёмлё «ходовой, ходкий (о товаре)». Производное с афф. *-лё* от *витём* (тат. *ӳтём*), в котором реализовалось одно из связанных значений глагола *вит-* «проходить»: «иметь сбыт, быть ходовым (о товаре)», характерное для многих тюрк. языков. С чув. словом можно сравнить кирг. *ötümdüü*, башк. *ӳтёмлё*, ккалп. *ötёmlё* «ходовой» и т. д. Антонимом *витёмлё* является *витёмсёр* «неходовой».

Р. Ш. НАСИБУЛЛИН
(Ижевск)

РЕФЛЕКСЫ НЕКОТОРЫХ БУЛГАРСКИХ ГУБНЫХ ГЛАСНЫХ В ДИАЛЕКТАХ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ

Данные диалектов современного удмуртского языка служат надежной базой не только для изучения истории самого удмуртского и генетически родственных с ним языков, но и тех языков, с которыми он имел давние исторические связи. Опираясь на материалы удмуртских диалектов, например, довольно четко можно проследить усвоение булгарских губных гласных праудмуртским языком и их дальнейшую судьбу в отдельных диалектах современного удмуртского языка, а также провести реконструкцию репрезентированных гласных булгарского языка. Однако исследователи булгарских заимствований в удмуртском языке до последнего времени не располагали материалами, собранными в ключевых диалектах удмуртского языка, в их числе и М. Р. Федотов, автор известной работы под названием «Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками» (Чебоксары, 1968). Такое обстоятельство сложилось из-за слабой изученности удмуртских диалектов, в частности из-за отсутствия сравнительного словаря удмуртских диалектов.

Материалы, представленные в данной статье, собраны в 1974—1977 годах самим автором в ключевых диалектах удмуртского языка[1].

В данной статье в первую очередь мы хотим обратить внимание наших читателей на чувашские слова с редуцированными гласными *ĕ* и *ă* в первом слоге слова. Названным гласным чувашского языка в определенной группе слов в современных удмуртских диалектах соответствуют гласные *у* или *ӱ*, *ы* или *ъ*, восходящие к праудмуртскому **ӱ*[2]. Это означает, что гласные звуки булгарского языка, на месте которых стоят

---

[1] Расположение ключевых диалектов удмуртского языка см. на схематической карте, приложенной к статье: *Насибуллин Р. Ш.* Из лексики удмуртских народных говоров. — «Вопросы удмуртского языкознания». Ижевск, 1975, с. 107.

[2] *Кельмаков В. К.* Рефлексы праудмуртских среднерядных гласных верхнего подъема в современных диалектах. — СФУ, XI, с. 96—104.

современные чувашские *ĕ* и *а*, были близкие по своему звучанию гласные, поэтому в современном чувашском оба они стали редуцированными. Если бы они по своим акустическим признакам не были близки друг к другу, то они не были бы усвоены одним праудмуртским **ÿ*, который в удмуртских диалектах претерпело следующие изменения: в северном наречии, в средних говорах и в большинстве говорах южного наречия удмуртского языка — *у*, в диалектах арского типа (шошминский, кукморский, бавлинский, татышлинский, ташкичинский, красноуфимский) — *ÿ*, в шагиртском, буйско-танышпском и канлинском диалектах — *ы*, бесермянском наречии — *ъ*.

Два слова, в которых в современном чувашском языке выступают гласные *ĕ* и *а* (а в удмуртских диалектах *у* ≈ *ÿ* ≈ *ы* ≈ *ъ*), имеются и в коми языке. К ним относятся названия снопа и гриба. Другие булгарские заимствования с названными гласными в удмуртский язык вошли после распада общепермской общности, т. е. в то время, когда коми окончательно отделились от древнеудмуртских племен и уже не находились под влиянием булгар.

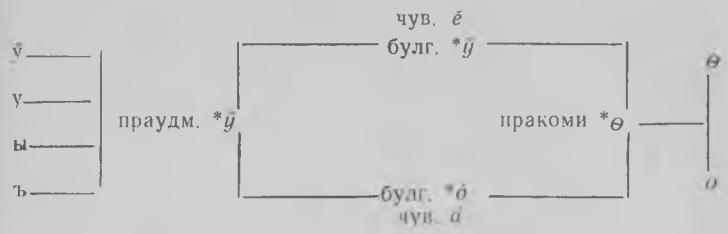
В. И. Лыткин считает, что в период вступления пермян в интенсивные контакты с булгарами еще существовала единая система гласных в языках пермских племен и что губные гласные булгарского языка, которые в чувашском дали редуцированные *ĕ* и *а*, были усвоены общепермским закрытым **ó*, давшим впоследствии, по его мнению, в удмуртском *у*, *ÿ* и *ъ*[3],а в коми языке — закрытое *о* (в верхнесысольском диалекте) и обычное *о* (в остальных коми диалектах).

Однако, как нам представляется, что в период, когда предки удмуртов и коми встретились с булгарами, в области вокализма общепермского языка уже не было единой системы, уже в то время в языке пермских племен были диалектные различия. В одних диалектах общепермского языка булгарские губные **ÿ* и **ó* были усвоены либо через **ÿ*, либо через **ө*; из *ÿ*-овых диалектов позже формировался праудмуртский язык, а из *ө*-овых — пракоми язык.

Историческое изменение булгарских гласных **ÿ* и **ó*, усвоение их диалкетами общепермского языка и их судьбу в современных пермских и чувашском языках можно представить в такой схеме:

---

[3] До появления работ В. И. Лыткина об историческом вокализме пермских языков *ы*-овые диалекты удмуртского языка оставались неизученными; см.: «Вопросы языкознания», 1956, № 3, с. 140—141; *Лыткин В. И.* Исторический вокализм пермских языков. Москва, 1964, с. 47.



Чувашским редуцированным *ӗ* и *ă* в татарском и башкирском языках обычно соответствуют *ӧ* и *ӧ* (орф. *ө* и *о*).

Ниже приводим список слов с соответствиями: чув. *ӗ* и *ă* (булг. **ӱ* и **о́*) ‖ удм. *у* ≈ *ӱ* ≈ *ы* ≈ *ъ* ‖ коми *ө* и *о*:

ӗмӗр «век», «эпоха», «жизнь» ‖ удм . куф. *ӱмыр* ≈ бт. *ымыр* ≈ бес. *ъмър* «век, продолжительность человеческой жизни» < праудм. **ӱмыр* < булг. *ӱмыр*. Что в первом слоге в праудмуртском и булгарском языках был гласный **ӱ*, подтверждают заимствованные формы в марийском языке и данные из других тюркских языков, ср. мар.*ӱмыр* «век, продолжительность человеческой жизни», тат. *гомер*, башк. *гумер*, аз., туркм., тур., кирг. *ӧмӱр*, узб. *умр*, каз.,ног. *ӧмир*, карач. *ӱмӱр*.

кӗлте «сноп» ‖ удм. сев., сред., южн. *кул'то* ≈ шошм., кукм., бавл., татш., ташк., куф. *кӱл'то* ≈ бт., шаг., канл. *кыл'то* ≈ бес. *къл'то* «тж» < праудм. **кӱл'та* < *булг.* **кӱлта* ‖ верхнесысольский диалект коми языка *көл'та* ≈ остальные коми диалекты *кол'та* < пракоми **көл'та*.

кӗрен «розовый», «малиновый», «темно-рыжий» ‖ удм. сев., сред. *курэн'*, южн. *курэн'* ≈ *курэн* «темно-бурый», «коричневый» ≈ бавл. *кӱрэн* «коричневый» ≈ татш. *кӱрэн'* «темно-бурый», «коричневый» ≈ ташк. *кӧ°рэн* ≈ шаг., бт. *кырэн* «темно-бурый», «фиолетовый» < праудм. **кӱрэн* < булг. **кӱрэн*.

сӗрӗм «угар», «чад» ‖ удм. сев., южн. *сурым* ≈ *суръм* ≈ сред. *сурым* ≈ шошм., бавл. *сӱрым* ≈ татш., ташк. *сӱрӧм* ≈ кукм. *сӱръм* ≈ шаг., бт., канл. *сырым* ≈ бес. *съръм* «угар», «чад» < праудм. **сӱрым* < булг. **сӱрӧм*.

тӗс «вид, цвет, окраска» ‖ удм. сев., сред. *тус* ≈ южн. *тус* ≈ *тъс* ≈ шошм., кукм., бавл., татш., ташк., куф. *тӱс* ≈ шаг., бт., канл. *тыс* ≈ бес. *тъс* «вид, цвет; облик» < праудм. **тӱс* < булг. *тӱс*.

тăхлачă «сватья, сваха» ‖ удм. сев. *тукл'ачи* ≈ южн. *тукл'ачи* ≈ *ту'л'ачи* ≈ *тькл'ачи* ≈ бавл. *тӱклачи* ≈ татш. *тӱ'лăчи* ≈ куф. *тӱглăчи* ≈ бт. *тӱ'лăчи* ≈ *тыклачи* ≈ *тиклачи* ≈ шошм. кукм. *ти'л'ачи* ≈ ташк. *тӧ'лăчи* ≈ шаг. *тиклачи* < праудм. **тӱкл'ачи* < булг. *то́хлачо́*.

тӑшман «враг, недруг, неприятель, противник» || удм. сев., сред. *тушмон* «враг, неприятель; злой дух, нечистая сила» ≈ южн.*дыжмон* ≈ *дъшмон* ≈ шаг., бт., канл.*дышмон* ≈ шошм., бавл. *дышмон* ≈ кукм., татш. *дъшмон* < праудм. **тўшман* < булг. **то́шман.* Варианты с начальным *д*, видимо, заимствованы из татарского языка.

хӑла «саврасый (масть лошади)» || сев., сред., южн. *куло* ≈ бавл., куф. *кўло* ≈ шаг., бт., канл. *кыло* ≈ бес., ташк. *къло* «саврасый (масть лошади)» < праудм. **кўла* < булг. **ко́ла.*

хӑна «гость, гостья» || удм. сев., сред., куф. *куно* ≈ южн. *куно* ≈ *къно* ≈ шошм., кукм., бавл., татш., ташк. *кўно* ≈ шаг., бт., канл. *кыно* ≈ бес. *къно* < праудм. **кўна* < булг. **хо́на.*

хӑрпан «крупный или мелкий скот, приносимый в жертву по мусульманскому обряду» || удм. сред., бавл. *курбон* ≈ кукм. *кўрбон* ≈ шаг., канл. *кырбон* ≈ бт. *кырбон* ≈ *кыргон* ≈ бес. *къртбан* ≈ татш., ташк. *къртбон* < праудм. **кўрбан* < булг. **ко́рбан.*

На наш взгляд, немалый интерес представляют также звукосоответствия и в тех булгарских заимствованиях, в которых в современных чувашских диалектах выступают гласные *о* и *у*: в верховом — *о*, низовом — *у*. В определенной группе слов на их месте также выступают гласные *у* ≈ *ӳ* ≈ *ы* ≈ *ъ*, которые также являются наследием праудмуртского **ӳ*. Иначе говоря, на месте современных чувашских *о* и *у* в булгарском языке стоял гласный, близкий по своим акустическим признакам к праудмуртскому гласному **ӳ*. Вот эти слова:

кунтӑ ≈ **контӑ** «лукошко, кузов», «короб из лубка» || удм. сев. *куды* ≈ *кудъ* ≈ сред. *куды* ≈ южн. *куды* ≈ *къдъ* ≈ шошм., бавл. *кўды* ≈ кукм. *кўдъ* ≈ татш., ташк., куф. *кўды* ≈ шаг., бт., канл. *кыды* ≈ бес. *къдъ* «лукошо» < праудм. **кўды* < булг. *ко́нта.*

мунча ≈ **монча** ≈ **молча** ≈ **мольча** «баня» || удм. сев., сред. *мун'чо* ≈ *мин'чо* ≈ *мынчъ* ≈ бес. *мучо* ≈ *мунчо* ≈ шошм., кукм., бавл., шаг., бт., канл., татш., ташк., южн. *мин'чо* ≈ куф. *мын'зо* < праудм. **мўнча* < булг. **мо́нча.*

сурат ≈ **сорат** «продолговатый скирд снопов в поле» || удм. сев., сред., шаг., бавл., ташк.*зурод* ≈ бт. *зырод* ≈ татш. *зурод* ≈ *зӳрод* ≈ бес. *зърод* «стог, скирд сена продолговатой формы < праудм. **зӳрад* < булг. **со́рат.*

турчӑка ≈ **торчӑка** «кочерга» || удм. сев. *тушко* ≈ *тучко* сред. *тучко* ≈ южн. *туричико* ≈ бавл. *турккит'о* ≈ канл. *турттушко* ≈ бт. *тушко* ≈ *корттушко* ≈ шошм. *тўргичо* ≈ кукм. *тўргичо* ≈ *тўргъчо* ≈ татш. *тўрттис'ко* < праудм. **тўртышка* ≈ *тўрчыка* < булг. **то́рчыка.*

ункӑ ≈ **онкӑ** «кольцо (двери, дуги, столба)», «круг, петля» || удм. сев., южн. *угы, пэл угы* ≈ *угъ, пэл' угъ* ≈ сред.

пэл'л'угы ≈ бес. *угъ* ≈ куф. *ӱгы* ≈ шошм. *пэл'гы* ≈ *пэл'ыгы* ≈ шаг., бт., канл. *пэл'гы* (<*пэл'* + *ыгы*) ≈ бавл. *ыгы* ≈ кукм. *ъгъ* ≈ ташк. *пэл'гъ* < праудм. **ӱгы* < булг. **онка*.

хур ≈ **хор** «локоть; старинная мера длины — двойное расстояние от локтя до конца среднего пальца» || удм. ташк. *кӱр* ≈ канл., шаг., бт. *кыр* ≈ южн. *кыр* «ширина холста» < праудм. **кӱр* < булг. **хор*.

Исключение из вышеназванного правила составляют следующие слова:

хура ≈ **хора**: *хыт-хура* ≈ *хыт-хора* «общее название засохших, жестких трав» || удм. *куро* «солома».

хурах ≈ **хорах** «разбойник, бандит, грабитель» || удм. *курок* «тж».

Хусан ≈ **Хозан** «Казань» || удм. *Кузон* «тж».

юлташ ≈ **йолташ** «товарищ, кампаньон» || удм. *юлтош* «товарищ, приятель».

Сокращенные названия удмуртских диалектов

бавл. — бавлинский диалект.
бес. — бесермянское наречие.
бт. — буйско-таныпский диалект.
глаз. — глазовское наречие (по Б. Мункачи).
каз. — казанское наречие (по Б. Мункачи).
канл. — канлинский диалект.
кукм. — кукморский диалект.
куф. — красноуфимский диалект.
сар. — сарапульское наречие (по Б. Мункачи).
сев. — северное наречие, северноудмуртские говоры.
сред. — средние говоры удмуртского языка.
татш. — татышлинский диалект.
ташк. — ташкичинский диалект.
шаг. — шагиртский диалект.
шошм. — шошминский диалект.
южн. — южное наречие, южноудмуртские говоры.

В. А. НЕСТЕРОВ
(Чебоксары)

О СЕМАНТИЧЕСКОМ СПЕКТРЕ ТЕРМИНА ОР/УР В ТОПОНИМИИ ЧУВАШИИ

Орел, Орловка, Орлошка, Орленка, Орлик — названия небольших рек и проточных оврагов, не редкие на карте современной Чувашии. Хорошо заметна в них корневая основа *орел*, которую можно бы сопоставить с русским названием птицы *орел*. Встретилась на этой карте речка *Орлиное Гнездо* — один из левых притоков Кири в Сурской пойме[1]. Так что не исключается вовсе возможность образования гидронимов по названию этой птицы.

Однако ряд существенных обстоятельств вынуждает нас усомниться в применимости данного предположения к топонимии Чувашии.

Во-первых, некоторые из упомянутых рек протекают в полосе проживания одних чувашей. Трудно верить, чтобы они, в прошлом постоянно жаловавшиеся на то, что «по-русски говорят весьма худо, а иные и вовсе не знают»[2], природные объекты возле своих жилищ называли русскими именами. Пример: *р. Орленка* на севере Чувашии — верхний приток Сундырки, стекающий с водораздела р. Аниш (7—810). На этом водоразделе никогда не было русских поселений.

Во-вторых, при рассмотрении названных гидронимов в комплексе с другой родственной и вариантной топонимией протяженность общей для всех корневой основы сокращается до морфемы *ор*. У последней обнаружились диалектные варианты *ур*, *ар* и другие.

На территории Чувашии выявлено два ареала гидронимии на эту основу: один — на северной приволжской части, второй — на юге.

Осевой в южном ареале выступает полоса р. Бездны, проходящая по южному краю Чувашии с востока к западу

---

[1] ЦГА Чувашской АССР, ф. 206 («Картографическая коллекция»), оп. 1, д. 2. Далее ссылки на земельные планы фонда даны в тексте в скобках: первая цифра означает номер описи, вторая — плана.

[2] Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. Сборник документов. Чебоксары, 1972, с. 29, 69.

до поймы р. Суры. Выходящие с северной стороны к Бездне ее правобережные овраги и речные притоки называются. *Орел* — дважды (1 — 989), *Орлик* — трижды (1 — 894), *Ор-Бездна*[3], *Аржив* (1—1002; чув. *Ар шывё* «река Ар»). Весь ареал занят большим Сурским лесом. Восточный его край, выходящий к р. Карле, по сведениям, сообщенным известному чувашскому филологу Н. И. Ашмарину жителями находящегося на ней с. Трехбалтаева, здешние чуваши называли *Ур пуç* «начало, изголовье Ур» (Ашм. III, 259). Становится очевидно, что в корневой морфеме *ор*≃*ар*≃*ур* заключено слово, означающее название местности по р. Бездне. В Сурской пойме слева от устья Бездны оказались еще один *Орлик* (речка; 1—928) и две *Орловки* (озера; 1—928). Севернее Бездны ареал этой гидронимии замыкается р. Кирёй. В их междуречье находятся: *р. Орел* — левый приток Кири (1—953), *р. Орлик* — правый приток р. Люли (1—1003, 1010), *р. Орлошка* — правая протока р. Кармалы (1—2). Последняя называлась также *Арла Сирма* (*Ар* + ? чув. аффикс *-ла*; 1—892). На вершине начинающейся здесь р. Булы был *ов. Урбаш* (*Ур* + тат. *баш* «исток, вершина»).

В северном ареале примечательна местность, где протекает названная выше *Орленка*. С нее в р. Аниш впадают *р. Орбаш* и несколько смежных ручейков, одинаково названных *Орхас* или в вариантах *Архас* и *Урхас* (7—97, 753, 786). На одном из них образовалось известное *с. Орхас Кошки* (ныне Первое Чурашево)[4]. Привлекает внимание распространенность на севере гидронима *Орбаш*. Так названо более полутора десятка небольших речек и ручьев (3—358; 6—1, 15, 102; 7—76, 106; 8—5, 9, 10 и др.). Многие повторяются в названиях возникших на них населенных пунктов. Известно в этом районе селение *Оринино (Аринино)*. Н. И. Ашмарин записал на той же северо-западной стороне Чувашии топонимы *Оравар Варман* «лес в долине *Ор* (*Ора*)», *Орлах Вар* «долина Орлик» (Ашм. III, 262, 284).

Как и на юге, корневая основа гидронимов севера преимущественно выражена морфемой *ор*. Реже встречаются варианты основы *ар*, *ур*. На правой стороне р. Вылы обнаружился участок с вариантами *ер*≃*ёр*, неизвестными на юге: там протекают речки *Ёрбаш, Ербашка* (8—5, 10). Из топонимии на *ар* укажем упомянутые в актах XVIII века две Аринские волости (одна на верхнем конце Чувашского Приволжья на реках Юнге и Сундырке, другая—на нижнем, на участке рек Белой Воложки и Бувы; 3—368, 7—36). Чувашский этнограф

---

[3] Чувашская АССР. Административная карта. М., 1958.
[4] Населенные пункты Чувашской АССР. Чебоксары, 1974, с. 177.

XIX века С. М. Михайлов назвал селение *Ар-Сундер* на указанной р. Сундырке[5].

Появление различных вариантов можно объяснить диалектными особенностями речи местного населения. Как Н. И. Ашмариным, так и составителями земельных планов XVIII—XIX веков гидронимия с основой *ур* была записана на территории, на которой распространен низовой диалект чувашского языка с характерным уканьем, — на юго-восточном крае северного и восточной части южного ареалов. Окающему говору чувашей приволжского севера соответствует вариант *ор* с его оттенком *ер*(*ёр*). Под влиянием татарской речи, проникшей в среду населения этого края в годы власти Золотой Орды и Казанского ханства, мог появиться вариант *ар:* чув. **Ор поç = Орпоç ~ Ор* + тат. *баш = Орбаш ~ Арбаш* (явление сингармонизма).

Из соотношения вариантов ясно, что именная основа *ор* старше и древнее. Наиболее вероятно, что именно она соответствует архетипу. В топонимию Чувашии это слово пришло не из чувашского языка. В пользу данного мнения говорит прежде всего тот факт, что главное гнездо гидронимии с *ор* в южном ареале — низовье р. Бездны — находится вне известных исторических границ расселения чувашей. Причем, как и на севере, здесь преобладает вариант *ор*, хотя этот ареал географически соседствует с территорией низовых чувашей. Так что отмеченное выше соответствие его верховому диалекту чувашского языка — это лишь показатель внешнего совпадения архетипа с произношением верховых чувашей.

В современном языке чувашей не отмечено существование такого слова. Н. И. Ашмарин записал один случай употребления его варианта *ур* в речи низовых чувашей, проживающих вблизи г. Тетюш Татарской АССР. Так они называли следы находившегося там древнего городища, известного под именем Хулаш, — остатки окружавшего рва и насыпи. По аналогии с данным случаем он пытался осмыслить название *Ур пуç*, относившееся к выходящему к р. Карле краю Сурского леса. Н. И. Ашмарин отметил: «Недалеко от этого леса проходит ров и вал, известный под названием «Карлинская черта»[6]. Необходимо, однако, указать, что в этимологическом словаре Э. В. Севортяна это слово сопровождено пометой о заимствовании чувашами из татарского языка. В последнем слово *ур* употребляется в том же значении — «канава». Собственное слово чувашского языка, ему соответствующее,— *вар* «ложбина; долина; овраг» (ЭСТЯ, I, 466).

Слово *ор* известно во многих тюркских языках. В середине прошлого века это слово было обнаружено и в казан-

---

[5] *Михайлов С. М.* Труды. Чебоксары, 1972, с. 36.

ско-татарском диалекте. Но позднейшие словари татарского языка умалчивают о нем. Его семантика в разных языках варьируется в широких пределах: от «ров, яма» до «вал; верх, высокое место холм крепость, укрепление». По мнению Э. В. Севортяна, к главным из них относятся «ров» ≈ «крепостной ров, яма» и «земляной вал».

Занесение этого слова в языки поволжского населения от тюркских народов несомненно. Должно быть, как тюркское заимствование вошло в марийский язык слово *ор* «крепость, укрепление», относимое ныне к устарелым. Однако нет оснований для проведения нити от него к указанной группе гидронимии Чувашии. Ничто не указывает, например, на проживание предков марийцев в полосе р. Бездны.

Дальнейшие поиски ведут нас к устью р. Цивиля. Здесь почти над спуском к Волге с высокого ее южного берега расположена группа чувашских селений *Магазь* (чув. *Макаç*), одно из которых называется также *Орай (Урай): Орай-Магазь* (*Урасво-Магазь*). Второе слово в паре никак не объясняется с тюркских языков. В кыпчакских языках известно слово, аналогичное первому: *орой* ≈ *орай* ≈ *урай* «вершина, верхушка, макушка». Логично предположить, что в названии *Орай* отражено сведение о местоположении населенного пункта на высокой стороне Волги, в древних исторических документах именованной Горной[6].

В общем с *Орай* гнезде оказался топоним чув. *Тёкёрç*, в русских источниках воспроизведенный как *Тюгурчь*. Так названы озеро, болото и два селения (7—99, 101). В них ясно проглядывается корневая основа *ор* ≈ *ёр* (чув. *ёр*): *Ор + ай*, *Тёке + ёр + сь* (в русской транскрипции, приближенной к чувашскому произношению). Кстати, выделенная морфема *тёке* известна во всех смежных поволжских языках: чув. *тёке* и мар. *тӱкö* (= *тюкё*) «запор, подпорка», тат. *тека яр* «круча». Н. И. Ашмарин выявил еще вариантное слово *тёки*, которое сопроводил пометой: «неизвестное слово». Однако помещенный при нем пример проясняет кое-что: *Тёки шурё* (то есть «болото Теки». — *В. Н.*) — обрыв, где, по преданию, был густой лес и где жили разбойники». Н. И. Ашмарину встретилось и слово *тёкёрç* в значении «стрелок из лука, лучник» (Ашм. XIII, 271; XV, 22, 25).

Сопоставление со значением слова в тюркских языках упомянутых случаев местного народного объяснения показывает два совмещающихся направления развития семантики термина *ор* ≈ *ёр* в топонимии Чувашского Поволжья: пер-

---

[6] Полное собрание русских летописей, т. 13, пол. I, СПб., 1904, с. 164—165.

вое — «ров» → «обрыв, круча» → «пост, караул» (над кручей), второе — «вал» → «возвышение, холм, гора» → «пост, караул» (на господствующем месте). Поэтому закономерно сочетание с ним в составе топонима слова *тёке*. Топоним *Тёкёрсь* раскрывается как «укрепленный пост». Сравните с другим чувашским словом на ту же основу — *текме* «тын, частокол» (в марийском: *чыкма* — в том же значении), «сооружение для защиты от неожиданного нападения». В свете сказанного становится понятно, почему гидронимия на *ср* ≈ *ёр* ≈ *ар* ≈ *ур* обнаружилась на водораздельных и вообще возвышенных участках территории Чувашии. Речь идет о ручьях и проточных оврагах, возле истоков которых оказались древние сторожи и посты — укрепления и люди (стрелки-лучники).

Сосредоточение топонимии на *ор* ≈ *ёр* в двух ареалах получает историческое объяснение. Как мы уже видели, южный ареал протянулся вдоль р. Бездны, как своей оси. Данный вариант названия реки — безусловно поздний. В более ранних источниках мы читаем его в несколько ином виде: *Безна* (1—689)[7]. Чуваши реку называют *Пасна*. Невольно напрашивается сравнение последнего варианта — чувашского — с этнонимом *базна*[8]. По сведениям филологов, так называли печенегов хазары — тюркский народ, создавший мощное государство Хазарский каганат на нижней Волге и Северном Предкавказье, существовавший в VII—X веках. Печенеги, начиная со второй половины IX века, примерно в течение полутора столетия занимали степи, прилегающие к Волге. На юге их кочевья выходили к землям хазар, а на севере — родственных хазарам и, видимо, одноязычных с ними болгар на Волге[9].

Традиционным у кочевников было разделение пастбищ на летние-зимние и перемещение на них по природным сезонам. По свидетельству Вильгельма де Рубрука (XIII в.), степные кочевники с нижней Волги, где зимовали, летом поднимались вдоль нее по обеим сторонам к северу до границы лесов[10]. Остановка на ней объяснялась не только трудностью перекочёвок по лесистым местам, но также сопротивлением лесных народов вторжению степняков. Для защиты от набегов последних возводились оборонительные препятствия — валы и

---

[7] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. I, ч. 2. Саранск, 1951, с. 192.

[8] *Еремеев Д. Е.* К семантике тюркской этнонимии. — «Этнонимы». Изд. «Наука», М., 1970, с. 134.

[9] *Плетнева С. А.* Хазары. Изд. «Наука». М., 1976, с. 63—65.

[10] *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. Перевод А. И. Малеина. СПб., 1911, с. 87, 96.

засеки, на которых ставились посты и сторожи для наблюдения за степью. О бывшей защитной полосе на печенежской окраине свидетельствуют, вероятно, названия двух рек Бездны, протекавших на рубеже леса и степи на обеих сторонах Волги: одна — на правобережной (отмеченный нами приток Суры), другая — на левобережной, в Закамье. Показательно, что на том же рубеже после присоединения края к России была во второй половине XVI века проложена засечная черта для обороны от набегов кочевых народов южных степей[11]. Упомянутая Н. И. Ашмариным Карлинская черта — один из участков этой системы засек.

Нужно полагать, что вариант *Пасна* в топонимии был унаследован от волжских болгар: они жили тогда в соседстве с печенегами к северу от рубежа р. Бездны, а язык болгар был «подобен языку хазар»[12].

Чем же объяснить существование и более широкую известность другого варианта *Бездна,* возводимого к архетипу *Безна*? В поисках объяснения мы вынуждены обратиться к помощи еще одного языка — венгерского. В современной научно-исторической литературе вполне обоснованно рассматривается вопрос о проживании предков современных венгров на территории Среднего Поволжья[13]. По сведениям древних арабских источников, они даже занимали территорию между областями волжских болгар и печенегов[14]. Последние их не жаловали, постоянно нападая вконец оттеснили на запад, вынудив покинуть волжскую родину[15].

Ясно, что этноним *печенег* (=*баджанак*) вошел в речь венгров с того времени. Поэтому он в венгерском языке, как и в хазарско-болгарском, передается в усеченном виде без конечного аффикса: *besenyő*. В топонимии юга Чувашии имеется аналогичное этому варианту название местности: *Песьмэ*[16]. С учетом наблюдаемого как в говорах чувашского языка, так и в топонимии чередования звуков *с*≈*ч*≈*ш*, *н*≈*м* можно рассматривать в едином ряду как варианты имена географические *Песьмэ, Безна* и этноним *бешенё*.

Интересные результаты получаются при анализе топонимии Чувашии на *ор* ≈ *ёр* по системе словообразования в вен-

---

[11] История Чувашской АССР, т. I. Чебоксары, 1966, с. 66.

[12] *Плегнева С. А.* Указ. соч., с. 15.

[13] *Дьюла Ласло.* К вопросу о формировании финно-угров. — «Проблемы археологии и древней истории угров». Изд. «Наука», М., 1972, с. 9; *Йожеф Перени.* Угры в «Повести временных лет». — «Летописи и хроники». Изд. «Наука», М., 1974. с. 99; *Халикова Е. А.* Magna Hungaria. — «Вопросы истории», 1975, № 7, с. 37—42.

[14] История Татарии в документах и материалах. М., 1937, с. 8.

[15] *Плегнева С. А.* Указ. соч., с. 64—65.

[16] ЦГА Чувашской АССР, ф. 506, оп. 1, д. 386, л. 163.

герском языке. Топоним *Тёкёрсь* (чув. *Тёкёрç*) оказывается в одном морфологическом ряду со словами венгерского языка: *mezőőrs* «полевой пост», *előőrs* «передовой пост, форпост», *határőrs* «пограничная застава». Входящее в них слово *ёрш* в венгерском означает «застава, пост», а его корневая основа *ёр* — «сторож, часовой пост». Слово *ёр* в венгерском квалифицируется как тюркское заимствование, как и марийское *ор*. Близость значений в обоих финно-угорских языках говорит о совместном заимствовании, по-видимому, в то время, когда предки современных марийцев и венгров жили в соседстве с тюркскими племенами на Средней Волге.

Опираясь на схему словообразования в венгерском языке и его лексику, попытаемся изобразить исходные формы географических названий Чувашии на основу *ор≈ёр≈ар≈ур*, которая, как видно, восходит к этому языку. Очевидно, что в этой основе выражено венгерское слово *ёр* (*őr*) «застава, пост» (военный термин).

Выявленные топонимы развились из следующих архетипных форм:

Тёкёрсь = венг. *tőke* «пень, бревно» + *őrs* (*őr* + аффикс *-s*) = *tőkeőrs* «обнесенный деревом (бревнами) пост», то есть укрепление.

Орхас = венг. *őr* + *ház* «дом» = *őrház* «сторожевое помещение, сторожка» (воен.).

Орел = венг. *őr* + *hely* «место» = *őrhely* «(сторожевой) пост» (воен.).

Название *Магазь*, стоящее в паре с *Орай*, оказывается калькой второго: *орай* «высокое место» = венг. *magas* «верхний, нагорный» (берег реки). На высокой Горной стороне Волги мы имеем и другие топонимы, восходящие к этому слову: *ов. Магачь Сирма* (7—81), *ов. Макаш Сирма* (6—986), *р. Макашка* (6—993).

В современном венгерском языке знаком *ly* обозначается звук, соответствующий русскому *й*. Поэтому венг. *őrhely* следует читать *ёрхей*. Но исторически *ly* обозначал звук, близкий мягкому *l* (в русском *ль*). В некоторых диалектах до сих пор произносят *l* в тех словах, где пишется *ly*. Вполне резонно восстановить исходную форму топонима *Орел* в историческом варианте: венг. *ёрхель*, который в заимствовании изменился в *ёрель≈орель≈орел* (сократился глухой и потому слабо слышимый звук *х*). Аналогичным образом возникло название древнего города Волжской Болгарии на этом берегу Волги — *Ошель*: венг. *ős* «предок» + *hely* «место» = *őshely* ≈ *ошель* «место предка», в переносном значении «городище».

Следы этого явления как бы иллюстрируют топонимы, просматриваемые на предполагаемом направлении переко-

чевки предков венгров из Поволжья на Дунай. Смотрите на карте: *р. Орлик* и на ней *г. Орел* (областной центр), *р. Орель* с притоками *Орелька* и *Орчик* и там же *р. Оржица* на левобережье среднего Днепра, *г. Оргей (Оргеев)* и соседнее городище *Орхей* в междуречье Днестра и Прута на севере Молдавии. На восточном участке топонимы стоят близко к историческому варианту (*Орель* ≈ *Орел*), а на западном — к современному (*Оргей* ≈ *Орхей*). Отметим, что полоса этой топонимии и здесь проходит по стыку зон леса и степи. Позднее здесь же прошли укрепленные засечные черты Московского государства, воздвигнутые для защиты от набегов крымских ханов.

Завершая краткий обзор топонимии Чувашии на *ор* ≈ *ёр*, заключаем, что она была унаследована от предков современных венгров. Образование ее относится ко времени не позднее X века. В ней отразились следы оборонных мер, предпринятых на особо угрожаемых направлениях: на юге по Бездне — для защиты от набегов степных кочевых правителей печенегов, на севере вдоль Волги — для предотвращения проникновения всяких разбойных отрядов, использовавших великий водный путь в качестве маршрутов своих походов. Поскольку предки венгров, по всем данным, покинули в своей основной массе этот край не позднее X века, а, может быть, и раньше, унаследовавшие от них субстратную венгерскую топонимию предки чувашей к тому времени должны были поселиться на его территории. Арабские источники того времени из тюрков в Среднем Поволжье знают только болгарские племена. Часть их влилась в состав окончательно сложившегося на правобережье Волги чувашского народа. Из чего следует, что тюркоязычные болгарские предки чувашей общались с предками венгров непосредственно в этом ареале, затем сменили их, унаследовав их земли и заодно их топонимию. Это произошло не позднее X века, а, может быть, и раньше.

И. П. ПАВЛОВ
(Чебоксары)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Местоимения — одна из древнейших частей речи. Специалисты языков разных систем отмечают ряд типологических черт местоимений. Дейктические слова характеризуются, во-первых, тем, что обладают указательной семантикой [1]. Находясь в данном контексте или ситуации, эти слова не называют лица, предмета и явления действительности, а только указывают на них, отсылают к ним.

Во-вторых, круг местоимений сравнительно невелик. Да и словообразование их в синхронном плане не отличается заметным увеличением. Если и выделяются те или иные слова вторичного характера, то такие местоимения выступают лишь как явления диахронического порядка. Мы вполне можем утверждать, что местоимения в современном языке являются частью речи закрытого типа.

В-третьих, слова, входящие в класс местоимений, отличаются частой употребительностью. В словарном составе языка они занимают центральное место, т. е. входят в основной словарный фонд, ибо без них — без дейктических слов — трудно обходиться в речи. Частое употребление местоимений объясняется, пожалуй, их грамматизованным лексическим значением [2].

Наконец, если сопоставлять местоимение основы с основами именных частей речи, то в первых мы обнаруживаем множество «функциональных и формальных аномалий»[3], отсутствующих в других частях речи. И вообще местоимения насыщены морфологическими явлениями. Чувашский язык в этом отношении не составляет исключения.

Объяснение своеобразий в системе местоимений современного чувашского языка невозможно без исследований в диахроническом плане. Оно имеет большое значение как для

---

[1] *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, 1. Братислава, 1965, с. 22.

[2] *Майтинская К. Е.* Местоимения в языках разных систем. М., 1969, с 20.

[3] *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958, с. 92.

нормализации чувашского литературного языка, так и для разгадки вопросов происхождения суффиксов лица в словоформах существительных, глаголов, числительных и некоторых местоимений. Разумеется, результаты такого исследования могут быть использованы и при решении вопросов исторической грамматики и исторической лексикологии тюркских языков.

Цель наших заметок — наметить относительные этапы морфонологических изменений в основах личных местоимений чувашского языка в сопоставительном плане, пользуясь методами внутренней и внешней реконструкций.

Местоимения современного чувашского языка *эпĕ* «я», *эсĕ* «ты», *вăл* «он», объединяясь друг с другом в известной степени общностью лексических значений, образуют лексико-грамматическую группу: *эпĕ* обозначает говорящее лицо, *эсĕ* — собеседника, *вăл* — лицо, не участвующее в диалоге. Но в древнейшем языке не было такой системы. После изучения данных языков разных систем исследователи пришли к выводу, что личные местоимения восходят к указательным местоимениям. Первоначально противопоставлялись друг другу в языке 1-е и 2-е лицо. В позднейший период к ним примкнуло 3-е лицо, как противопоставленное им обоим. Все это подтверждается лексическими, фонетическими и морфологическими данными[4].

Происхождение личных местоимений языков тюркской семьи можно установить только на фоне алтайской общности языков. После основательного исследования языка орхоно-енисейских письменных памятников и сравнения с данными монгольских и тунгусских языков виднейший тюрколог В. В. Радлов пришел к выводу, что местоимение 1-го л. пратюркского языка восходит к *бä(бі)*, 2-го л.—к *si*[5]. Эта мысль В. В. Радлова была принята и развита в трудах многих тюркологов — Н. Н. Поппе, В. Л. Котвича, В. А. Богородицкого, Н. К. Дмитриева и др.

Относительно исходной основы местоимения 3-го л. тюркологи не имеют еще единства мнений. Что считается более древней основой: *о(у)* или *ol(ул)*, *ан*?

По утверждению Н. Н. Поппе, личные местоимения в чувашском языке «являют собой формы более древние, чем турецкие (тюркские. — *И. П.*) личные местоимения; в частности, местоимения первого и второго лица единственного числа восходят к формам **бі* и **si* (именит. падеж), и они пол-

---

[4] Подробное изложение по этому вопросу см.: *Майтанская К. Е.* Местоимения в языках разных систем. М., 1969.

[5] *Radloff W W.* Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. Spb, 1897, S. 120.

ностью совпадают «с монгольскими местоимениями *бі* и *чі* и тунгусскими *бі* и *сі* первого и второго лиц ед. ч.»[6].

В ходе развития языка материальный облик личных местоимений не мог оставаться без изменений. Особенно большие перемены произошли в составе основ при словоизменении под влиянием служебных морфем. Хотя все время наблюдалась тенденция к выравниванию оси парадигмы, но в настоящее время основы местоимений имеют ряд существенно отличных друг от друга их алломорфов.

Прежде чем приступить к выявлению причин видоизменений в основах, следует ясно представить себе, что мы имеем в составе лексем — в анлауте основ и ауслауте, как меняется место ударения и как появляется и исчезает вставная фонема (по нашей терминологии — интерфонема) *-н-* между основой и служебной морфемой.

Поскольку модификации основ происходили параллельно в местоимениях 1-го и 2-го лица, мы их рассмотрим отдельно от модификации основы местоимения 3-го лица.

1. В осн. падеже ед. ч. употребляются по два варианта — полный и краткий: 1 л. *эпĕ* и *эп;* 2 л. *эсĕ* и *эс*. В анлауте обоих местоимений фигурирует элемент *э-*, отсутствующий в местоимениях других тюркских языков, а в ауслауте выступает неустойчивая гласная фонема <*ĕ*>. Она выпадает из состава местоимения, как правило, при произношении его без логического ударения или в быстрой речи. В полных вариантах обоих местоимений ударение падает на первый слог. Если в осн. падеже ед. ч. других тюркских языков, а также в основе косвенных падежей чувашского языка в ауслауте находится элемент *-н-*, то в осн. падеже ед. числа никогда не встречаем его, ср. тат. *мин* «я», *син* «ты», каз. *мен* «я», *сен* «ты».

2. Основой косвенных падежей ед. числа является в 1-м л. *ман-*, во 2-м л. — *сан-*. В обоих местоимениях не бывает анлаутного элемента *э-*. В середине основы вместо неустойчивой (редуцированной) гласной фонемы <*е*> выступает гласная фонема полного образования заднего ряда <*а*>. В обоих местоимениях место ударения зависит от наличия/отсутствия гласной фонемы в падежных суффиксах: род. п. *манăн, санăн,* дат.-вин. п. *мана, сана.* И в том, и другом местоимении фигурирует элемент *-н-*.

Но между указанными двумя местоимениями наблюдается одно морфонологическое отличие: если в местоимении 1-го л. ед. ч. изначальная согласная фонема <п> в косвенных падежах чередуется согласной фонемой <м>, то в местоиме-

---

[6] *Поппе Н. Н.* Указательные и вопросительные местоимения в чувашском языке. — «Вестник научного общества татароведения», 1927, № 7, с. 61.

нии 2-го л. согласная фонема <с> остается без какого-либо изменения.

3. В осн. падеже мн. ч. каждая основа из указанных местоимений выступает в виде двух вариантов: в 1-ом л. — *эпĕ* и *эпи-*, во 2-м л. — *эсĕ* и *эси-*. Как и в осн. п. ед. ч., к концу основы не может присоединяться элемент *-н-*. В аулауте основ местоимений фонемы <ĕ> и <и> употребляются на равных правах. Применение того или иного варианта основы не зависит от морфонологических условий. В формах *эпир*, *эсир* (в козловско-урмарском говоре — *ипир*, *исир*) сохранилась гласная фонема <и>, употреблявшаяся в их архетипах, хотя в ед. ч. она была исключена из состава основ, т. е. в современном языке *эпи-* и *эси-* (в говоре — *ипи-*, *иси-*) выступают только как связанные основы: они применяются лишь в соединении с суффиксом мн. ч. *-р*. Ср. тат. *без*, каз. *біз* «мы»; тат. *сез*, каз. *сіз* «вы». Ввиду того, что в осн. падеже ед. ч. стал выступать не только полный, но и краткий вариант основ местоимений, а также по причине того, что *эпи-*, *эси-* стали связанными основами, в словоформах *эпĕр* и *эпир*, *эсĕр* и *эсир* произошел процесс морфологического переразложения: говорящие разлагают эти формы на значимые части следующим образом: *эп-ĕр*, *эп-ир*, *эс-ĕр*, *эс-ир*. Это доказывается тем, что суффикс мн. ч. прибавляется к показателю лица (к местоимению или суффиксу лица) по аналогии в виде *-ăр*(*-ĕр*): *хам-ăр* «мы сами», *юлташ-ăм-ăр* «наш товарищ», *вула-р-ăм-ăр* «мы читали».

Следует отметить, что в малокарачкинском говоре чувашского языка формы мн. ч. 1-го и 2-го л. употребляются с широкой гласной <ă>: *пăр*, *сăр*; ср. также: *нăмĕр* вм. общечув. *нимĕр* «кисель из муки», *тăнĕс* вм. общечув. *тинĕс* «море»[7]. Необыкновенным является здесь и то, что в аулауте этих форм, в отличие от форм ед. ч., не применяется дейктический элемент *э-*: *ăпĕ—пăр*, *ăсĕ—сăр*.

4. В косвенных падежах мн. ч. в качестве основ выступают только *пи-* и *си-*, которые по сравнению с исконными основами мало чем изменились. В аулауте, как и в косвенных падежах ед. ч., не бывает элемента *э-*. В середине основы выступает только гласная фонема <и> (ср. употребление гласной фонемы <е> в говоре: *пăрн* «у нас», *сăрн* «у вас»). Ударение, как и в ед. ч., зависит от наличия/отсутствия гласной фонемы <ĕ> в падежных суффиксах: род. п. *пирĕн, сирĕн*, в дат.-вин. п. *пире, сире*. Если в конце основы косвенных падежей ед. ч. фигурирует элемент *-н-*, то здесь,

---

[7] *Ашмарин Н. И.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898, с. 381.

в основах косвенных падежей мн. ч., не бывает данного элемента.

Таким образом, основа местоимения 1-го л. в зависимости или вне зависимости от позиции в слове может иметь следующие алломорфы и варианты: *эпё, эп, ман-, эпи-, пи-*; и в говорах — *пӑ-, ипи-*, а основа местоимения 2-го лица — *эсё, эс, сан-, си-*; и в говорах — *сӑ-, иси-*. Такое необычно большое количество алломорфов в составе корневых морфем не наблюдается ни в одной части речи чувашского языка. Даже в составе суффиксальных морфем редко бывает более четырех алломорфов.

Что же касается местоимения 3-го л., то оно не имеет многих перечисленных выше свойств. Это объясняется, во-первых, тем, что данное местоимение вошло в парадигму намного позднее первых двух, и, во-вторых, тем, что его первоначальный облик имел другие свойства, чем первые два местоимения. Тем не менее и основа этого местоимения успело приобрести некоторые черты, напоминающие изменения в местоимениях первых двух лиц: 1) склоняемая основа в ед. ч. отличается от основы осн. п. ед. ч.: а) в осн. п. ед. ч. — *вӑл*, в говорах — *у, о;* ср. тат. *ул,* каз. *ол,* аз. *о*; б) в остальных падежах ед. ч. — *ун-, ӑн-* (род. п. — *унӑн* или *ун;* дат.-вин. п. *ана,* мест. п. *унра* или *унта,* исх. п. *унран* или *унтан,* твор. п. *унпа,* лишит. п. *унсӑр,* прич.-цел. п. *уншӑн*); 2) основа осн. п. мн. ч. не совпадает с основой осн. п. ед. ч., во всех падежах мн. ч. она выступает в виде *вё-* (осн. п. *вёсем,* род. п. *вёсенён* или *вёсен,* дат.-вин. п. *вёсене,* мест. п. *вёсенче,* исх. п. *вёсенчен,* твор. п. *вёсемпе,* лишит. п. *вёсемсёр,* прич.-цел. п. *вёсемшён*). Указанные свойства можно назвать типологически сходными свойствами личных местоимений.

Такой общий обзор парадигмы форм личных местоимений позволяет заметить, во-первых, однотипность изменений в облике основ личных местоимений, т. е. фонологическую нивелировку супплетивных форм парадигмы местоимений; во-вторых, сравнительно неустойчивую природу фонемного состава их основ: не суффиксальные морфемы приспосабливаются в большей степени к основам местоимений, а, наоборот, основа претерпевает значительные фонологические изменения в зависимости от фонологических свойств суффиксальных морфем. Иначе говоря, в основах местоимений происходят многочисленные морфонологические изменения.

Если сравнить основы личных местоимений чувашского языка с основами личных местоимений других тюркских языков, то бросаются в глаза резкие несходства в облике основ чувашских местоимений первых двух лиц.

Значительные отличия в облике основ личных местоимений чувашского языка связаны, по-видимому, длительным

пребыванием чувашей вдали от основной массы тюркских народов, вдали от своей прародины. В связи с этим чуваши сохранили в своем языке древнейшие черты, свойственные языкам народов, живущих на прародине алтайцев, а возможно также, что они приобрели свойства, присущие языкам своих соседей на Волге — финно-угров.

В качестве главных факторов, приведших к ряду изменений в составе основы чувашских личных местоимений, выступило два явления: 1) употребление дейктического элемента *э-* в осн. п. и 2) употребление вставочной фонемы <н> между гласными на стыке двух морфем.

Так, алломорфам основ местоимений 1-го и 2-го лиц в осн. п. ед. и мн. числа в чувашском языке присуще наличие анлаутного дейктического элемента *э-*, которого нет ни в одном из личных местоимений тюркских языков.

По утверждению алтаистов, анлаутный элемент в местоимениях *эпĕ*, *эсĕ* восходит к общеалтайскому указательному местоимению.

Из специального исследования В. Л. Котвича «Местоимения в алтайских языках» мы узнаем, что это местоимение употребляется как самостоятельное слово, например, в монгольском и ойротском языках, оно выражает предметы приближенные[8].

В маньчжурском языке *e-* употребляется в составе местоимений *ere* «этот», *eri* «тут», *ende* «тут», *enteke* «этакий», *ebele* «здесь, с этой стороны», *eberdi* «находящийся по эту сторону», *ebsi* < *ebesi* «сюда, по эту сторону».

В тунгусских языках к корню *e-* прибавляется суффикс *-r*: *er* «этот». Г. И. Рамстедт включает сюда и тунг. *ādu* «здесь», *ālā* «здесь, сюда», *āwāski* «к этому месту»[9].

Из тюркских языков элемент *e-* встречается в барабинском: *ilā* < **e-lā* «потом, позднее»; в якутском *injä* «вот так (так, как этот)».

По Рамстедту, анлаутный элемент, содержащийся в чувашских словах *akā*, *avā*, восходит к данному указательному местоимению, а в чувашских местоимениях *эпĕ*, *эсĕ* употребляется «в значении психологического подчеркивания».

М. Рясянен предлагает присовокупить к фактам, приве-

---

[8] *Котвич В. Л.* Местоимения в алтайских языках. — «Исследования по монгольской филологии». М., 1978, с. 6—41.

[9] *Рамстедт Г. И.* Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957, с. 74.

денным Рамстедтом из алтайских языков[10]. Солидарен с ним и исследователь чувашского языка М. Р. Федотов[11].

Так, элемент *е-* «вот» находится в анлауте слов коми языка: *этайо* «вот этот», *эсійо* «вот тот»[12], в эрз. *et'e* (<*е* + *t'e*) «тот, этот», *es'e* (<*е-* + *s'e*) «тот, этот»[13]. Здесь указательные местоимения содержат по два дейктических элемента.

Таким образом, указательный элемент *е-*, имеющийся в анлауте чувашских местоимений 1-го и 2-го лиц, является, очевидно, наидревнейшим и он восходит к общему архетипу *е-* не только алтайских, но и уральских языков.

Поэтому возможно два предположения относительно судьбы анлаутного элемента двух чувашских местоимений: или чувашский язык сохранил его в прежнем же виде, какой имел на прародине алтайцев, или же приобрел от уральских языков после переселения чувашей на Волгу.

Первоначально местоимение *эпĕ* выражало, очевидно, значение «это я» (< *э* + *пи*), а местоимение *эсĕ* — «это ты» (< *э* + *си*).

Присоединение дополнительного дейктического элемента к указанным местоимениям породило в них изменения как в функциональном плане, так и в плане выражения.

Во-первых, усиление личных местоимений указательным элементом сузило круг их сочетательных возможностей и синтаксических ролей. Эти местоимения стали выполнять только роль подлежащего и сказуемого.

Во-вторых, под влиянием гласного среднего подъема *э* гласное основ местоимений *и*, по-видимому, произносилось с оттенком гласного *э*. Ввиду того, что дейктический элемент *э-* при личных местоимениях *пи-*, *си-* произносился, очевидно, с большим ударением, чем сами местоимения, то в составе последних фонема <и> стала употребляться с ослабленной артикуляцией. В последствии же, когда эта фонема была заменена гласной фонемой неполного образования <ĕ>, основы рассматриваемых местоимений стали выступать в двух вариантах: в полном (*эпĕ*, *эсĕ*) и кратком (*эп*, *эс*). Выпадению фонемы <ĕ> способствует, конечно, и употребление ее в открытом слоге.

Но в форме мн. числа ослабление первоначального гласного <и> происходит в меньшей степени, чем в форме ед. числа; оказываясь в конечном закрытом слоге, гласное *ĕ*

---

[10] *Räsänen Martti.* Materialen zur Morphologie der türkischen Sprachen. — Sto, 1957, XXI, S. 35.

[11] *Федотов М. Р.* Сравнительная грамматика тюркских языков. Чебоксары, 1975, с. 93.

[12] *Бубрих Д. В.* Грамматика литературного языка коми. Л., 1949, с. 110.

[13] *Майтинская К. Е.* Местоимения в языках разных систем, с. 111.

не может выпадать, как выпадает оно в ед. числе. В современном языке неокончательный переход фонемы <и> в <ё> виден и в том, что формы мн. числа данных местоимений имеют по два варианта: *эпир* и *эпёр*; *эсир* и *эсёр*.

Как доказательство мнения о том, что дейктический элемент перетянул на себя ударение и тем самым ослабил произношение гласного *и*, выступают также некоторые диалектальные данные. Так, в сундырско-моргаушском говоре ввиду отсутствия анлаутного дейктического элемента в формах мн. числа личных местоимений не происходит никакого фонетического ослабления фонемы <и>, но она чередуется с фонемой <э>: *пэр* «мы», *сэр* «вы».

Что же касается ауслаутного элемента *-н-* в основах личных местоимений, он является свойством не только чувашского языка, но и большинства тюркских языков. К сожалению, в объяснении появления этого элемента в структуре местоимений лингвисты еще не достигли единства мнений.

Исследователи чувашского языка рассматривали *-н* как неразложимый элемент первоначальных основ местоимений. По Н. И. Ашмарину, «*эп* свое оформление получило от пратурецкого *бан, ман*—от *ман, бан* с утратой конечного звука *н* стало употребляться в значении им. падежа»[14]. И по мнению А. И. Иванова, «1) наиболее древним личным местоимением 1-го л. ед. ч. является **ман*, а 2-го л. **сан*; 2) моложе их ныне отдельно не употребляющиеся формы личного местоимения 1-го л. ед. ч. **пи, *пе и* мн. ч. **пир* и, соответственно, формы местоимения 2-го л. **си, *се, *сир*, а также отдельно употребляющиеся и склоняющиеся диалектные формы *пер* «мы» и *сер* «вы»[15].

Однако тюркологи считают, что «конечное *-н* не является органическим структурным элементом местоимений *менсен*»[16]. Н. К. Дмитриев писал по этому поводу, что «по своему происхождению *мин* и *hин* (в башкирском языке.—*И. П.*), очевидно, разлагаются на *ми-* и *hи-* + *н*; это видно из соотношения *без* : *hез*, в конце концов, *бе* : *hе*»[17].

---

[14] *Ашмарин Н. И.* Заметки по грамматике чувашского языка. — Труды ЧНИИ, вып. 66. «Чувашский язык». Чебоксары, 1976, с. 45.

[15] *Иванов А. И.* Об относительной хронологии некоторых аффиксов и грамматических форм чувашского языка. — «Ученые записки» ЧНИИ, вып. 49, Чебоксары, 1970, с. 66.

[16] *Кононов А. Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, с. 174.

[17] *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948, с. 97.

В алтаистике существует также мнение, что *-н-* является местоименным суффиксом [18].

По нашим наблюдениям, элемент *-н-* в местоименной основе восходит к вставной фонеме между гласными на стыке морфем для сохранения фонетического облика и, тем самым, значений их. В чувашском языке точно в такой же функции употребляются и фонемы <в>, <й>, <ш>, <с>. Применение той или иной вставной фонемы зависит от морфонологических условий: 1) к какой части речи относится основа слова, 2) какую категорию образует служебная морфема, 3) на какую фонему кончается основа и начинается служебная морфема и др. Исходя из указанных особенностей, вставные фонемы целесообразнее называть интерфонемами [19].

Интерфонемы, как элементы, не имеющие специальных грамматических значений, под влиянием других языковых процессов могут утратить свою роль соединителя и хранителя облика двух морфем и, включаясь в состав той или иной морфемы, придать ей новый облик.

В данном случае речь идет об интерфонеме <н>.

Если сравнить склонение рассматриваемых личных местоимений со склонением имен существительных ед. ч., а также имен существительных в форме принадлежности 3-го л., ед. ч., то можно обнаружить различный диапазон использования интерфонемы<н> на стыке морфем.

1. При склонении имен существительных ед. ч., оканчивающихся на *а(е)*, интерфонема <н> вставляется между основой и суффиксом род., а также дат.-вин. п.; ср.: род. п. *лаша-н-ан*, дат.-вин. п. *лаша-н-а*. В некоторых говорах верхового диалекта встречается употребление интерфонемы <й> вместо <н>; ср. в литературном языке: *хула-н-а*, в говорах — *хола-й-а* «в город».

2. Если же склоняется имя существительное в форме принадлежности 3-го л. ед. ч., то *-н-* употребляется не только в указанных двух падежах, но и в падежах раннего образования, суффиксы которых имеют в анлауте согласные фонемы, ср.:род. п. *лаш-и-н-ён*, дат.-вин. п. *лаш-и-н-е*, местн. п. *лаш-и-н-че*, исх. п. *лаш-и-н-чен*. Но в падежах позднего образования интерфонема не применяется: твор. п. *лаш-и-пе*, лиш. п. *лаш-и-сёр*, прич.-цел. п. *лаш-и-шён*.

---

[18] *Котвич В. Л.* Указ. соч., с. 7—8. См. также: *Суюнчев Х. И.* Об *н*-именном и *н*-местоименном. — «Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзной тюркологической конференции». Алма-Ата, 1976, с. 147—150.

[19] Более подробно об интерфонемах в чувашском языке см.: *Павлов И. П.* Краткий очерк морфонологии современного чувашского языка. — «Чувашский язык и литература». Труды ЧНИИ, вып. 53. Чебоксары, 1975, с. 3—10.

3. При склонении личных местоимений 1-го и 2-го лиц ед. ч. интерфонема используется во всех падежах, кроме основного:

Осн. п.	*эп(ĕ)*	*эс(ĕ)*
Род. п.	*ма-н(-ан)*	*са-н(-ан)*
Дат.-вин. п.	*ма-н-а*	*са-н-а*
Мест. п.	*ма-н-ра*	*са-н-ра*
	или *ма-н-та*	или *са-н-та*
Исх. п.	*ма-н-ран*	*са-н-ран*
	или *ма-н-тан*	или *са-н-тан*
Твор. п.	*ма-н-па*	*са-н-па*
Лиш. п.	*ма-н-сар*	*са-н-сар*
Прич.-цел. п.	*ма-н-шан*	*са-н-шан*

Но одинакова ли роль данной интерфонемы во всех этих случаях?

В первом случае — при склонении существительного на *-а(-е)* — интерфонема <н> употребляется исключительно по назначению: она выполняла раньше и выполняет теперь обязанности хранителя облика двух соседствующих морфем. Рассматривать <н> как неразделимую часть суффиксов род. и дат.-вин. падежей нет никаких оснований. Если же не считать ее за разграничителя морфем, чтобы выдержать принцип, пришлось бы включить в состав морфем и другие вставные фонемы, стоящие в одном ряду с <н>: *бюро-вĕ* «его (их) бюро» (3-е л.), *пашие-йе* (орф.: *пашие,* в дат.-вин. п.) «лосю, лося», *пара-ва* «теленку, теленка», *пиччĕ-шĕ* «его (их) брат» (в 3-ем л.).

Во втором случае роль интерфонемы <н> расширена и тем самым, можно сказать, утрачена, она применяется не только между двумя гласными фонемами (на стыке морфем), но и между гласной и согласной. В других падежах, говорящие, по-видимому, стали употреблять *-н-* по аналогии. В ходе развития языка произошло так называемое «выравнивание парадигмы». И теперь уже элемент *-н-*, присоединяясь к суффиксу 3-го л., входит в неделимую часть данной морфемы. Следовательно, образовался новый алломорф суффикса принадлежности 3-го л., применяемый в косвенных падежах. Это доказывается и тем, что значение 3-го л. в дат.-вин. п. выражается без наличия суффикса *-ĕ*, т. е. только при помощи *-н-*: *юлташ-(ĕ)н-е* «его товарищу», «его товарища». Но когда в чувашском языке стали возникать новые падежи, то последние за первооснову брали форму осн. п., где суффикс 3-го л. выступает без *-н-*.

Примерно такие же слои прочного сплава обнаруживаем мы в чувашском алломорфе суффикса мн. ч. *-сен*, состоящем из наидревнейшей морфемы мн. ч. *-се* и того же самого элемента *-н-*.

В третьем случае имеются свои особенности. Так как древнетюркские местоимения 1-го и 2-го лиц в ауслауте имели гласную фонему, то в род. и дат.-вин. падежах, естественно, также требовалось применение интерфонемы <н>. Но затем в результате выравнивания оси парадигмы, она срослась с основами местоимений во всех косвенных падежах. Даже падежи позднего образования (творительный, лишительный и причинно-целевой) определились по образцу форм падежей раннего образования, ибо форма осн. п. личных местоимений выступает не в виде склоняемой основы, какую мы имеем у существительных, а в чисто специфической форме. Таким образом, склоняемая основа личных местоимений стала оканчиваться на согласное и совершенно исчезла проблема зияния фонем в падежных формах личных местоимений.

Если возникнут вопросы: в любом ли случае при склонении форм принадлежности 3-го л. имен существительных или личных местоимений происходит процесс сращения с предшествующей морфемой и почему не происходит такое сращение при склонении имен существительных с гласной фонемой в ауслауте в род. и дат.-вин. падежах, то можно ответить, что сращение интерфонемы с предшествующей морфемой происходит, во-первых, когда она (интерфонема) в парадигме склонения начинает употребляться не по назначению, а по аналогии, во-вторых, когда интерфонема <н> предшествует не слово с конкретным лексическим значением, а суффикс или слово с грамматикализованным значением (т. е. местоимение). Но когда интерфонема применяется в слове только в определенных морфонологических условиях, то она считается специальным «механическим средством соединения» морфем между собой; и в таком случае не может быть речи о сращении интерфонемы с предшествующей морфемой.

В абсолютном большинстве тюркских языков личные местоимения приобрели единую ось парадигмы склонения, т. е. элемент *-н-* (теперь уже не интерфонема) присоединился к основам местоимений во всех падежах, включая и основной падеж. Ср. основы местоимений: в 1-м лице — аз., уйг. *мэн*, алт., каз., ккалп., кирг., кум., ног., тув., туркм., узб., шор. *мен*, башк., тат., хак., як. *мин*, тур. *ben*, гаг. *бӑн*; во 2-ом лице — аз., уйг. *сэн*, алт., каз., ккалп., кирг., кум., ног., тув., туркм., узб., шор. *сен*, гаг. *сӑн*, башк., тат. *син*. як. *эн*, тур. *sen*[20]. Только в чувшском языке выравнивание оси парадигмы склонения не завершилось полностью. Этому процессу помешали, очевидно, специфическое оформление основного падежа при помощи дейктического элемента *э-* и последующие фонологи-

[20] См.: *Исхаков Ф. Г.* Местоимения. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, II. Морфология». М., 1956, с. 214—215.

ческие процессы в связи с появлением этого элемента в составе местоимения, о чем уже было сказано выше.

Процесс выравнивания оси парадигмы при помощи элемента *-н-* коснулся и некоторых других местоимений чувашского языка, имевших или еще имеющих в ауслауте основы гласную фонему: *ку* (в основном падеже) — *кун-* (в косвенных падежах) «этот», *çака* (в основном падеже) — *çакан-* (в косвенных падежах) «этот», *çава* (в основном падеже) — *çаван-* (в косвенных падежах) «этот», **ме, мён* (< общетюркская основа *не* + *н*; ср. диал. *мёшён* «почему», разг. *мёскер* «что»).

Теперь у читателя, естественно, может возникнуть вопрос: как широк диапазон процесса выравнивания оси парадигмы склонения и связан ли он только с интерфонемой <н>?

По данным чувашского языка выравнивание оси парадигмы склонения связано и с другими интерфонемами. Чтобы нагляднее был виден процесс оформления современных основ склонения местоимений 1-го и 2-го лиц ед. ч., мы хотели бы показать его на сравнительно живом примере, а именно на оформлении основы лично-возвратного местоимения 2-го л. ед. ч. *ху* «ты сам».

Исторически это местоимение восходит к двум морфемам: к основе указательного местоимения **ха*[21] и суффиксу принадлежности 2-го л. имен *-у*. Но в последствии, когда основа местоимения лишилась своей лексической самостоятельности, суффикс лица тоже утратил свой первоначальный смысл и произошло полное «сплавление» двух морфем. Это видно из того, что формант *-у* перестал подчиняться морфонологическим правилам словоизменительных суффиксов. Ср.:

Склоняемые основы на -у / Падежи	Существительное в форме 2-го л.	Лично-возвратное местоимение 2-го л.	Производное существительное на -у
Осн. п.	*юлташ-у* «твой товарищ»	*х-у* «ты сам»	*çыр-у* «письмо»
Род. п.	*юлташ-ун(-ăн)*	*х-ă-в-ăн*	*çыр-ă-в-ăн*
Дат.-вин. п.	*юлташ-н-а*	*х-ă-в-н-а*	*çыр-ă-в-а*
Мест. п.	*юлташ-ун-та*	*х-ă-в-ăн-та*	*çыр-у-ра*
Исх. п.	*юлташ-ун-тан*	*х-ă-в-ăн-тан*	*çыр-у-ран*
Твор. п.	*юлташ-у-па*	*х-у-па*	*çыр-у-па*
Лиш. п.	*юлташ-у-сăр*	*х-у-сăр*	*çыр-у-сăр*
Пр.-цел. п.	*юлатш-у-шăн*	*х-у-шăн*	*çыр-у-шăн*

[21] По предположению М. Р. Федотова *ха-* < *ке-* (в древнетюркском языке: *kendü, kentü* «сам, свой»). См.: *Федотов М. Р.* Сравнительная грамматика тюркских языков. Чебоксары, 1975, с. 99.

При сравнении склонения возвратно-личного местоимения 2-го л. со склонением существительного в форме принадлежности 2-го л., а также со склонением существительного с гласной фонемой в ауслауте видно, что форма *ху* в род. и дат.-вин. падежах стоит ближе не к форме принадлежности 2-го л., а к существительному на *-у(-ӳ)*, т. е. к существительному без суффикса принадлежности. Иными словами, лично-возвратное местоимение *ху* в современном языке склоняется не как словоизменительная форма 2-го л., а как простая или производная основа существительного на *-у(-ӳ)*. Так изменялось оно по падежам еще при зарождении чувашского литературного языка, такого же изменения требуют и нормы современного литературного языка. Интерфонема <в> употребляется, как и другие интерфонемы, перед суффиксами с гласным в анлауте. Ср. примеры из поэмы классика чувашской литературы Константина Иванова «Нарспи».

Эпĕ асап курнишĕн	«За мои мучения
Ху айапла, эпе мар.	Ты сам виноват, не я».
Хăван камалу пулсан,	«Если было бы твое желание,
Лашам çине лартаттăм.	То я посадил бы тебя на своего коня».

Но в последние десятилетия, несмотря на существующие нормы литературного языка, при склонении местоимения *ху* происходит дальнейшее выравнивание оси парадигмы прямо на наших глазах; ср. употребление падежей позднейшего образования в разговорной речи: твор. п. *хăванпа,* лишит. п. *хăванăр*, прич.-цел. п. *хăваншăн*. Даже в осн. п. под влиянием основы косвенных падежей или по аналогии теперь вместо *ху* часто стали применять *хав*. Следует отметить, что это не диалектальное явление. Такой прием образования падежных форм местоимения *ху* встречается в произведениях многих современных писателей. Например: *Хулара ӳснĕ хĕре илсе, эс хăв та хула арçынĕ пулса кайрăн. Ху ав, ял çынни, писатель, анчах яла мантăн* (А. Емельянов) «Женившись на городской девушке, и ты сам стал городским. Хотя ты сам из села, но о селе ты позабыл». *Эппин, канмалли кун хăв пыр* (Г. Краснов), «Если так, то в выходной день сам приходи». *Пăтти тутлă пулсан, эс хăв çи-ха* (Г. Харлампьев) «Если каша вкусная, то ешь-ка сам». И вполне возможно, что в недалеком будущем сплав трех элементов: основы прежнего местоимения *ха-*, суффикса 2-го л. *-у* и интерфонемы <в>—станет единственной основой 2-го л. лично-возвратного местоимения в парадигме склонения в качестве нормы литературного языка.

Все вышеизложенное о влиянии интерфонемы <н> на оформление парадигмы склонения личных местоимений дает

возможность утверждать, что в чувашском языке, как и в других тюркских языках, процесс выравнивания оси парадигмы и слияния интерфонемы с предшествующей морфемой происходит в определенных морфонологических условиях и имеет закономерный характер.

При склонении форм множественного числа местоимений 1-го и 2-го лиц никогда не пользуются интерфонемой, так как не было особой необходимости в ней: после основ местоимений ставится суффикс, состоящий из согласной фонемы <р>: *эпи-р, пи-р-ён, пи-р-е* и др.; *эси-р, си-р-ён, си-р-е* и др. По этой причине в составе основ личных местоимений не происходит заметных морфонологических изменений и по облику основ в косвенных падежах мн. ч. в виде *пи-, си-* чувашские местоимения мало чем отличаются от основ соответствующих местоимений большинства тюркских языков (*би-з, би-с, пи-с, бе-з...; си-з, се-з, сі-рер, си-лер...*).

Интерфонема <н> внесла свои коррективы не только в парадигму склонения местоимений 1-го и 2-го лиц, но и в фонемную структуру местоимения 1-го л. ед. ч.

Под влиянием носовой согласной <н> в косвенных падежах местоимения 1-го л. ед. ч. произошла неполная регрессивная ассимиляция: анлаутная губно-взрывная согласная <п> перешла в губно-носовую согласную <м>. Такая ассимиляция была возможна только при наличии в анлауте взрывной согласной, близкой по артикуляции носовой согласной: и фонема <п>, и фонема <м> являются губно-губными согласными. Другие согласные на этом месте не подвергаются ассимиляции, ср. склонение местоимения 2-го л. ед. ч.: *са-н-ан, са-н-а, са-н-ра* и т. д.

Закономерность настоящего явления объясняется и данными других тюркских языков, в которых чередование *п/м*, или переход <п> в <м>, происходит не только при склонении местоимения 1-го л. ед. ч., но и при склонении указательного местоимения *бу—мынын, мына* и др.[22]. Разница между склонением местоимения 1-го л. ед. ч. и склонением указательного местоимения *бу(л)* незначительны; в первом случае выравнивание оси парадигмы охватило все компоненты, в том числе и осн. п.; во втором случае осн. п. остался не затронутым этим процессом, как при склонении чувашского местоимения 1-го л. ед. ч., так как в основном падеже нет необходимости иметь фонему <н>. А в некоторых тюркских языках, в которых часть косвенных падежей указательных мес-

---

[22] См.: *Векилов А. П.* О склонении личных местоимений в тюркских диалектах. — «Тюркологический сборник. 1976». М., 1978, с. 201; *Серебренников Б. А.* О некоторых трудных проблемах исторической грамматики тюркских языков. — «Советская тюркология», 1979, № 3, с. 3—4.

тоимений выступает без <н>, фонема <б> не подвергается ассимиляции, т. е. не чередуется с фонемой <м>[23]. Ср., например, в казахском языке осн. п. *bül*, род. п. *münyη*, дат. п. *buγan*, вин. п. *müny*, исх. п. *büdan*, мест. п. *münda*. На наш взгляд, этот факт тоже является не менее убедительным доводом в пользу признания чередования *б/м* под влиянием фонемы <н>.

Появление фонемы <м> взамен фонемы <б> в анлауте местоимения 1-го л. ед. ч. в основном падеже большинства тюркских языков при отсутствии в ауслауте фонемы <н> произошло, очевидно, под влиянием основы косвенных падежей и в результате частого употребления форм косвенных падежей, как это происходит, например, с возвратно-личным местоимением 2-го л. ед. ч. (*хăв* вм. *ху*).

В указательном местоимении большинства тюркских языков замена в осн. падеже анлаутной фонемы <б> фонемой <м> не происходит, по-видимому, потому, что употребление форм косвенных падежей не отличается большой частотностью, чтобы повлиять на основной падеж.

Что же касается чувашского личного местоимения 1-го л. ед. ч., то оно, как уже было сказано выше, претерпело ряд изменений в облике и содержании в результате слияния с дейктическим элементом *э-*, и теперь оно не поддается влиянию аналогии.

По поводу архетипа и последующих изменений в облике местоимения 3-го л. ед. ч. в тюркологии, как было уже отмечено, нет единства мнений. В современном чувашском языке основа этого местоимения имеет четыре алломорфа: *вăл*, *ун-*, *ан-*, *вĕ-*, а в говорах употребляются и *у*, *о*, *во*.

Судя по данным чувашского и других тюркских языков, первоначально это местоимение имело форму **у(о)*. В функциональном же плане оно до перехода в личное местоимение выполняло, да и теперь продолжает выполнять роль указательного местоимения.

Алломорфы *ун-*, *ăн-* имеют элемент *-н-*, восходящий, очевидно, и в данном случае к интерфонеме <н>. В результате процесса выравнивания парадигмы склонения основной падеж этого местоимения, надо полагать, в свое время тоже имел алломорф *ун-*(*ан-*), *он-*. Но впоследствии его конечная фонема <н> в результате пока неизвестного нам внешнего сандхи чередовался с фонемой <л>, как, например, в далеком прошлом фонема <н> суффикса мн. ч. *-сен* в осн. п. перешла в фонему <м>: *лашасен* > *лашасем* «лошади».

Но процесс изменения внешнего облика местоимения 3-го л. на этом не прекратился. В анлауте местоимения по-

---

[23] *Исхаков Ф. Г.* Местоимение, с. 252.

явился не типичный для большинства тюркских языков протетический звук *в*, отмечаемый и в других частях речи; например: *он* > *вон, вун* «десять», *орун* > *выран* «место».

Во мн. ч. как в осн. п., так и в косвенных падежах в результате регрессивной ассимиляции гласная фонема <а> местоимения *вăл* перешла в <ĕ> (осн. п. *вĕсем*, род. п. *вĕсен*(*ĕн*), дат.-вин. п. *вĕссне* и др.), а согласная фонема <л> выпала. О том, что в ауслауте основы местоимения перед суффиксом мн. ч. употреблялась фонема <л>, говорит употребление ее в некоторых говорах чувашского языка. Например: *Вăлсам хайматлахла.* «Они связаны отношениями хайматлахства» (Ашм. V, 299; *хайматлах* «посаженный»).

Суммируя вышеизложенное о происхождении личных местоимений, можно сказать, что местоименные основы материально расширились за счет неморфемных элементов и что входящие в круг местоимений слова имеют основы со множеством корневых алломорфов. И эти алломорфы не нарушают системы местоимений как части речи, ибо данная часть речи отличается от других регулярностью и продуктивностью употребления входящих туда слов — в речи.

ТІЛ БІЛІМІ ИНСТИТУТЫ

Н. П. ПЕТРОВ
(Чебоксары)

ИЗМЕНЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЧУВАШСКИХ СЛОВ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

Давно стало общепризнанным, что язык есть явление социальное, что он существует только в человеческом коллективе и форма существования есть его развитие. Являясь средством общения, накопления и хранения информации, он обслуживает общество в целом и каждого его члена в отдельности. При этом человеческий коллектив и даже отдельные индивиды оказывают свое воздействие на структуру языка (через школу, литературу, прессу, радио, телевидение, кино, театр и другие каналы коммуникации). Язык чутко реагирует на изменения в обществе. Развитие и изменение языка связаны с развитием и изменением общества, различных его институтов.

Обновление и видоизменение семантической структуры слов стимулируются внутренними и внешними причинами развития и совершенствования языка. Эти причины нередко действуют в совокупности, ускоряя тем самым процесс семантического развития языка. Переходим к конкретным примерам.

В современном чувашском языке слово *чĕлхеçĕ* означает прежде всего специалиста по лингвистике, языковеда. В этом значении мы впервые обнаружили его в газете «Канаш» от 4 июля 1919 г. В дореволюционном чувашском языке *чĕлхеçĕ* бытовало только в значении «ворожей», «ворожея», «знаток наговоров и заговоров». Оно мотивировано производящей основой *чĕлхе*, у которой одно из значений являет собой «наговор», «заговор», «язык магических слов». В послереволюционные годы в связи с резким повышением у чувашской общественности интереса к практическим и теоретическим вопросам родного языка, приобревшими большую актуальность в культурно-национальном строительстве Чувашии, возникла острая необходимость в слове для обозначения специалиста по лингвистике, т. е. языковеда. Таким словом стало *чĕлхеçĕ*, т. е. старое слово *чĕлхеçĕ* обросло новым значением. С ростом культуры населения, распространением научных знаний у народа отпала вера в магическую силу нагово-

ров и заговоров и вместе с тем отошли в прошлое ворожеи. Ввиду этого у слова *чĕлхеçĕ* первичное значение «знаток наговоров и заговоров» вытеснилось на задний план, а новое значение «лингвист», «языковед» стало доминирующим.

Аналогичный процесс происходит сейчас в семантической структуре слова *кӳлĕм*. Данное имя существительное, образованное от глагола *кӳл* «запрячь, запрягать», раньше бытовало со следующими значениями: 1. запряжка лошади (или лошадей) на пахоту, отпряженных для кормления и отдыха; 2. то время, когда запрягают лошадей на пахоту; *кӳлĕмрен пуçласа таваррăçен кантармасăр сухала* «пахать от запряжки, не давая лошадям отдыха»; 3. промежуток времени, в течение которого лошадь может работать на пахоте без корма и отдыха, по свидетельству В. И. Даля, в русском языке в этом значении употреблялось слово *упряжка; ирхи кӳлĕм* (или *иркӳлĕм*) «утренняя упряжка», *каçхи кӳлĕм* (или *каçкӳлĕм*) «вечерняя упряжка»; *каçхи кӳлĕмре сухаласа пĕтерчĕç* «в вечернюю упряжку вспашку закончили»; 4. время, равное тому, в течение которого лошадь может работать на пахоте без корма и отдыха; *лаша пĕр кӳлĕмре 25—30 çухрăм каять* «в течение упряжки лошадь проедет 25—30 верст». В послевоенные 10—15 лет в сельскохозяйственном производстве, в частности на полеводческих работах, конная тяга полностью вытеснилась механической. В связи с этим употребление слова *кӳлĕм* вышеперечисленных значениях значительно снизилось. Но само слово не снизило своей употребительности, т. к. оно обновилось новым значением, обозначающим определенный промежуток рабочего времени или смену, а прежнее значение «запряжка», «упряжка» утратилось. Примеры: *Каç кӳлĕмччен Ильин ĕне фермине, сыснасем патне çитсе çаврăнасшăнччĕ* (Ухли) «До вечера Ильин хотел побыть на молочно-товарной и свиноводческой фермах». *Куçлама тухатăп эп каç кӳлĕм ытарма çук лăпкă Атăла* (Ивник) «Выхожу я вечером любоваться красивой тихой Волгой». *Сĕлĕ кĕлти кĕртекенсем каçхи кӳлĕме тухсан, Ленăпа Маруç пăрусене уя хăваласа кăларчĕç* (Артемьев). «Когда возчики овсяных снопов после обеденного перерыва (т. е. к вечеру) снова приступили к работе, Лена и Маруся выгнали телят в поле».

Известный русский лингвист Н. В. Крушевский еще в начале 80-х годов прошлого века писал, что каждый язык, развиваясь, стремится ко все более и более «полному общему и частному соответствию мира слов миру понятий»[1]. Одной из внутренних причин развития и совершенствования лексического состава языка является тенденция к устранению поли-

---

[1] *Крушевский Н.* Очерк науки о языке. Казань, 1883, с. 149.

семии и обозначению каждого расчлененного понятия соответствующей формой. Ярким свидетельством стремления языка к устранению полисемии служит разгрузка семантического объема слова *юланут*. Чув. *юланут* и *юлан* родственны с тат. *ялин ат* «всадник», бытующим в некоторых диалектах, которому в литературном языке соответствуют *атлы, жайдак*. Тат. *ялан* и чув. *юлан* восходят общетюркскому *jalaη* «голый», «нагой». Если это так, то *ялан ат* ≈ *юлан ут* означают легкого, незапряженного коня, т. е. верховую лошадь. В пользу этого говорит чувашское диалектное *пушут* «порожняя лошадь», представляющее собой калькированный перевод с татарского. Эта форма в ядринском, моргаушском говорах бытует и поныне. Следовательно, первичное значение слова *юланут*—«верховая лошадь». Однако в чувашско-русском словаре В. П. Вишневского, приложенном к «Начертанию правил чувашского языка», слово *юлан* зафиксировано в значении «всадник»; «верховая лошадь», ср.: *юлан ут* — верховая лошадь, *юлансем килеççĕ* — едут всадники, *юлан утпа кайса кил* — съездить верхом. С теми же значениями зафиксировано это слово в «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина. Употребление одного и того же слова в разных, почти противоположных значениях создает большое неудобство для коммуникации. В 30-х годах для обозначения понятия «всадник», «наездник» появляется новое аффиксальное образование *юланутçа*, которое сразу нашло признание в писательской среде. Его тотчас же ввели в употребление С. Эльгер, Я. Ухсай, В. Иванов-Паймен и другие. Оно нашло применение и в школьных учебниках, ср. например: *Çитĕнсе çитнĕ кашни монгол юланутçа çар çынни пулса тăнă, мĕншĕн тесен монголсем пĕр вырăнтан тепĕр вырăна юланутпа куçса çÿренĕ* (М. Нечкина, А. Фадеев) «Каждый взрослый монгол являлся всадником-воином, потому что монголы кочевали на верховых лошадях». Таким образом, слово *юланут*, передав одно из своих значений новому производному слову *юланутçă*, упростил свою семантическую структуру.

Тенденцию к устранению полисемии аналогичным способом можно наблюдать еще у таких многозначных слов, как *ăста, харам, сăхăм, ĕçчен* и т. п.

Слово *ăста* имеет следующую семантическую структуру: 1. мастер, знаток; 2. умелый, искусный; знающий, опытный; 3. мастерски, умело, искусно. В начале XX в. от слова *ăста* образовалось производное *ăстаçă* со значением «мастер», «знаток». Появление этого новообразования естественно разгрузило семантический объем слова *ăста*.

Слову *харам* присущи следующие значения: 1. бесплатный, безвозмездный, даровой; *харам çăкăр* «даровой хлеб»; *харам укçа* «даровые деньги»; 2. бесполезный, напрасный,

тщетный, пустой; *харам ĕç* «бесполезное дело», «напрасный труд»; 3. бесполезно, напрасно, тщетно, впустую, зря; *ĕне сĕт памасан, тăрантарни харам* «если корова молока не дает, зря ее кормить»; 4. ненасытный, прожорливый, обжорливый; *харам хырăма тăрантарса çитерме çук* «ненасытной утробе трудно насытить»; 5. добыча; *укçам вăра харамĕ ан пултăрччĕ* «деньги мои как бы не стали добычей вора»; 6. дармоед; *харам хай ĕçлемест, çын ĕçленине кăна кӳпсе пурăнать* «дармоед сам не трудится, жрет только чужое».

Все приведенные здесь значения зафиксированы в «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина. Они употребительны и в современном языке, исключение составляет своей пассивностью лишь шестое значение—«дармоед». Дело в том, что для выражения данного понятия в языке существует словосочетание *харам пыр*. Однако, независимо от этого в 20-х годах нашего века в языке появилось новое слово *харамçа* со значением «дармоед». Получив распространение в литературном и разговорном языках, оно, можно сказать, освободило свою производящую основу *харам* от значения «дармоед».

Образование новых значений у форм или слов под влиянием другого языка интенсивно происходит особенно в условиях так называемого внутрирегионального контактирования неодинаковых по уровню развития языков. В нашем примере чувашский язык контактирует с высокоразвитым русским языком, который является языком межнационального общения, языком экономического, культурного, политического, идеологического и духовного сплочения социалистических наций и народностей. Бурный подъем культурного и образовательного уровня народа, интенсивная миграция, рост многонациональности городов и поселков, отчасти и сельских районных центров, увеличение потока научной информации на русском языке, частое применение русского языка в производстве, в государственных учреждениях, в партийных, советских органах, на транспорте, торговле и других учреждениях и многие другие факторы обусловили образование и дальнейшее развитие двуязычия. Вместе с двуязычием появилась тенденция к выравниванию семантической структуры некоторых чувашских слов с семантической структурой соответствующих слов русского языка. Правда, приписывание или навязывание словам родного языка необычные для него значения по образу и подобию соответствующего слова другого языка в первое время кажется насилием над родным языком, нарушением его литературных норм, но благодаря постоянному действию второго контактирующего языка необычное значение нередко становится обычным. Такая участь постигла многих имен существительных, прилагательных, глаголов, нередко и наречий чувашского языка.

Слово *каç* «вечер», означающее время суток от окончания дня до наступления ночи, в послевоенные годы под влиянием русского *вечер* стало употребляться в значении «собрание приглашенных гостей» или «встреча с гостьями», например: *таша каçĕ* «вечер танцев», *тĕлпулу каçĕ* «вечер встречи», *литература каçĕ* «литературный вечер», *музыка каçĕ* «вечер музыки» и т. д. Нередко эти вечера устраиваются не вечером, а днем, но это не меняет суть дела.

Под влиянием русского языка литературное метафорическое значение получили:

вучах «очаг»: *культура вучахĕ* «очаг культуры», *агресси вучахĕ* «очаг агрессии»;

кавар «огонь»: *юрату кавар*ĕ «огонь любви»;

çулăм «пламя»: *революци çулăмĕ* «пламя революции»;

хĕлхем «искра»: *революци хĕлхемĕ* «искра революции», *Октябрь хĕлхемĕ* «искра Октября»;

çар «армия», «войско»: *интеллигенци çарĕ* «армия интеллигенции», *коммунизм строителĕсен çарĕ* «армия строителей коммунизма»;

çăлкуç «ключ», «родник», «источник»: *пĕлу çăлкуçĕ* «источник знаний», *пуянлăх çăлкуçĕ* «источник богатства»;

юхăм «течение воды» стало бытовать в значении «течение», «движение»: *революци юхăмĕ* «революционное движение», *литература юхăме* «литературное течение» и т. д.

Расширили свои семантические границы имена прилагательные, которые раньше употреблялись только с конкретно-предметным значением. В советское время они стали приобретать абстрактные значения. Таковы, например, прилагательные *анла* «широкий»: *анла тĕллев* «широкая цель», *ансăр* «узкий»: *ансăр тема* «узкая тема», *тарăн* «глубокий»: *тарăн идея* «глубокая идея», *тарăн шухăш* «глубокая мысль», *çивĕч* «острый»: *çивĕч ыйту* «острый вопрос», *çивĕч лару-тăру* «острая ситуация» (раньше *çивĕч* употреблялось только по отношению к режущим предметам) и т. д.

Новые метафорические значения получили глаголы *чечеклен* «цвести», *çулăмлан* «воспламеняться», *çивĕчлен* «обостряться», *çутат* «освещать», *тупта* «ковать», *чĕрт* «оживлять» (работу), «поджигать» (войну) и многие другие.

По отношению к музыкальным инструментам раньше употреблялся глагол *кала* «говорить», «сказать», ср.: *шăхлич кала* «играть на свирели», *тӳттӳрӳт кала* «играть на рожке», *хут купăс кала* «играть на гармонике», *сĕрме купăс кала* «играть на пузыре» и т. д. По аналогии следовало бы сказать *пианино кала* «играть на пианино». Но под влиянием русского языка все более и более распространяется сочетание *пианино çинче выля* «играть на пианино».

В лексико-семантической сфере языка наиболее заметно отражаются социальные изменения. Появление в жизни общества новых понятий, предметов и учреждений и т. п. обуславливает возникновение новых слов и новых значений у слов. Новые формы общественно-политической жизни способствуют не только расширению, но и сужению сферы применения, снижают степень употребления некоторых значений слов. Вместе с обычаями или предметами, уходящими в прошлое, угасают те значения, которые связаны с ними.

Образование новых административно-управленческих учреждений, культурных заведений вызвало потребность в номинации их на родном языке. Так, слова *çурт* «дом», *кермен* «дворец» в советское время стали употребляться со значением «учреждение», «заведение», ср.: *кану çурчё* «дом отдыха», *пионерсен çурчё* «дом пионеров», *вулав çурчё* «изба-читальня», *культура керменё* «дворец культуры», *машарлану керменё* «дворец бракосочетаний».

Слово *пай* «часть», «порция», «доля» в советское время приобрело значение отдела учреждения: *çутёç пайё* «отдел просвещения (или образования)»; *культура пайё* «отдел культуры», *вёренӳ пайё* «учебная часть» и т. п.

Под влиянием чисто внешних, т. е. социальных факторов некоторые сдвиги произошли в семантической структуре слов *кимёçё* «лодочник», *пахчаçа* «огородник», «овощевод», «садовод», *утарçа* «пасечник», в которых первоначально доминировало значение «собственник». Но этот собственник в то же время был и деятель, ибо владелец лодки сам перевозил людей на своей лодке, владелец сада или огорода сам ухаживал за своим садом или огородом, владелец пасеки сам занимался пчеловодством. После революции с ликвидацией частной собственности на средства производства и обобществлением основных средств производства крестьян возникла новая, коллективная форма ведения хозяйства. Соответственно этому в словах типа *кимёçё*, *пахчаçа*, *утарçа* первичное значение собственника-обладателя затмилось значением «деятель».

Все это говорит о том, что лексико-семантическая структура слов — не застывшая категория, она подвержена постоянным изменениям, в фиксации которых наша лексикография не всегда успевает. Однако эти изменения не беспредельны. Тенденции к изменениям противостоит другая тенденция — стремление языка сохранить стабильность норм словоупотребления, которая необходима для успешного выполнения главного назначения языка — служить важнейшим средством общения людей.

В. И. СЕРГЕЕВ
(Чебоксары)

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «СТРАНСТВУЮЩИХ СЛОВАХ»

(К проблеме классификации заимствований)

Термин «странствующие слова» включает в себя интернационализмы, регионализмы, иррегионализмы, этнографизмы и внутренние заимствования. В лингвистике до сих пор нет единого определения заимствований. Обычно под заимствованием понимается процесс регулярного использования в одном языке единиц разных уровней структуры другого языка[1]. По мнению большинства языковедов, наиболее адекватное определение заимствования дано американским лингвистом Э. Хаугеном. Согласно его концепции, «заимствование можно рассматривать как преднамеренное воспроизведение средствами одного языка моделей, ранее воспроизводимых говорящими на другом языке, на фоне языковой среды первого»[2]. Нередко заимствованные слова называют «странствующими» или «бродячими»[3]. Следует отметить, в языкознании еще нет четкого определения и этого слоя лексики. «Лингвистическая природа заимствований, условия вхождения и выхода слов и значений в различных языках и методы установления заимствованного или исконного характера слов в том или ином языке, — указывает М. М. Маковский, — изучены слабо, а специальные теоретические исследования, посвященные этим вопросам, весьма немногочисленны». В самом деле, как отнестись к так называемым внутренним заимствованиям, если под последними подразумевать заимствования из близкородственных языков? При этом очень трудно решить, имеем ли мы дело с заимствованием из одного языка в другой или же данное слово восходит к периоду общего для них праязыка.

---

[1] *Ахунзянов Э. М.* Русские заимствования в татарском языке. Изд-во Казанск. ун-та, 1968, с. 14.

[2] Русский перевод цитируется по монографии М. М. Маковского «Теория лексической аттракции». М., 1971, с. 125.

[3] *Добродомов И. Г.* Слова-путешественники. — «Русская речь», № 1, 1967; *его же.* Бродячие слова. — «Русская речь», № 1, 1971; *Маслова-Лашанская С. С.* Лексикология шведского языка. Изд-во Ленинградск. ун-та, 1973, с. 97.

Некоторые исследователи, разработавшие целую шкалу «восприимчивости» различных языков к заимствованиям, к последним не относят слова, попавшие в язык из близкородственных языков. Что касается чувашского языка, то серьезные опасения вызывают многие так называемые татаризмы. Так, например, относительно слова *калай* «жесть» высказывались различные мнения. Н. А. Андреев считает его татарским заимствованием, в то время как это слово со значением «олово» встречается во многих языках и вне тюркской семьи языков. Слова *ялав* «знамя, флаг», *янах* «челюсть», *ясмак* «чечевица» и другие, относимые В. Г. Егоровым к татаризмам, встречаются в ряде языков тюркской группы с начальным *й*; ср.: башк. *янак,* тур. *янак,* аз. *янак;* уйг. *йесмук, йесимук,* узб. *есмик,* ног. *ясмок*; от глагола *яс* «делать плоским». В приведенных примерах слово *янах* можно считать не только татарским заимствованием, но и башкирским, турецким, азербайджанским, а *ясмак* — уйгурским, узбекским, ногайским. Тем самым, рассмотрение этого явления в таком плане приводит к довольно неопределенному пониманию термина «заимствование», ибо вся лексика любого языка окажется в конечном итоге заимствованной. Другое дело, когда заимствование из соседнего контактирующего языка понимается как внутреннее заимствование при условии, если этот язык относится к неродственным. Но в данном случае слово «внутреннее» не будет соответствовать истине. Вслед за М. М. Маковским, такие заимствования мы называем **регионализмами,** которые распространены в различных неродственных языках, принадлежащих к определенному территориальному ареалу. Таковы, например, заимствования в языках, находящихся в Волго-Вятском регионе. Мы имеем в виду чувашские, татарские и башкирские заимствования в марийском, удмуртском и мордовском языках и наоборот. Возьмем чувашское слово *сурла* «серп». По мнению некоторых языковедов, это слово в других тюркских языках лексических и этимологических соответствий не имеет, но эти соответствия якобы имеются в ряде финно-угорских языков, например: удм. *сӧрло,* коми *чарла,* венг. *sarló* и чув. *çурла* имеют общий корень **чар-(чер-)* «резать». От этого же корня русское *серп*. Ностратический характер корня (см. Иллич-Свитыч I, 209), тем не менее, не мешает считать слово *çурла* регионализмом, поскольку слово *çурла* со словообразователь-элементом *-ла* не характерно для языков, распространенных в других ареалах. В свою очередь, тюркское *урак* считается региональным заимствованием в русском языке, ср.: *урак* «короткая серпообразная коса, которой срезают камыш». Если же считать, что тюркское *урак (ораг)* < **čarlak* > чув. *çурла*, то регион распространения расширяется, охватывая почти

всю территорию заселения тюркоязычных народов. В таком случае, генетически тесно связанные, эти слова в неродственных языках характеризуются различным звучанием, семантикой и графикой: чем меньше ареал распространения регионализма, тем меньше он подвергается адаптации. Например, возьмем чувашское слово *паши* «лось», «олень», тат. *поши*, *пышый*, башк. *мышы*. В других тюркских языках этого слова с аналогичным значением не находим, но оно есть в ряде финно-угорских языков: мар. *пучы, пӱчӧ*, удм. *пужей*, манс. *паши* «олень», коми *пэж* «молодой олень». В данном случае *паши* для тюркских языков волжского ареала считается регионализмом, т. е. региональным заимствованием. Впервые это слово в форме *пыжъ* зафиксировано в древнерусском языке с 1532 года. Принимая во внимание финно-угорскую этимологию этого слова, *пыж(ик)* в русском языке также нужно считать региональным, поскольку в других славянских языках такое слово с аналогичным значением отсутствует.

В число регионализмов мы включаем и так называемые **этнографизмы**, т. е. термины материальной и духовной культуры того или другого народа. Например, в чувашском языке слово *шупар* «летний женский кафтан из белого полотна» является региональным этнографизмом, поскольку чувашами оно заимствовано из финно-угорских языков и это слово в других тюркских языках отсутствует: ср. манси *шуп* «рубаха», хант. *шобур*, мар. *шовыр, шавыр* «поддевка из холста» (ЭСЧЯ, 339), удм. *шавырток* (от глагола *шовыртыны* «укрывание (одеялом, покрывалом)», коми *шавур* «глухая одежда типа рубашки из холста», фин. *sopa* (Лук. 43; Фед. II, 210). Слово *шӳлкеме* «женское украшение», заимствованное чувашами у марийцев, также считается региональным заимствованием, т. е. этнографизмом, ср. мар. *шолкама* «женское украшение», *шыркама* (*шаркамӑ*) «название старинного нагрудного украшения марийских женщин». Марийское слово финно-угорского происхождения: фин. *solki*, морд. *сюлгам* «брошка», хант. *сул* «пуговица» (Лук. 45).

Иногда регионализмы, заимствованные у соседних народов, имеют очень небольшое территориальное распространение, они как бы замыкаются в пределах одного диалекта. К примеру, марийские заимствования в чувашском языке *пӑйӑлма* «шмель», *тёнке* «овод», *янкар* «гнилое дерево» встречаются лишь в некоторых говорах верхового диалекта чувашей. Эти слова неизвестны в низовом диалекте чувашского языка, также они не стали достоянием литературного языка.

Особый интерес представляют факты адаптации слов, распространенные во многих языках различных семей. В данном случае мы имеем в виду интернационализмы. **Интернационализмами** принято называть слова (или выражения), принад-

лежащие к общеэтимологическому фонду ряда языков, близких по происхождению, или сходных по своему историческому развитию.

По сути дела, многие интернационализмы вначале имеют региональное происхождение, поскольку регионализмы, характерные сначала для определенного ареала, могут распространяться в других семьях языков, принадлежащих к иным ареалам. Чем больше ареал распространения интернационализмов, тем больше мы сталкиваемся с фактами адаптации. При этом неизбежны такие явления, как субституция и эллипс некоторых фонем (как гласных, так и согласных), появление эпентетических и протетических гласных между согласными фонемами, апокопа и синкопа и др.

Возьмем, например, слово *абрикос*. Без сомнения, в чувашский язык оно попало через русский язык, а в русском оно считается голландским или немецким заимствованием. Последнее восходит к араб. *al-birqûq*, в арабский оно попало из греческого, в греческий оно вошло из латинского со значением «скороспелый» (Преоб. 2).

Среди интернационализмов следует различать две группы: а) абсолютные интернционализмы, язык-источник которых известен и в силу этого легко проследить «пути заимствования» странствующих слов; б) завуалированные интернационализмы, язык-источник которых не известен или спорен и в силу этого существует много гипотез о происхождении этих слов и о миграции их. К абсолютным интернационализмам относятся общеизвестные заимствовния из мертвых классических языков (латинского), из арабского, санскрита, английского и русского, имевших и имеющих сейчас высокий культурно-исторический престиж. К абсолютным же интернационализмам нужно отнести также слова, заимствованные у народов, не имеющих высокого культурно-исторического престижа. Часто к ним относят названия каких-нибудь местных продуктов или растений, животных, первоначально экзотических. Например, из языков американских индейцев в «мировые», а через них и в другие языки попали слова *томат, шоколад, какао, пума, ягуар, лама* и др.

К завуалированным интернационализмам мы сможем отнести такие слова, как *хамла, урпа, супань, кантар* и т. д. Наличие слова *хамла* зафиксировано в 5 больших языковых семьях: в тюркских, финно-угорских, славянских, германских и романских языках. Столь необычное широкое распространение этого слова, конечно же, заставляло задуматься над тем, кто у кого его заимствовал? Заимствование ли оно вообще?

М. Рясянен, подробно разбирая этимологию слова *хамла*, указал пути распространения названия *хмеля* в разных язы-

ках Европы[4]. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера указано распространение этого слова на Западе и на Востоке. Особый интерес представляет наличие этого слова в древнеисландском в виде *humli*, *humla*, *humall* (Фасм. IV, 249). Как мы знаем, лексический фонд исландского языка оказался непроницаемым для многих заимствований. Это и послужило, видимо, мотивом отделения германских слов от тюркских. Нам кажется, что возведение этого слова к глаголу *hummeln* «шарить, ощупывать» — результат поверхностных исследований этимологии слова *хамла* «хмель». Возникает вопрос: не дают ли эти странные совпадения важнейшую информацию о предыстории данных языковых семей. При такой трактовке вопроса, заимствованный характер разбираемого слова во многих языках утрачивает свою силу. Но пока дискуссия продолжается. По последним изысканиям Ф. П. Филина, первоначальная область произрастания хмеля и использование его для напитков была на Северном Кавказе, где с этим растением познакомились тюркские племена, в частности, болгары. Волго-булгарское *хумлаг* (чув. *хамла*) оказалось источником не только славянского *хмель*, но проникло и в финно-угорские и германские языки, попало в греческий и латинский»[5]. Этой мысли придерживается и В. Г. Егоров.

Э. Кун и Е. Бернекер, вслед за Р. Кобертом утверждали, что хмель для пивоварения впервые использовали восточные финны и татарские племена и лишь с началом переселения народов его стали использовать на Западе (Фасм. IV, 249).

Мнение Г. Е. Корнилова в какой-то степени перекликается с мнением Ф. П. Филина. Но он считает корень **гм*, **хам*, *гам* ностратическим, а «ностратический характер корня» совершенно не исключает северокавказское или кавказское происхождение названия хмеля, которое тюрко-булгарские племена в силу своих многочисленных миграций действительно могли распространить по всей Европе и Азии[6]. Считая слова *хамла, хамал, хамаш* однокоренными, Г. Е. Корнилов в основе этих слов видит формант со значением «сохнуть».

М. Рясянен считает, что *хамла* образовано от *хум* || *хам* «волна» + афф. *-ла*. По мнению Г. Клосона, слово *хамла* «хмель» восходит к германскому архетипу (Clauson, 628).

Если следовать концепции Г. Е. Корнилова, то в однокоренных словах *хамал, хамаш, хамла* предпочтительнее выде-

---

[4] См. ст. М. Рясянена в журн. «Finnisch-ugrische Forschungen», t. 29. Helsinki, 1946, S. 191.

[5] *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М., 1962, с. 171.

[6] *Корнилов Г. Е.* К определению объема и характера булгаро-чувашско-картвельских лексических параллелей.—«Чувашский язык, литература и фольклор», в. 1. Чебоксары, 1972, с. 84.

лить корень *гум со значением «полый стебель», «стебель». Такое значение сохранилось сейчас в пермских языках, в частности, в коми (КЭСК, 82).

В действительности, освоение слов в языке — диахроническая проблема, т. е. заимствование слов связано с этимологическими и историческими аспектами. Что касается слова *хамла*, то мы удовлетворительной этимологии пока не имеем. Это значит, что точная миграция данного слова также остается под вопросом.

То же самое можно сказать о слове *урпа* «ячмень». В тюркских языках оно имеет следующие фонетические варианты: *арба, арпа, арбай;* в монгольских: *арбай, арвай* «рожь», «ячмень»; ср. также, ирландск. *arbha,* лат. *robus*, санскр. *arbha* «злак» (Шрадер, 26).

В «Историко-этимологическом словаре венгерского языка» сказано, что этот тюркский фитоним является, видимо, иранским по своему происхождению, и отмечается, что оно в монгольский попало из тюркских языков. В венгерском языке этот фитоним впервые появился в 950 году, а вошел в обиход лишь в 1395 году. Г. Дерфер пути распространения слова *урпа* «ячмень» представил в следующем виде: тюрк. → монг.; монг. → тув.; мо. → ма; ма. → сал.; тюрк. → самодийские, тюрк. → южно-кетские, тюрк. → кавказские, тюрк. → балканские. Но он не считает данное слово иранским по происхождению (Doerfer, II, 24). Если допустить, что родиной ячменя является Малая Азия, где он стал культурным растением несколько позже пшеницы, которая существовала уже в эпоху неолита, то схема миграции слова *урпа*, составленная Г. Дерфером, представляется правдоподобной.

Г. Е. Корнилов, приводя афганскую параллель *оорбууше* «ячмень» (которую Л. Г. Герценберг выводит из индоиранского корня *пуш, обнаруживаемого в древнеиндийском *пусъйати* «процветать»), затрудняется объяснить препозитивный корень *оор-* (Корн. 36).

Супань «мыло», широко распространенное слово на Западе и Востоке, считается германского происхождения; ср.: англ. *soap*, англос. *sa:pe*, нем. *Seife*. Далее оно вошло в лат. *sapo, saponis,* итал. *sapone*, фр. *savon*, ст. слав. *сапунъ,* венг. *szappan*. В восточные языки оно могло войти через латинский, а также не исключена возможность прямого заимствования из германских языков (хотя при этом трудно объяснить появление конечного *-н*): араб., перс. *sabūn*; из арабского слово попало в тюркские и монгольские языки: *сабун, сапун*; ст.-письм. монг. *сабунг,* монг. *саванг;* из тюркских в финно-угорские: морд. *сапэн, сапун,* манси *сапэн* и др. В кавказские языки оно вошло из арабского или персидского. По мнению В. И. Абаева, в осетинский слово могло вой-

ти из тюркских языков. Удовлетворительной этимологии слова *супань* нет, поэтому, учитывая его широту распространения, мы относим к завуалированным интернационализмам.

Весьма интересна история слова *кантар* «конопля», этимология которого также завуалирована. Слово признано странствующим термином восточного происхождения. В. И. Абаев допускает (вслед за Геродотом и Гесихией), что конопля—скифское растение, что в скифском существовала форма **кона*. Эта же основа существует в осетинском *ган, гана*, в персидском *кана, канаб*, в согдийском *кыны*, в сванском *кан*, в марийском *кене, кыне*, в мордовском *кансть*. Отсюда тюркское *кендир* (чув. *кантăр*), состоящее из *кен+дир, кан + тар* «жесткий, грубый», т. е. *кантăр* «жесткое, грубое растение, бурьян» (Абаев. I, 513). Слово *кендир* было заимствовано в русский язык из тюркских языков. Нужно указать, что оно русским языком заимствовано дважды: первый раз из латинского: *canapis* (Фасм. II, 312), второй раз из тюркских языков *кендир*.

Г. С. Кнабе, анализируя финно-угорские и балтийские формы этого слова, указывает, что они были заимствованы из третьего, неизвестного языка[7].

М. Рясянен усматривает источник всех этих слов в шумерском *кунибу* «конопля» и предполагает для казахского, туркменского *кенап* иранское посредство.

В. И. Лыткин, вслед за М. Рясяненом, восстанавливая общепермскую форму **кэн* «конопля», пишет, что «возможно, название конопли восходит к месопотамским языкам, ср. сумерийск. *кунибу*» (КЭСК, 141).

Таким образом, конопля оказывается опять-таки словом «неизвестного происхождения» (Фасм. II, 312).

Особый интерес представляет «странствование» слова *улма* «яблоко». Данное наименование в чувашских диалектах варьируется за счет изменений в основном начального гласного и за счет метатезы срединных согласных: *омма, умма, омла, олма* «яблоко». Данный фитоним встречается в составе сложных наименований со значением «яблоко»: *палми (пан + улми;* ср. также в чувашских диалектах *пан* «яблоко»), *пакулми, палулми, пах улми*. Кроме того, в Красночетайском говоре (д. Хозанкино) слово *улмуççи* «яблоня» имеет второе значение «яблоко», т. е. значение перенесено с дерева на плод. Перенесение противоположного порядка на тюркской почве можно наблюдать в турецком, карачаево-балкарском и кумыкском языках, где *алма* помимо общераспространенного значения «яблоко» имеет второе значение «яблоня», перенесенное с плода на дерево.

---

[7] См. его ст. в журн. «Вопросы языкознания», № 1, 1962, с. 67.

В чувашском языке *улма* выступает также со значением «картофель» (по сходству формы?), которое тоже имеет фонетические варианты: *омла, умма, омма, ума* (Серг. 132). Интересны также спектры аллоформ слова *улма*, зафиксированные в памятниках письменности XVIII века в виде: *олмаг, омаг, олмах*. Фиксация в вышеназванных словах ауслаутного *-г(х)* в памятниках письменности представляет загадку.

В тюркских языках данный фитоним варьируется за счет изменения анлаутного гласного: *а≈е≈о≈у*: в большинстве тюркских языков — *алма*, тур. *элма*, узб. *олма*, чув. *улма*. В древнетюркских памятниках письменности слово зафиксировано в следующих вариантах: *алма, алима, алмыла*.

Указанные тюркские (соответственно и монгольские: бур. *альма, алима*, калм. *альмн, алима* «яблоко») (Номин. 291—292) лексемы большинство исследователей производят от санскритского *алма, амла* «кислый», «уксус», «лимон» (Мункачи, KSz. VI, 376—379).

В. Г. Егоров предполагает, что название это первоначально относилось к дикому, лесному яблоку.

Наиболее старой считается форма *алмыла*, зафиксированная в словаре М. Кашгарского (ЭСТЯ, I, 138), хотя хронологически одновременно с ней зафиксирован вариант *алма*.

Таким образом, Б. Мункачи в тюркском *алма* видел индоевропейское заимствование. Основываясь на данных Б. Мункачи, Томашек тюркское слово сопоставлял с финскими *омена*, морд. *умар, мар*.

Подробный этимологический разбор слова *улма* (*алма*) мы находим в работе А. Йоки под названием «Странствующее слово «яблоко». (Sto, XXVIII, № 12. Helsinki, 1964, с. 18—19). Он утверждает, что праформой *алма* является **амилан* (<**амало* + *-н*), представляющее собой общекультурное слово, которое возникло в районах Гиндукуша — Таджикистана, которое позднее было заимствовано монголами, тюрками, славянами и т. д. Тюркскую праформу А. Йоки восстанавливает особо: **амилан* || *амалан* > *алиман* || **аламан* > **алима*.

К этой же основе Л. В. Дмитриева склонна отнести название лимона, попавшее довольно поздно в ряд тюркских языков из русского (в турецкий из итальянского или греческого) (ИЭАЯ, 162). Ранее было высказано прдеположение М. Рясяненом о том, что тур. *limun*, тат. *лимун*, аз. диал. *лӓмун* «лимон» является заимствованием из древнеиндейских языков через посредство арабского и иранских языков (Räs., 317).

Приведенные выше параллели, обозначающие лимон и яблоко: *алма* (чув. *улма*) < **алиман* > *лимун* > *лимон*, возможно, представляют собой не просто индоевропейское заимствование, а являются общими для ряда языков обозначениями

общекультурного слова. Если это так, то в одном ряду с ними можно рассматривать и японское *умё* «слива», которое, по мнению Н. А. Сыромятникова, «воспринималось как родственный корень по отношению к *ума* «вкусный» (Корн. 25—26), и тунгусо-маньчжурское *алим*, возводимое к монг. *алим*, п.-монг. *алим* и др.-тюрк. *алымла, алма, алмыла* (ТМС, I, 33), *атмула* «название древесного плода», сопоставленное с китайским *аньмоло* «название плода» и санскритским *амра* (ТМС, I, 59), и латинское *малум, малус* и *помум*, из которых первое осмыслялось как «плод вообще», а второе (*помум*) обладает значением «яблоко» (Мусаев, 208), и финно-угорские: удм. *улмо, умо*, коми *улме*, венг. *alma*, фин. *alma, omena* считавшиеся заимствованными из тюркских языков и марийское *алма* < тат. *алма* (Горд. ЭСМЯ I, 89).

К числу слов, происхождение которых не установлено с достоверностью, относится и чувашское *карта* «изгородь», «ограда», «скотный двор», «хлев», «огород», «круг».

По данным М. Фасмера, чувашское слово стало источником русского (обл.) *карда* «задний двор, загон для скота», который отличается от чувашского местом ударения (Фасм. II, 196). Но в русских говорах встречаются варианты *калдас, калдус* (р~л?) с отмеченными выше значениями. Форма на *-ас, -ус*, видимо, получены через посредство мордовского (эрзя) *калдас, кардас*, последнее, возможно, восходит к чув. *карташ* «двор, огород», но при такой интерпретации необъясненными остаются литовские *гардас* «ограда», готское *гардс* «дом» (Корн. 92).

Как показывают этимологические исследования ряда авторов, слово это очень сильно распространено в финно-угорских и кавказских языках (ЭСЧЯ, 91; Абаев, I, 587). Ср. финно-угорские параллели: ханты *карта, карда*, манси *карда* «двор», венг. *kert* «огражденное место», «сад», коми *карта* «загон для скота», «двор», морд. (мокша) *карда*, эрзя *кардо* «хлев», морд. *кардас, калдас* «двор». Параллели из кавказских языков: чеч. *керт*, инг. *кэрт* «изгородь, забор», груз. *карта, калта* «огороженное место для скота», мегр. *карта* «тж» (Абаев, I, 587). В. И. Абаев высказывается против тезиса о том, что данное слово заимствовано финно-уграми и осетинами у иранцев, ср.: перс. *-гирд*, пехл. *-карт*, арм. *-к'ерт* выступают в качестве второго компонента сложного слова в названиях местностей. Все они возводятся к др.-иранскому **крта-* «сделанный», «построенный».

По мнению В. Г. Егорова, как финно-угорские, так и кавказские языки заимствовали рассматриваемое нами слово из древнебулгарского языка. На Северном Кавказе булгары входили в соприкосновение с аланами, которые легко могли воспринять от них это слово и передать своим потомкам —

осетинами, а от них оно могло перейти к другим кавказским народам (ЭСЧЯ, 91).

Учитывая фонетическое и семантическое своеобразие венг. *kert* «сад», О. Н. Трубачев выдвигает предположение о заимствовании венг. *kert* из тохарского *kert-*. Для оправдания своей гипотезы автор приводит засвидетельствованное в тохарском языке *kercīye* «дворец» и указывает, что тохарское слово родственно слав. **gord*, герм. **gard-* (ср. нем. *Garten*, англ. *garden* «сад»), лат. *hortus* «сад»[8].

По сравнению с финно-угорскими и кавказскими языками в тюркских языках слово *карта* получило небольшое распространение, ср.: тат. *киртэ*, башк. *кэртэ* «изгородь», «ограда», в башк. также «хлев», аз. *кирдэ* «круглый» (ЭСЧЯ, 91).

М. Рясянен чув. *карта* рассматривал в одном ряду с ойр., куманд. *кайырчак* «ящик, ларь, сундук», тел. *кайрчак* (Ras. 222).

Такое сопоставление вызывает сомнение, поскольку в чувашском языке всем этим параллелям соответствует лексема *арча* «ящик, сундук, шкатулка».

Мы разделяем мнение В. Г. Егорова, что в чувашском языке слово *карта* образовано от глагола *кар* «загораживать» с помощью аффикса *-та*, по образцу *çур* «светить» + *-та* > *çурта* «свеча» (ЭСЧЯ, 91). Но при этом мы должны подчеркнуть тот факт, что *кар*, по данным Иллич-Свитыча, восходит к ностратическому **kar-* (**ker-*) «связывать, натягивать, загораживать» (Иллич-Св. I, 321—323).

Что касается второго форманта *-та*, то он характерен для чувашского языка. Посредством этого аффикса от именных и глагольных основ образованы имена существительные обозначающие орудия действия, а также результата действия: *кѐвенте* «коромысло», «толчея для белья», *урата* «стойка», *ырата* «крайний брус у нар» и т. д. К этому ряду слов примыкает и слово *карта* с широким кругом значений: «изгородь (вообще, независимо от назначения формы, размеров и исходного материала); загородка, прясло; загон, надворная постройка, хлев, скотный двор; огород; ряд снопов, сложенных крест-накрест для сушки; любое нагромождение предметов; загон (западня, ловушка) для птиц и зверей; круг; ореол вокруг небесных светил; стая (вереница птиц)»и т. д.

С исторической и этимологической точек зрения, формант *-та* (в словах *кар-та*, *çур-та*) кажется бинарным соединением: *-т* + *-а*, где *т(д)*—древнейший тюрко-монгольский аффикс со значением длительности, протяженности (Рамст. 147),

---

[8] *Трубачёв О. Н.* О возможности венгерско-тохарских связей. — «Этимология». М., 1963, с. 191—192.

а — аффикс деепричастия, представляющий собой отглагольное имя (Рамст. 108; Левит. 101—102).

Основываясь на таком этимологическом разборе, вслед за В. Г. Егоровым уверенно можно было бы говорить о том, что финно-угорские, кавказские и германские языки заимствовали слово *карта* из тюркских языков (возможно, и из древнебулгарского). Однако, ностратический характер корня слова *карта* в виде *кар-/кер-* заставляет поразмыслить над проблемой прямолинейного заимствования тюркской исходной формы в другие языки.

По вопросу о причинах заимствования слов высказаны самые различные мнения. В основном, все они сводятся к тому, что потребность языка в неологизмах приводит к заимствованиям, а заимствованные неологизмы в большинстве случаев отражают культурные и социальные отношения между народами. В этом отношении уместно будет здесь привести слова акад. Б. Я. Владимирцова: «Вопросы взаимных языковых отношений, заимствований одного языка из другого интересны не только с одной лингвистической точки зрения. Они любопытны во многих отношениях: слова заимствуются народами друг у друга всегда вместе с идеями или материальными предметами, которые они обозначают; изучая заимствования, мы изучаем передвижение идей и вещей»[9].

Прекрасной иллюстрацией высказывания Б. Я. Владимирцова служит миграция слова *товар*. Общеизвестно, что слова обычно заимствуются только с одним значением, которое необходимо в данный исторический момент. Но при длительном контактировании языков слова могут проникать в соседний язык в нескольких своих значениях.

В русском (шире в славянских) языке слово *товар* считается тюркским заимствованием, ср.: укр. *товар* «товар», «рогатый скот», болг. *товар* «груз», сербохорв. *то́вар,* словен. *то́вор*, род. п. *тово́ра* «навьюченный груз», чеш., слвц. *товар* «товар», польск. *то́вар* (Фасм. III, 67). А в древнерусском слове *товаръ* мы обнаруживаем следующие значения: «товар, имущество, добро» — с одной стороны, а с другой — «воинский стан, лагерь, обоз, заграждение из повозок». Все эти значения зафиксированы и у тюркского *тавар* (*табор*). Но мы знаем, что одним из первичных и распространенных значений слова *товар* в тюркских языках является «скот, домашнее животное, вьючное животное», ср. тур. *давар* «скот, домашнее животное, преимущественно овца», чагат. *тавар* «тж», ккалп. *тувар* «молодняк скота», караим. *тувар* «скотина, животное», тат. *тувар* «скот, животное домашнее, вьючное», кирг. *тувар*

---

[9] *Владимирцов Б. Я.* Mongolica I. — «Зап. коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН», т. I. Л., 1925, с. 309.

«зрелая самка животного», якут. *таба* «олень северный, домашний». По мнению Н. М. Елкиной, указанные здесь формы, обозначающие скот, являются производными от **toγ-*, **tuγ-* «родить, родиться», «встать»[10].

В аналогичном значении слово *товар* встречается в русских диалектах и других славянских языках: русск. (воронеж., курск., орловск.) *товар* «гурт рогатого скота», укр. *товар* «скот, особенно рогатый», *товарята* «телята», серб. *товар* «осел», болг. *товар* «скот». Если учесть то положение, что семантическое развитие слова *тавар* в тюркских языках шло «животное > скот > имущество, добро», то, нужно полагать, значение «скот» было заимствовано русскими раньше, чем значение «добро».

С XIII в. слово *товар* в русском языке начинает употребляться в более широком значении: как средство торгового оборота. Это значение связано с тем, что у тюрок скотоводов-кочевников скот являлся главным имуществом, богатством и вместе с тем он составлял основной предмет торговли.

Все это говорит о том, что слово *товар*, *тавар* заимствовалось славянами у тюрок-кочевников в течение длительного времени. При этом, естественно, встает вопрос: из какого именно тюркского языка были заимствованы эти значения? Дать однозначный ответ очень затруднительно, хотя попытки такого порядка были. У М. Фасмера отмечено, что оно заимствовано из уйгурского: *тавар* «имущество, скот» (Фасм. III, 67). Н. К. Дмитриев выдвинул гипотезу, что *товар* происходит от чувашского *тавар*. Сомнения по этому поводу высказал В. Г. Егоров, который, в свою очередь, чув. *тавар* считает русским заимствованием (ЭСЧЯ, 227). Огниенко относит *товар* к древнейшим тюркизмам и ссылается на Мелиоранского, который считал *товар* древнейшим заимствованием из турецкого еще в домонгольский период (СТРЯ, 322).

В. Даль пытался сопоставить *товар* со скандинавским *de Waare*. Он пишет: «*Товар* купеческий могло бы быть скандинавск. или ганзейск. *die* (*de*) *Waare; товар* «стан, обоз» не может быть искаженное *табор*... а *товар* «скот» может быть турецкое *давар*» (Даль IV, 409). С этимологической точки зрения, естественно, сканд. *die* (*de*) *Waare*, нем. *die Ware*, англ. *ware*(*s*) «товар, имущество», *ware* «изделия для продажи» представляют определенный интерес. Не являются ли они усеченной формой слова *товар*, *тавар* (первая часть подверглась, видимо, гаплологии под влиянием артикля: *die* (*de*) *Towaare, Toware* > (*die*) *de Waare, ware*).

---

[10] *Елкина Н. М.* К этимологии слова *товар* — «Этимологические исследования по русскому языку», вып. II. Изд-во Моск. ун-та, 1962, с. 120.

В западные языки слово проникло, видимо, через славянское посредство.

Н. К. Дмитриев отмечает наличие слова *даббар* «мелкий скот» в арабском языке. В арабском оно может быть турецким заимствованием, ср.: тур. *давар* «скот».

Рассмотрение лексического материала различных языков вскрывает иногда весьма интересное явление: параллельные языковые заимствования иногда бывают распространены в различных неродственных языках, порою весьма отдаленных. Эти слова можно назвать **иррегионализмами.** Например, возьмем чувашское слово *çын* «человек», восходящее к китайскому (предположительно) *жень, йинь* «человек». В некоторых тюркских языках имеются лишь частично напоминающее его слова: *жан, джан,* «душа», а в большинстве случаев мы имеем *одам* и *киши* «человек».

Иррегионализмами являются арабские слова *вакту* «время», *китаб* «книга» в индонезийском. Каким образом они попали из арабского в индонезийский? Являются ли они прямыми заимствованиями или же между ними есть языки-посредники? Как бы то ни было, налицо одно — все они являются словами странствующими.

Итак, в области странствующих слов много неясного: процессы миграции слов не освещены теоретически, лингвистическая природа заимствований и методы установления заимствованного или исконного характера слов в том или ином языке изучены слабо. Исследования не только на синхронном срезе существования языка, но и в диахроническом плане, «дальнейшее накопление неизвестных ранее языковых фактов и структурное рассмотрение их — все это, несомненно, не только даст возможность вскрыть новые условия, возможности и результаты заимствования, но и будет способствовать более глубокому осмыслению тех «скрытых» языковых процессов, которые лежат в основе механизма этого явления и до сих пор остаются неразгаданными»[11].

Сокращения

Горд. ЭСМЯ I — Ф. И. Гордеев. Этимологический словарь марийского языка, т. I. А-Б. Йошкар-Ола, 1979.

Иллич-Св. I — В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь, Ь-К. М., 1971.

ИЭАЯ — Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979.

Корн. — Г. Е. Корнилов. Евразийские лексические параллели, ч. I. Чебоксары, 1973.

---

[11] *Маковский М. М.* Указ. раб., с. 137—138.

Левит. — Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976.
Лук. — Г. В. Лукоянов. Марийские заимствования в чувашском языке. Чебоксары, 1974.
Мусаев — К. М. Мусаев. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. (Западнокыпчакская группа). М., 1975.
Номин. — Номинханов Ц.-Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М., 1965.
СТРЯ — Е. Н. Шилова. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
Шрадер — О. Шрадер Сравнительное языковедение и первобытная история. СПб., 1886.
Räs. TLT — Räsänen M. Die Tschuwaschischen Lehnwörter im Tscheremissischen. — MSFOu, XLVIII, Helsinki, 1920.

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ
атындағы
ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

И. Т. СЕРГЕЕВ
(Чебоксары)

РУССКИЕ ОБЛАСТНЫЕ СЛОВА В ЛЕКСИКЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ДИАЛЕКТОВ

(Сельскохозяйственная лексика)

Многовековое соседство чувашского и русского народов и постоянные культурно-экономические связи между ними оставили заметный след в лексическом составе чувашского языка и его местных говоров в виде значительного числа заимствованных русских слов. Процесс усвоения последних в разных говорах чувашского языка проявляется неодинаково: население сопредельных территорий поддерживало более тесный контакт с русскими и, естественно, испытывало с их стороны большее языковое влияние, чем носители других, более отдаленных диалектов. Об этом свидетельствуют и лексикографические пометы при русских заимствованиях с указанием территории их распространения, приведенные в семнадцатитомном «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина. Определенная часть таких заимствований с течением времени из пограничных говоров переходила в другие, вследствие чего многие русизмы становились общеупотребительными, получив права литературных слов современного чувашского языка. Другая же часть диалектных заимствований продолжала оставаться в составе лексики заимствовавшего говора чувашского языка, ибо в общенародном языке им противостояли исконно чувашские слова-эквиваленты.

Русские диалектизмы, усвоенные чувашским языком и его местными говорами, целесообразно рассматривать, на наш взгляд, в рамках определенных предметно-тематических групп, объединяющих слова на основе общности их родового значения. Следовательно, такая классификация слов будет связана в первую очередь с их номинативной природой, с принадлежностью анализируемых лексических единиц к той или иной семантической области. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть первую и довольно многочисленную группу слов областного происхождения, имеющих профессиональный характер и связанных со старинной терминологией сельского хозяйства. Приведем некоторые из них,

пользуясь данными лексикографических источников русского и чувашского языков и личных наблюдений.

1. *Аван* употребляется обычно в двух значениях: «овин» и «молотьба». Как предполагал В. Г. Егоров, слово заимствовано устным путем из акающего говора русского языка: *овин* > *авин* > *аван*. В чувашском оно вошло в состав многочисленных устойчивых словосочетаний вплоть до названия месяца (*аван уйахĕ* «сентябрь»). Др.-русск. *овинъ* представляет собой суффиксальное образование от основы *ов-*, встречающейся в индоевропейских языках в знач. «зерно, хлеб; ячмень», с помощью суфф. *-ин* (ср. образованные посредством этого же суфф. *клин, блин, ужин* и т. п.).

2. *Рика* — «большой сарай для сушки снопов». В севернорусских говорах *рига* — «молотильный сарай с овином или крытый ток с сушилом; рига больше овина» (Даль, IV, 9). По А. Брюкнеру, *рига* из русского проникло в балтийские языки, но М. Фасмер возражает ему и считает, что слово усвоено русскими из финского языка (Фасм. III, 432). В говоры чувашского языка проникло из севернорусских говоров.

3. *Сурат* (варианты *сарак, сарат, сарап*) — «скирд, кладь снопов продолговатой формы; зарод». Н. И. Ашмарин уточнил: «продолговатая копна снопов (100—200 шт.) обычно ярового хлеба в поле».

4. *Парасна* (варианты *парусна, пурасна, прусна*) — «борозда». Н. И. Ашмарин отметил в чувашских говорах и второе значение слова: «рассадник», проиллюстрировав его примером из фольклора: «*Кантар акрам — шатмарĕ, пĕр парасна пулмарĕ*» (Ашм. X, 128). Чув. *парасна* является заимствованием из севернорусских говоров, где *борозна* выступает с тем же значением «борозда». В. И. Даль пометил его как северо-восточный диалектизм (1, 116). Слово встречается в древнерусских письменных памятниках с неполногласным сочетанием в виде *бразна* — «борозда».

5. *Парлак* — «залежь, нераспахиваемая земля». Н. И. Ашмарин зарегистрировал второе значение его — «поляна, луговина, лужайка в лесу» и устойчивое словосочетание *парлак ана* «незасеянное поле, должное быть посевом». *Навус ани Параскиц парлак ани пулса юлчĕ.* Свад. п. (Ашм. IX, 111).

Чув. *парлак* представляет собой видоизмененное севернорусское *перелог* — «поле, покинутое для перележки» (Даль III, 63). В «Опыте областного великорусского словаря» у данного диалектизма отмечено несколько иное значение: «Перепашка парового поля». Иркут. (с 155). Русск. *перелог* в чувашских говорах под воздействием закона гармонии гласных изменилось в *паралак* > *парлак*. Ср. подобные изменения в других заимствованиях: русск. *перемет* > чув. *парамат*; русск. *течета* > чув. *таната;* русск. *тереза* (*терези*) «весы» >

чув. *тараса;* русск. *сандал* «красная краска, получаемая из сандалового дерева» > чув. *сентел*; рус. *чарка* > чув. *черкке* и др.

Единичные случаи гармонического уподобления слогов по гласному встречаются и в русских говорах. Ср. *Герасим* > *Гарасим* (ласк. *Гарша,* от него фамилия *Гаршин*); *керосин* > *карасин*[1]; *нерето* ≈ *нерет* (влад.) > *нарата* (твер.); юр. чув. диал. *нерет — хаваран туна пулă тытмалли хатĕр.*

От заимствованного *парлак* на чувашской почве образовались производное *парлаклах* и фразеологизированные словосочетания профессионального характера *парлак çĕр, парлак вырттар, парлак ана* и др.

6. *Паçма* (вариант *паçам*) — «усадебное место; пазьмо»; русск. диал. «место для жилья». Даль уточнил значение казанского *пазьмо*: «усадьба, усад, место под двором, с ухожами и домом» и отметил второе значение слова «позем, позьмы, позмище, поземельный пахотный участок», указав более широкую территорию его распространения: «симб.», «пенз.», «пск.». Чувашские говоры усвоили этот диалектизм в первом (казанском) значении; ср. иллюстративный пример у Ашмарина: «*Ман паçма çине епле хоралт килсе лартан эсĕ?*» (IX, 122). Слово почему-то пропущено в «Диалектологическом словаре чувашского языка» Л. П. Сергеева.

7. *Наçум* зарегистрировано у пензенских чувашей в Бик-Мурзине в значении «тислĕк» — «навоз». Оно заимствовано из севернорусских (владимирско-поволжских) говоров, где *назем* — «навоз»: «*Начали назем возить. Без назьма хлеб худо родится*». Такое же толкование находим у Даля: «*Назем удобренье, тук, все ,чем сдабривают землю; навоз*» (II, 415).

Заметим, что в чувашских говорах на территории нашей республики более широкое распространение получило другое заимствование — *навус*, которое употребляется в разговорной речи как синоним к литературному *тислĕк*. У башкирских и оренбургских чувашей *навус* приобрело несколько иное значение: «*Кизяк тумалли тислĕк. Навус кирпĕчĕ* (Исайкино) — «кизяк» (ДСС, 43).

8. *Паккус* — «покос, ряд скошенной травы». *Пĕлтĕр çулна çарана паккусĕнчен паллатпăр* (Ашм. IX, 79). Заимствовано из владимирско-поволжских говоров, где *покос* — «сенокос». *Покос править, т. е. сено косить; покосок* — «участок некошеного луга». Попав в чувашские говоры, слово несколько видоизменило свое значение.

---

[1] Н. В. Крушевский склонен был объяснить звуковое изменение данного слова народной этимологией (*карасин* под влиянием *карась*), однако вряд ли это правильно. В. А. Богородицкий дает фонетическое толкование: по его мнению, здесь налицо явление сингармонизма (см. его «Очерки по языковедению и русскому языку». М., 1939, с. 180).

9. *Лапатка* — «лопатка для точения кос (смолянка)». *Лапатка — çавая çивёчлетмелли япала* (Ашм. VIII, 24). У Даля *лопатка* толкуется как «деревянная дощечка с рукоятью, усыпанная по смоле песком, для правки кос» (II, 267). Данный профессионализм косарей был усвоен чувашами с характерным для своего языка акцентологическим преобразованием. В современном чувашском языке словом *лапатка* называют не только смолянку, но и специальный каменный брусок для правки кос.

10. *Курпушка*—чувашское заимствование из русских говоров, представляющее собой уменьшительную форму севернорусского *горбуша* — «коса наподобие серпа, только с ручкой длиною в 1,5 аршина. Косят горбушею, размахивая в обе стороны, и хлеб и сено». Н. И. Ашмарин значение чувашского диалектизма объяснил весьма лаконично: «старинная коса» — и тут же зафиксировал характерное двусмысленное народно-разговорное толкование этого слова: *курпушка — чавашла çава* (VII, 12).

11. *Суха* — «соха, старинное орудие пахоты». На базе этого древнего заимствования позднее было создано собственно чувашское *сухапуç* с тем же значением. Однако *суха* отличается от сложного образования *сухапуç* тем, что оно употребляется не только в предметном значении, но и служит для обозначения опредмеченного действия — «пахота, вспашка», может входить в качестве компонента в различные устойчивые словосочетания и давать ряд производных: *сухаçа*, *сухала*, *ака-суха* и др.

Общеславянское *соха* имело исходное значение «ветка, сук, развилина дерева» и известно во многих языках индоевропейской семьи, причем нередко в иных, производных значениях, связанных с исходным: «кол, дубина, подпорка для ограды и др.». Чувашское *суха* в этом отношении семантически ограничено и стабилизировано.

12. *Кусиле* — по Ашмарину, «харах халхалла суха е акапуç тёренё (у верховых чуваш)», т. е. *кусиле* — «это лемех сохи особого устройства» (Ашм. VII, 19). Слово в чувашский язык пришло из севернорусских говоров, где *косуля*—«тяжелая соха или легкий плуг, с одним лемехом, с отрезом и отвалом» (Даль II, 174). В современном чувашском языке *кусиле* стало историзмом.

13. *Саступ* (вариант *састап*) в чувашских говорах выступает в двух основных значениях: «небольшая металлическая лопата, которой обычно соскребают лед со ступенек крыльца»: *Саступ-пӳртумсем, шана касакан хатёр* и «деревянная лопаточка для выкапывания картофеля». Ср. также *кёрепук* (*кёрепок*) — «железная лопата» и русск. *скребок* «старый негодный заступ, которым бабы пол скребут» (Даль IV, 208).

14. *Маттык* в говорах башкирских чувашей «ручное земледельческое орудие для разрыхления междурядий, для окучивания и пр.». Древнерусск. и общеслав. *мотыка* в устной речи русских подверглось выравниванию по ряду существительных с суфф. *-ыг(а)*. У Даля приводятся рядом оба варианта со следующим толкованием: «На рудниках, пермск. гребок, местами огородная (однобокая), кирка, тяпка» (II, 351).

15. *Кусар* «большой широкий нож для хозяйственных работ». Н. И. Ашмарин у носителей верхового говора зарегистрировал его окающий вариант — *косар(-зар)* Нюшкасы Янтик. (Ашм. VII, 19). По В. И. Далю, *косарь* — это «большой тяжелый нож, для щепления лучины, рубки костей, который нередко делается из обломка косы» (II, 172). «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1934—1940) отметил профессиональный характер данного слова, поставив при нем помету «спец.», и привел его областную форму *косырь* (I, 1481). Слово *косарь* редко, но встречается в произведениях художественной литературы. Так, в «Детстве» А. М. Горького читаем: *«Я выполол, вырубил косарем бурьян»*.

16. *Айтур* — «сноповозка, особая телега, приспособленная для перевозки снопов с поля на гумно» (Ашм. I, 33). Л. П. Сергеев в Батыревском районе зарегистрировал у данного слова несколько иное значение: *айтур — кустармасăр урапа* «телега без колес» (ДСС, 9). Им же в чувашских говорах Куйбышевской области зафиксирован фонетический вариант этого диалектизма *уйтур* в значении: *йывăç турттармалли урапа* — «телега для возки бревен и длинных досок, роспуск» (ДСС, 74).

Чув. *айтур (уйтур)* из русск. обл. *одер*, которое у В. И. Даля получило следующее толкование: «Дроги или большая телега, для возки снопов, рыдван, сноповозка», прм. орнб. тмб. (II, 650; ср. также II, 656; «местами одноколка, у которой две грядки или дроги тащатся волоком, волокушка»). Русск. обл. *одер* из ст.-слав и др.-русск. *одръ* «ложе, кровать; лавка, скамья»; ср. *одровая телега* «телега без кузова, для перевозки дров», вятск. (Фасм. III, 1214).

Что же касается вставки (*й*) в чув. *айтур*, то явление это (как, впрочем, и выкидка его) наблюдается и в других русских заимствованиях. Напр., *насейкка* (ДСС, 43) из русск. *насека* «клевач, молоток или зубило для ковки, насечки, наклева жерновов»; ср. с ними противоположн. *кéлеме* из русск. *клеймо* «печать, знак» и др. подобные.

17. *Лешинке—çуна креслисем*—«кресла у саней» (ДСС, 39). По всей вероятности, заимствовано из вятских говоров, где устойчивое словосочетание *лежанка кошевая* означает: «до-

рожные глубокие сани болховни», т. е. розвальни, которые обычно имели по бокам изогнутые кресла, крест-накрест перетянутые веревками или обшитые лубом; ср. также донск. *леженька* «телега».

18. *Хурман — çӳллĕ ӳречеллĕ урапа* — «телега с высокими грядками» (ДСС, 82). В «Чувашско-русском словаре» под редакцией М. Я. Сироткина (М., 1961) данный диалектизм приведен с двумя значениями: 1. плетенка (на дровнях); 2. большая телега (с. 150). Чув. *хурман* является заимствованием из западных диалектов русского языка, где *фурманок* — «малая фура, полуфурок; малая бричка» (Даль, IV, 539) представляет собой суффиксальное образование от *фурман* «возница, извозчик». При заимствовании начальный звук *ф* в результате субституции заменился привычным для чувашского языка *х*; ср. также *фонарь* в чувашском дало *хунар*, *Филип — Хĕлип; Феврония — Хеврунь, Филимон — Хĕлимун, Агафья — Укахье* или *Укахви* и т. д. Впрочем, в южнорусских говорах воловья телега *фура* тоже произносится *хура* (см. Даль, IV, 539).

19. *Пичев* — «пристяжка» (от русск. *бичева*) (Ашм. IX, 246). Отсюда устойчивое словосочетание *пичеври лаша* означает пристяжную лошадь, которую впрягают рядом с коренной. В некоторых чувашских говорах вместо выражения *пичеве ярса кӳл* употребляют *пĕрешкене ярса кӳл*, где *пĕрешке* (или *прешке*) — «пряжка, застежка» и «пристяжка»: *пĕрешкери лаша* то же, что *пичеври лаша*. В. И. Даль современную форму *бечева* считал неправильной и в качестве заголовочного слова к словарной статье поставил *бичева*: «Идти бичевою или на лямках. Иногда в лямки впрягаются лошади», — заметил он (Даль, I, 90). Однако русские словари XIX в., как областные, так и литературного языка, вариант *бичева* признавали нелитературным, возникшим под воздействием так называемой народной этимологии (по связи его с *бич, бить*). При сопоставлении русск. *бичева* и чув. *пичев* несколько смущает исключительно восточнославянский характер русской основы и отсутствие внутренних родственных корней.

20. *Ятак*. В чувашском языке слово появилось в результате устного заимствования русского диалектизма *едок* (вариант *едак* — с несколько иным значением; см. ниже). Многим чувашским говорам *ятак* известно в значении «член крестьянской семьи, имеющий право на получение земельного надела» (независимо от его пола)[2]: *Ятак çĕрĕсене кашни харкам хăй акма тăрăшать, лаши çуккисем тытса та пулса*

---

[2] В царской России земля распределялась только по «душам», к которым причислялись лица мужского пола, а члены семьи женского пола землю не получали.

(=*пулін*) *актараççё* (Ашм. IV, 245). По свидетельству Н. И. Ашмарина, в чувашских деревнях встречаются личное имя мужчин и прозвище *Ятак* (вероятно, давалось за чрезмерный аппетит); ср. у Даля: *едак, едака, едоха, едуга, едун* м.-*нья* ж. «кто помногу ест, у кого выть большая; прожора, обжора, объедала» (IV, 660).

Русское обл. *едок*—первоначально, это «всяк, кто садится для еды за стол; застольник, затрапезник». *На постоялых дворах берут по четвертаку с едока* (Даль, IV, 660). Но областные словари XIX в. у севернорусск. *едок* фиксируют несколько иное значение: «Употребляется в смысле членов семейства». *Едока-то у них в семье таки немало.*

Рассмотренные выше отдельные чувашские заимствования из русской областной лексики профессионального характера, относящиеся к сфере сельского хозяйства, позволяют сделать некоторые выводы.

Русские диалектизмы, оказавшись в чувашском речевом обращении, легко подвергались влиянию различных фонетических процессов, имевших место в том или ином территориальном говоре чувашского общенародного языка. Этим только можно объяснить наличие множества произносительных вариантов и территориальных дублетов русских диалектных заимствований в чувашских говорах.

Многие русские диалектизмы, попав на чувашскую почву, дали ряд производных, оформленных по словообразовательным законам заимствующего языка, или же вошли в состав чувашских устойчивых словосочетаний в качестве их компонентов. Отдельные заимствования из русской областной речи с течением времени получили права литературных слов чувашского языка.

Основная масса заимствованных русских слов областного происхождения относится к устаревшей сельскохозяйственной лексике, поэтому они в настоящее время являются историзмами.

Процесс постоянного пополнения чувашской лексики новыми сельскохозяйственными терминами в наши дни, в отличие от дореволюционного устного их заимствования через областную речь, характеризуется сохранением точного фонетического и орфографического облика новозаимствований (ср., например, *автопоилка, комбикорм, косилка, молотилка, молоковоз, парник, теплица, сенаж, соломорезка, зерносушилка, кормоцех, ферма* и т. д.).

Сокращения

Даль I—IV — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. I—IV. М., 1955.

ЛСС — Сергеев Л. П. Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1968.

М. И. СКВОРЦОВ
(Чебоксары)

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ИРАНСКОГО ФОНДА ЧУВАШСКОЙ ЛЕКСИКИ

Сложные исторические судьбы чувашского языка, отразившего многочисленные и тесные контакты своих носителей с родственными и неродственными этническими и языковыми коллективами, делают актуальными задачи специального изучения разных групп заимствований в чувашской лексике. Установленным фактом является значительная роль иранских элементов, которые вместе с арабизмами составляют существенный по объему и значимости пласт чувашского словаря как в его активном запасе, так и в периферийных лексических сферах. Они охватывают многие области жизни и деятельности носителей языка, начиная с повседневного обихода и кончая социально-политическими институтами, религиозно-мифологическими представлениями, отвлеченными понятиями. Иранские и арабские основы многочисленны не только в апеллятивной лексике, но и в чувашской ономастике.

По утвердившейся в науке традиции, вся совокупность арабских и иранских (чаще неточно называемых персидскими) элементов берется как единый предмет исследования. В этом есть определенная логика, ибо многие арабо-мусульманские термины первоначально были освоены иранскими языками и лишь через их посредство распространились в тюркских и иных сопредельных языках, в том числе и в чувашском. В исламскую эпоху лексический состав персидского языка настолько насыщается арабизмами, что начинает занимать в нем главенствующее по численности положение. Во многих тематических группах, особенно в отраслевых терминологиях, они доминируют и по номинативной значимости[1].

Однако, имея в виду конкретный аспект историко-лингвистических исследований — изучение заимствований разных

[1] По данным одного из полных словарей современного персидского языка, включающего около 160 тыс. лексических единиц, до 100 тыс. относится к арабизмам. См.: *Пейсиков Л. С.* Лексикология современного персидского языка. Изд. МГУ. М., 1975, с. 31.

эпох из иранских языков или через иранские (в частности, через персидский) языки в чувашский, нельзя признать такое недифференцированное рассмотрение арабизмов и иранизмов достаточным и научно адекватным. Такой прием применим лишь для решения задач, так сказать, первого приближения к объекту исследования с целью предварительного обзора и характеристики указанных групп заимствований.

Справедливости ради следует сказать, что дело здесь не только и не столько в недостатках методики, сколько в сложности проблемы и неизученности языкового материала.

Попытки фиксации и совокупного обозрения арабских и иранских элементов, предпринимавшиеся применительно к тюркским языкам, не дают однозначных количественных показателей, так как каждый конкретный тюркский язык располагает своим, исторически обусловленным фондом таких заимствований. Кроме того, неизбежны различия и в одном языке в зависимости от того, рассматриваются ли все пласты лексики (включая сферы традиционной книжности, где для многих языков зафиксирована огромная масса терминов мусульманской религии и культуры) или только лексика живого разговорного языка. Последняя, в свою очередь, может подразделяться на основной массив общенародных по употреблению слов и группы локальных элементов, а также вышедших из употребления архаизмов.

Чувашский язык в этом отношении находится в несколько особом положении, поскольку ислам и соответствующие его понятиям и институтам термины почти не коснулись чувашей. Таким образом, основной массы книжно-схоластических, научных обозначений, вошедших в других тюркских языках частично и в общий языковый обиход, в чувашском языке нет. Те же слова, которые были восприняты чувашами, претерпели более радикальную, глубокую семантическую и фонетическую ассимиляцию, а в ряде случаев приобрели иной, чаще сниженный функциональный статус.

При всем этом количество арабских и иранских элементов в чувашском языке достаточно велико, во всяком случае, оно значительно превосходит все приводящиеся до сих пор перечни и расчеты. Фонд арабизмов исчислен и описан более полно, см. хотя бы «Этимологический словарь чувашского языка» В. Г. Егорова (Чебоксары, 1964). Что касается иранизмов, то до сих пор фактически учитывались только те заимствования, происхождение которых подкреплялось очевидной близостью к звуковому облику и семантике этимонов, а также наличием легко идентифицируемых соответствий в других тюркских языках. Это, в основном, заимствования относительно поздние или общераспространенные, не заме-

тить которые просто трудно, ср. чувашские иранизмы типа *ăçтаха, намăс, типтер, ташман, харпар, чатар* и т. п. По-иному обстоит дело с большим количеством слов, не поддающихся этимологизации на базе тюркских языковых данных или показаний ближайших контактировавших языков, но обнаруживающих какую-то, может быть, на первый взгляд затушеванную общность с иранскими лексемами в отношении формы и семантики. Выявление таких труднораспознаваемых иранизмов только начинается. Точное определение иранского лексического вклада в чувашский язык — дело не столь близкого будущего, и зависит оно от того, насколько интенсивно и глубоко будут проводиться необходимые исследования. В настоящей статье ставятся некоторые проблемы, связанные с программой таких исследований, а именно те из них, которые представляются принципиально важными и наиболее актуальными в данное время.

Выявление реального фонда иранских элементов чувашской лексики — это первая и основная в настоящее время задача. Решение ее затрудняется как общей недостаточной изученностью диалектной и архаической, а также десемантизированной лексики, так и неразработанностью методики, отсутствием опыта. Многие старые заимствования, наиболее интересные с точки зрения этимологии, будучи воспринятыми в результате устного общения, сильно изменились, несут на себе печать приспособления к строю чувашской фонетики и словообразовательных структур. В результате вторичных паронимических ассоциаций и иных аналогических факторов они подчас включаются в лексико-семантические связи, совершенно не оправданные с точки зрения этимологической.

Одним из таких трансформирующих факторов оказывается известная особенность чувашской лексики и словообразования — широкое использование подражательных слов и парных наименований, а также редупликаций. Учет этого, на наш взгляд, открывает возможности в этимологизации некоторых «скрытых» иранизмов. Рассмотрим некоторые примеры.

Слово *чăл-пар* «вдребезги», «врассыпную» (возможно употребление в раздельной форме *чăл та пар*) производит на первый взгляд впечатление типичного парного образоподражания. Оба компонента в такой же или близкой форме находят соответствия и вне парных образований: *чăл, чăлт, чалт, пар, парр*. Семантика этих явных подражательных слов тоже не препятствует соотнесению их с *чăл-пар*. Таким образом, напрашивается квалификация этой лексемы как подражательной, что фактически равно прекращению этимологического поиска (например, в соответствии с Инструкцией по составлению «Этимологического словаря чувашского языка» под-

ражательные слова, если это не дальнейшие дериваты в грамматической форме глаголов или имен, вообще в реестр не включаются).

Однако с учетом различной консонантной основы компонентов (в парных подражаниях этого, как правило, не бывает) возможно предполагать иное происхождение слова *чăл-пар*, а именно связать его с иранскими корнями. В персидском языке *паре* означает «кусок», а *чехел*, *чел*—«сорок», следовательно, *чел паре*, к которому восходит чув. *чăл-пар*, первоначально значило «(на) сорок кусков». Естественно, такое предположение нуждается в подтверждении другими фактами. И они обнаруживаются. Прежде всего заслуживает внимания наречие *паркăн* «вдребезги, на мелкие куски», сопровождаемое характерной пометой: «у др. *чăлпар*» (Ашм. IX, 110). Это, возможно, видоизмененное *паррăн* — так выглядело бы наречие, образованное от *пара*. Слово *паркăн* дано со ссылкой на единственный пункт фиксации, возможно, в других говорах бытует и форма *паррăн*. Далее, в татарском языке находим слово *челпәрәмә* «вдребезги» (наречие с аффиксом *-мә*), почти полностью совпадающие с чувашским.

Наконец, нельзя пройти мимо чувашского парного слова *шара-пара* «мелочь», «мелюзга, малые дети». Если допустить идентичность компонента *-пара* рассмотренному иранизму (чему, кажется ,ничто не препятствует), то в первом компоненте можно усматривать частично измененный его повтор. Но дело в том, что в чувашских словах редуплицируется первый компонент, второй является как бы его отзвуком, эхом. В принципе возможна и метатеза компонентов — ввиду затемненности исходной семантики слова *пара*. Но более вероятно предположение о сложении двух знаменательных основ. В качестве этимона чув. *шара-* можно усматривать опять же иранское слово: ср. перс. *шархе* «ломтик, кусочек». Таким образом, чув. *шара-пара* можно отнести к категории парных сложений с затемненной или утраченной для языкового сознания чувашей семантикой обоих компонентов.

В результате переосмысления и случайных ассоциаций могут далеко отойти от семантики и звукового облика этимона термины религиозно-мифологической сферы, чаще всего представленные к тому же несколькими вариантами. Возьмем в качестве примера название духа *Тĕпер*, варианты *Тĕпер ыра*, *Типири* «некогда название духа (*типĕ ырри*?)», «неслух», «бранное слово» и т. д., *типирил* «негодник» (Ашм. XIV, 56). Внешняя связь с чув. *типĕ* «сухой» здесь хотя и используется для объяснения, но выглядит явно неубедительно. Можно предполагать, что чув. *типири*, *тĕпер* восходит к иранским этимонам, ср. перс. *див* «злой дух, демон» и

пари «пери, волшебница». В тюркских языках эти иранизмы встречаются и порознь, и в парных сложениях, например, в киргизском, башкирском и др.

В ряде случаев ценный материал для установления истоков неясных чувашских слов дают сильно десемантизированные и фонетически преобразованные слова детской речи и слова — обращения к животным (так называемые подзывные слова). Подражательный характер ряда детских слов является бесспорным фактом. Но в них могут таиться и ныне забытые знаменательные лексемы. Так, в финно-угорских и тюркских языках широко распространено слово *нан, нянь, нань* «хлеб», восходящее к иранскому источнику. При этом характерно отражение его в детской речи ряда языков региона, ср. морд. *няня,* мар. *няня, нӓнӓ* «хлеб, еда», *няма* «есть», русск. *нямня* «свежеиспеченный хлеб», *нямнять* «есть» и т. п. В этот ряд вписываются и чувашские слова детской речи *ненне, нене, мемме, мамма* «хлеб, еда», *няма «есть»*, ср. еще тат. дет. *меме* «хлеб». К чередованию *н-* ‖ *м-* ср. чув. диал. *неметке—мемелкке* «наметка», *наркамаш—маркамаш* «яд», *масмак — насмак* «налобная повязка» и т. п. Хотя А. Йоки склонен усматривать «лепетное» происхождение этих слов детской речи[2], нам кажется более вероятным связь их с иранизмом *нан.*

Помимо прочего, к такому мнению склоняет наличие ряда других аналогичных чувашских слов из разряда детских. Ср. *пахха, паххи* «лошадь», *пах-пах* «возглас для подзывания лошадей и жеребят». Мы считаем возможным связывать это слово с кавказско-осетинским *бэх* «лошадь», отмечаемым в форме *бах* и в вятских говорах русского языка[3]. Реликтом бытования слова *пах* в «нормальной» речи взрослых является, возможно, фольклорное *пах тьыха* «жеребенок» (Ашм. IX, 113). Чув. дет. *кантти, кантти* «сладость, сладкое» сопоставимо с известным в ряде тюркских языков *кант* «сахар, леденец», восходящим через монгольское и иранское посредство к санскритскому этимону (Räs. 231). Естественно, приходится учитывать и вероятность связи, генетической или контаминационной, с русск. *конфеты* и его чувашизированной формой *канфет,* старое *кӑнихват, кӑнахвит.*

Явление вторичного паронимического сближения можно проиллюстрировать рядом примеров. Татарские синонимы *баба* и *бабай* «дед, старик», возможно, являются гомогенными и, по мнению М. Рясянена, восходит к «лепетным» детским словам, имея соответствия в ряде тюркских и иранских

---

[2] *Joki A. J.* Uralier und Indogermanen. MSFOu 151. Helsinki, 1973. S. 292.

[3] Словарь русских народных говоров, вып. 2. Л., 1956, с. 152.

языков (Ras. 53). Чув. *папай* «дедушка», «гром», «бог» (в детской речи), с одной стороны, определенно напоминает тат. *бабай*. С другой стороны, его семантика указывает на возможную связь с иранским (скифо-сарматским) названием верховного божества *Папай* (этимологически «отец»), которое, по мнению некоторых исследователей, отражает связи этого персонажа с отцовским началом. Скифский *Папай* приравнивался к громовержцу Зевсу греческого пантеона[4].

Р. Г. Ахметьянов предполагает связь с этим иранским словом тат. диал. *алла бабай, папай* «гром», «дух умерших», «кукла», правда, без указания источника сведений и локализации этих слов[5]. Семантически чув. *папай* близок к ним, весьма возможно и их бытование в смежных говорах двух языков. К мифологическому аспекту значения данного слова ср. чув. *тӳм-тӳм папай* «название духа, живущего, по поверью, в подполье» (Ашм. XIV, 210).

Чув. *рас* «сильно, ясно, четко» прежде всего ассоциируется с *рас*, восходящим к русск. *раз*, при этом семантическое развитие не представляется необычным ввиду эмоционально-экспрессивного характера этого разговорного русизма. Однако значение слова и ряд тюркских соответствий делают убедительным возведение первого из омонимов к иранскому корню, ср. перс. *раст* «прямой», «правый», «правильный»[6].

Более трудный случай народно-этимологического переосмысления имеет место, вероятно, в чув. *макша-симёс* «зеленые бусы», «бисер» (Ашм. VIII, 304). Связывать с этнонимом *макша* «мокша-мордва» его можно было бы в случае, если установлено поступление к чувашам называемого предмета (бус характерной формы и цвета) через посредство мордвы. Однако таких исторических свидетельств нет, и приходится искать иные объяснения. Одной из допустимых гипотез может быть связь чув. *макша-* с иранским обозначением мухи, пчелы, ср. древнеиран. *макса* «муха», авест. *махши* «то же». Слово это обнаруживается в группе древних иранизмов финно-угорских языков, в том числе соседящих с чувашским, ср. мар. *мӱкш*, эрзя-морд. *мекш*, мокша-морд. *меш* «пчела»[7]. Применение одного слова для называния мухи и пчелы наблюдается и в чувашском языке, ср. диал. *шӑна* «пчела» при общеязыковом значении этого слова «муха».

---

[4] *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977, с. 44.

[5] *Ахметьянов Р. Г.* Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978. с. 144.

[6] *Scherner B.* Arabische und neupersische Lehnwörter im Tschuwaschischen. Wiesbaden, 1977, S. 100.

[7] *Joki A. J.* Uralier..., S. 281.

В таком случае чув. *макша-симёс* можно было бы рассматривать как метафорическое по образованию название: по схожести этих бус с синей мясной мухой, обладающей характерным, очень эффективным зеленоватым отблеском. Следует обратить внимание на некоторые дополнительные обстоятельства, говорящие в пользу высказанного предположения: а) муха — наиболее распространенный, вездесущий и привычный объект для сравнения с учетом быта и круга представлений предков чувашей; б) названия украшений и уборов чувашами, как правило, заимствовались вместе с самими предметами от южных и восточных народов; в) второй компонент сложения, очевидно, тоже иранское по происхождению слово, оно восходит к корню, представленному в перс. *сабз* «зеленый, свежий, цветущий». Так что не исключена возможность появления переносного значения еще на иранской языковой почве, хотя по структурно-семантическим признакам *макша-симёс* все же — типично чувашское образование.

В деле выявления потенциальных иранизмов в массе неэтимологизированных чувашских слов, не имеющих явных соответствий в соседних языках, немаловажное значение имеет учет характерной семантики и структурно-фонетических особенностей слов, хотя многие из них, как отмечалось выше, могут быть сильно трансформированы. В качестве примера можно было бы привести словообразовательные модели иранского языка с префиксами (первыми компонентами сложений) *бад-* (*бед-*) «плохой», *на-* (*не-*) «не», *бе-* «с» (соответствует чув. аффиксу *-па, -пала*), суффиксами (вторыми компонентами сложений) *-дан* со значением вместилища (отчасти соответствует чув. аффиксу *-лăх*), *-гар* в значении обладания чем-либо и т. д. Так, чув. *патпахсăр* «жадный», возможно, испытавшее контаминационное воздействие синонимичного *пахматсăр,* допускает сближение с иран. сложением *бад-бахт* «несчастный» (букв. «с плохим счастьем»). В тюркских языках это прилагательное известно довольно широко, но уже с филиацией значений, ср. тат. *бэдбэхет* «несчастный», «негодяй», каз. *бетпак* «мерзавец», «пустыня» и т. д. Наращение лишительного аффикса *-сăр* объясняется частичной энантиосемией — развитием противоположного первоначальному значению в связи с утратой словом внутренней формы на чувашской почве и эмоционально-экспрессивной нагрузкой.

На наш взгляд, оправданной явится и этимологическая экспертиза по данной модели чув. *патрах* «нечаянно», ср. перс. *бăд-рах* «сбившийся с пути» (букв. «с плохим путем»); *патруй* «неизвестное слово»; судя по характеру участия в микротопонимии, было известно как имя собственное: *Патруй ґшни* «название урочища». *Патруй кĕперри* «название моста»

(Ашм. IX, 136), ср. перс. *бад-руй* «уродливость», (букв. «дурное лицо»), откуда тат. *бадруй* «уродливый»; *патталу* «малосообразительный человек», ср. перс. *бад-тале* «злосчастный» (букв. «с плохим счастьем»); *паттамас* «неудобный» (об одежде), ср. перс. *бад-амад* «нежеланный, неприятный» или *бад мазе* «невкусный», «нелепый, безвкусный» (букв. «с плохим вкусом»).

В заключение рассматриваемой серии приведем неясное по своим связям слово *патас-патас* «плохонький». Очевидно, это типичный случай неполной редупликации. Основной, первый компонент можно этимологизировать так: иран. *бад* «плохой» и *аст* «есть, имеется» (глагол-связка).

Для полного охвата лексических групп с неясными связями, естественно, должна быть проведена большая сопоставительная работа в плане выявления и иных возможных направлений этимологизации. Но системный, разносторонний подход, учет как семантической стороны, так и характерных фонетических, структурно-словообразовательных примет слова необходим в любом случае.

Не дожидаясь полного выявления иранизмов, вернее, параллельно с этой работой приходится решать вопросы стратификации данного пласта заимствований как предпосылки к расчлененному, дифференцированному изучению различных их групп. Задачи и методика этимологизации иранских заимствований будут конкретизироваться, в частности, в зависимости от вхождения той или иной лексемы в одно из ниже указанных классификационных подразделений:

1) прямые заимствования из иранских языков—опосредованные заимствования, воспринятые через тюркские, в частности, татарский, через арабский, финно-угорские, русский языки;

2) заимствования древнейшей эпохи, менее древние и поздние; выработка критериев хронологической стратификации является одной из наиболее сложных задач, к решению которой ученые, правда, уже приступают, свидетельством чему является образцовая во многих отношениях указанная работа немецкого тюрколога Б. Шернера;

3) заимствования — апеллятивы и собственные имена иранского происхождения всевозможных типов;

4) предметно-тематическая группа, к которой принадлежит изучаемое слово; рассмотрение слов в этом аспекте предполагает тесную связь как с внеязыковым, культурно-историческим планом, так и с внутриязыковыми системными связями лексических единиц;

5) иранизмы общеязыковые и диалектные, функционально актуальные и неактуальные, периферийные; особого внимания требуют слова десемантизированные, имеющие боль-

шую коннотативную нагрузку и функционирующие в специфических сферах коммуникации (архаичные жанры фольклора, мифология, детская речь и т. п.);

6) иранизмы бесспорные и слова с неясной этимологией, которые требуют всесторонней экспертизы, вовлечения в исследовательский оборот нового лингвистического, особенно диалектного, историко-этнографического и иного необходимого материала.

Предлагаемая стратификационная схема в основных своих компонентах, очевидно, применима и к другим генетическим пластам заимствований чувашского языка, но для изучения иранизмов реализация ее имеет особое значение. В связи с первыми двумя аспектами чрезвычайно остро встает вопрос о соотношении иранских элементов с арабскими. Этимологическое исследование, если ограничиваться языковой стороной, заинтересовано в установлении как непосредственного источника заимствования, так и конечного языка, в лоне которого этимон возник; определение промежуточных звеньев находится все же на втором плане. При решении же вопросов межъязыкового взаимодействия в связи с этнокультурными связями при отсутствии древних письменных памятников на главное место может выступать именно промежуточное звено этой цепи. В данном случае такое звено для истории многих слов оказывается связанными с иранскими языками, в основном персидским. Многие арабские по происхождению слова попали к чувашам — прямо или через посредство других тюркских языков — как элементы не семитской, а уже иранской лексической системы на волнах мощного культурного влияния иранцев на своих северных соседей.

Многие арабизмы, прошедшие этап освоения в ираноязычной среде, имеют определенные структурные или семантические отличительные признаки. Например, показатель так называемой контекстуальной формы многих имен существительных *-ат* (*-ет*) свидетельствует, что данные арабские слова пришли к ним через персидский язык, ср. *меслет, рехет, рехмет, сехмет, ахрат и т. п.* Но пути заимствования многих слов, наличествующих как в арабском, так и в иранских языках, остаются пока неустановленными, и обычай во многих исследованиях является их общая квалификация как арабо-персидских.

В значительной степени это объясняется ограниченностью используемой базы источников. Нельзя считать нормальным положение, когда сближение чувашских и иранских лексем производится на основе только внешнего их сходства по синхронному (без учета исторического развития как чувашского, так и иранского слова с момента их возможной связи) состо-

янию, и на этом исследование останавливается. На деле в таком случае мы имеем не исследование, а лишь предисследовательский, подготовительный этап работы. Тем более неоправданной является тенденция делать на основе непроверенных, случайных совпадений далеко идущие выводы не только лингвистического, но и этногенетического характера[8].

В настоящее врмея имеется целый ряд фундаментальных исследований по истории иранских языков на их разных этапах и историко-этимологических словарей, обширна и литература по ирано-тюркским языковым взаимоотношениям[9]. Без использования этих материалов рассчитывать на результаты, удовлетворяющие требованиям современной лингвистики, не приходится. Излишне подчеркивать, что в связи с работой над «Этимологическим словарем чувашского языка» вопрос о полноте представленного языкового материала и охвате литературы приобретает первостепенное значение.

ТІЛ БІЛІМІ ИНСТИТУТЫ

---

[8] Прежде всего в этом плане необходимо отметить работу Н. А. Андреева «Иранско-чувашские этнокультурные и языковые параллели», опубликованную в сборнике «Чувашский язык и литература». Труды НИИ при Сов. Мин. Чуваш. АССР, вып. 59. Чебоксары, 1975. Наряду с интересными и оригинальными сопоставлениями в ней содержится много совершенно невероятных, по существу ненаучных положений.

[9] Ввиду обширности этой литературы нет возможности хотя бы в основном привести ее здесь. Отсылаю читателя к библиографическому аппарату монографии Б. Шернера и новейшей обзорной работы И. М. Оранского «Иранские языки в историческом освещении». М., 1979.

И. В. ТАРАКАНОВ
(Ижевск)

О БУЛГАРСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о булгаризмах, или так называемых чувашских заимствованиях, в удмуртском и коми языках в лингвистической и этнографической литературе ставился не раз и решался с разной полнотой и осведомленностью.

Несмотря на наличие определенной литературы вопрос о булгарских заимствованиях в удмуртском языке все еще остается нерешенным. Такое состояние дел объясняется, с одной стороны, недостаточной разработанностью рассматриваемого вопроса.

К булгаризмам мы не относим тот слой лексики, который является общим для всех урало-алтайских (финно-угорских, самодийских, тюркских и монгольских) языков, так как эти слова восходят к доисторическим временам, к периоду финно-угорской или даже уральской языковой общности и являются скорее следствием взаимодействия уральских и алтайских языков в глубокой древности.

Булгарский слой заимствованной лексики в удмуртском языке имеет свои характерные фонетические особенности. Исследователи разных эпох к ним, в частности, относят:

1. Наличие так называемого явления ротацизма, т. е. произношение *р* вместо *з* в других тюркских языках, ср.: чув. *тăхăр,* тат., башк. *тугыз* «девять». Эта особенность булгарского консонантизма в удмуртском и коми языках представлена следующими лексемами: *бултыр* «свояченица, вторая жена», ср. чув. *пултăр,* тат., башк. *балдыз* «тж»; *амсыр, ансыр* «узкий», ср. чув. *ансăр,* тат. *инсез* «тж»; *йыран,* «межа», ср. чув. *йăран,* тат. *ызан* «тж»; *эрыксыз, эрыксыр* «насильно, силой», ср. чув. *ирĕксĕр,* тат. *ирэксез* «зависимый, неохотно»; *кырси* «зять», ср. чув. *кырска* «зять, деверь, младшая золовка».

2. Чувашский *ç*, восходящий к древнетюркскому *й*, в удмуртском, коми языках передается тем же самым звуком, в марийском языке ему соответствует *с*. В татарском и башкирском языках на месте *ç* выступает *й*: удм. *сьӧлык,* мар. *сулык,* ср. чув. *çылăх,* тат. *язык* «грех».

3. Чувашский *х*, восходящий к тюркскому праязыковому *q*, в удмуртском, коми языках передается через *к* во всех положениях структуры слова: удм. *кузё*, мар. *хоза*, ср. чув. *хуҫа*, *хоса*, тат. *хужа* «хозяин, владелец».

4. В ряде булгарских заимствований в середине слова на почве пермских языков произошло упрощение сочетания согласных. удм. *губи*, коми *гоб*, ср. чув. *кӑмпа*, тат., башк. *гомбэ* «грибы».

5. В середине слова в чувашском языке произошло выпадение *л*, в других тюркских языках он сохранился: удм. *кен*, ср. чув. *кин*, тат., башк. *килен* «сноха».

6. В конце слова удмуртскому и чувашскому *м* в других тюркских языках соответствует *н*: удм. *итым*, чув. *итем*, *йӗтем* «гумно, ток», тат. *идэн* «пол», башк. *изэн* «пол».

7. Древнетюркский заднеязычный *ӈ*, употребляющийся в середине и конце слова, в южных и периферийно-южных диалектах удмуртского языка и в татарском языке сохранился, а в чувашском языке он изменился в звук *н* или *м*: удм. *аӈ*, «ширина холста, берда», ср. чув. *ан*, тат. *иӈ* «тж».

8. Чувашскому *а* в удмуртском и коми языках соответствует тот же самый звук, тогда как в кыпчакских (татарском и башкирском) вместо заднерядного *а* выступают переднерядные гласные: ср. удм. *арлан*, чув. *арлан*, тат., башк. *эрлэн* «хомяк»; удм. *кабан*, чув. *капан*, тат., башк. *кибэн* «кладь».

9. Там, где в татарском и башкирском языках стоит *а*, в удмуртском и чувашском языках в первом слоге слова стоят *у* и *о*, ср.: удм. *бусы*, чув. *пуса*, *поса*, тат. *басу* «поле»; удм. *улмо*, ср. чув. *улма*, *олма*, тат. *алма* «яблоко».

10. Если в чувашском языке наблюдается стяжение *-ыва/-ыв*, сунд. *-у*, то в удмуртском языке мы имеем *ӧ*; удм. *сӧу*, *сӧл*, чув. *сыва*, тат. *сау* «здоровый, невредимый; здоровье»..

Приведенный выше языковой материал и их звуковое своеобразие является одним из доказательств наличия булгарских заимствований в удмуртском языке. В словарном составе они образуют особый пласт слов, многие из которых находят себе соответствия и в родственных коми-зырянском и коми-пермяцком языках, в то время как тюркизмы кыпчакского типа в первом (т. е. коми-зырянском языке) уже не встречаются, а если и изредка встречаются, то в количественном отношении они весьма незначительны и заимствованы через коми-пермяцкий и удмуртский языки [1].

В исследованиях, проведенных с учетом исторической фонетики пермских языков, В. И. Лыткин, а вслед за ним вен-

---

[1] *Лыткин В. И.* О древнетюркских элементах в лексике пермских языков. — «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. IV. Ижевск, 1967, с. 139.

герские ученые К. Редеи и А. Рона-Таш, булгарские заимствования подразделяют на две группы. По их мнению, первая группа слов была заимствована в прапермскую эпоху, когда коми и удмурты еще составляли единую языковую общность, что датируется VIII—IX веками. К этой группе К. Редеи и Рона-Таш относят 19 слов, которые в семантическом отношении относятся к земледелию, скотоводству, к дворовым построениям, средствам труда, общественно-политической терминологии. Заимствования этой эпохи встречаются во всех пермских языках вплоть до северных диалектов коми-зырянского языка.

Вторая группа булгарских заимствований характерна главным образом удмуртскому и коми-пермяцкому языкам. В южные диалекты коми-зырянского языка они попали через посредство удмуртского и коми-пермяцкого языков. Авторы их называют заимствованиями средне-булгарского периода, что относится к IX—XVIII векам. Общее количество булгарских заимствований в удмуртском языке пока точно не установлено. Разные исследователи отмечали различное количество булгарских заимствований: Й. Буденц — 33, Б. Мункачи—57, Н. Ашмарин—12, Х. Паасонен—12, Ю. Вихман — 151, М. Федотов — 438.

Основываясь на фонетических критериях, выработанных в ранее опубликованных работах, в число булгарских заимствований мы включаем 196 слов. Ниже приводим список булгаризмов без указания их фонетических вариантов и диалектной принадлежности. Соответствия из других тюркских языков приводятся лишь в словах, заимствованных из различных работ, не представляющих собою специальное монографическое исследование по указанной теме.

а) Булгаризмы из работы Ю. Вихмана

1. акайашка, акашка «весенний праздник плуга»
2. ака «старшая сестра»
3. аман: тушмон-аман «враг», «нечисть, неприятель»
4. ана «полоса земли»
5. ансыр «узкий»
6. араны «жать»
7. арня «неделя»
8. арлан «хомяк»
9. бече «старший брат, сосед»
10. быд- (быдм-, быдт-) «закончить, завершить»
11. бутник «мята»
12. бызара «хорек»
13. бёдёно «перепел»
14. буко «дуга»
15. букро «куколь»
16. бултыр «свояченица»
17. буртчин «шелк»
18. бус «туман, мгла»
19 бусы «поле»
20 бускель «сосед»
21. бустурган «домовой, злой дух, обитающий в бане»
22. бусёно «свояк»
23. губи «гриб»

24. долак «совсем»
25. зеп «карман»
26. эм, эмья(ны) «лечить»
27. эрыксыр «насильно»
28. энер «седло»
29. энерчак «седелка»
30. эрик «свобода»
31. иська: иськавын «родственник»
32. иське «значит, стало быть»
33. итым «гумно, ток»
34. ыгы «филин»
35. йыран «межа»
36. юбо «столб»
37. йум: эмьюм «лекарство, снадобье»
38. йуси «скорбь, горе, печаль»
39. кабан «кладуха, скирд»
40. калал «пожелание счастья, завещание»
41. каль «сейчас, теперь»
42. каллен «тихо, медленно»
43. кань сыраны «обессилеть, изнемогать»
44. катанчи «занавес»
45. качы «ножницы»
46. кандэлем «свидетель»
47. кен «сноха»
48. керемет «дух зла, место языческого моления удмуртов»
49. кеч «коза»
50. кӧрсь: выткӧрсь «налог»
51. кись «бердо»
52. кырси «зять»
53. койык «лось»
54. кубо «прялка»
55. кудыри «кудрявый»
56. куйкы «горе, печаль»
57. кулым «калым, плата за невесту»
58. культо «сноп»
59. кун «государь, государство»
60. куно «гость»
61. курбон «жертва»
62. куро «солома»
63. курок «разбойник»
64. куромо «пряслицы для саней»
65. кушман «редька»
66. Кузон «Казань»
67. кузё «хозяин»
68. мугло «комолый»
69. мунчо «баня»
70. мурьё «дымоходная труба»
71. обыда «обезьяна»
72. ойдо «айда»
73. пакар «зоб, желудок»
74. саник «вилы»
75. сӧу «здоровье»
76. сӧулык «здоровье»
77. сӧсыр «калека»
78. сугон «лук»
79. сукыри «буханка хлеба»
80. сукман «домотканное сукно на портяной основе, зипун»
81. сум: сумак «оптом»
82. сякан «рогожа»
83. сяртчы «репа»
84. сяська «цветок»
85. сьӧлык «грех»
86. силь: силбтӧл «буря»
87. сюлык «головной убор в виде платка с бахромой, свадебное покрывало»
88. сюло «кнут»
89. сюлворыны «просить, упрашивать, умолять»
90. сюр: сюрайы «отчим»
91. туклячи «сваха»
92. тулуп: тулып нылпи «сирота»
93. тумошо «интересно, интересный»

94. турчыко, турккычо «кочерга»
95. турто «оглобля»
96. тушмон «враг, неприятель»
97. чарка «чаша»
98. чарлан «чайка»
99. чебер «красивый»
100. чибор «пестрый»
101. чипы «цыпленок»
102. чокмор «дубина, палица»
103. чӧк: чӧк пересь «жрец»
104. чуглэс «холщевые чулки»
105. чулка «чулки»
106. чумон «берестяная коробка»
107. чучы «мокрец, болячка (на губах)»
108. чана «галка»
109. удыс «полоса земли»
110. уксё «деньги»
111. улмо «яблоко»
112. улошо «мерин»
113. уробо «телега»
114. услом «прибыль, барыш»
115. усьсэ «послезавтра»
116. усьтыны «открыть»
117. варм: вармай «тесть»
118. веме «коллективная помощь»
119. шабала «лемех»
120. шат «может быть, может»
121. шал «совсем, полностью»
122. шумот «суббота»
123. така «баран»
124. тэркы «тарелка, миска»
125. тингыли «ось (телеги)»
126. тысь «зерно»
127. ак — словообразовательный суффикс

б) Булгаризмы из работ М. Р. Федотова

1. ан «ширина полотна, борда»
2. арбери «вещь, всякая всячина»
3. арна «наверное, пожалуй», «вероятно, может быть»
4. ашкыныны «распуститься, шалить, озорничать, буйно разрастаться»
5. зульыны «болтать, говорить без толку»
6. зур: зурмуш «трутень»
7. зурод «стог, клад сена»
8. зыраны «тереть, растереть, мазать»
9. каб: кут каб «колодка, форма»
10. кальча «перья лука»
11. каба: кабаинмар «святыня, мусульманское божество»
12. каньыл «легко, удобно»
13. кис «тиски, клещи»
14. колтреч, колтырмач «скальница» (приспособление для наматывания ниток)
15. кудыр «бобр»
16. кур (старинная мера длины) «ширина полотна, материи»; кикур «вершок»
17. кур: йыркур «обида, злость»
18. кушпу «круглая женская шапка с открытым верхом»
19. куштон «щеголь, франт»
20. ме «на» (частица)
21. пус «метка, тамга»
22. пустол «сукно»
23. пул: Сарапул — назва-

ние города на Каме
24. салам «подарок, гостинец, привет, поклон»
25. си: си-дан «почет, слава»
26. сук «жадный»
27. сурон «выделанная кожа»
28. сусо «челнок»
29. тингыли «ось»
30. тӧро «тысяцкий, начальник, сановник, председатель»
31. тунсык(о) «интересно, интересный»
32. убир «злой дух, людоед, вампир»
33. улол «ямщик»
34. утор «ограда, загон, пасека»
35. чагыр «голубой»
36. чача «оспа»
37. чара: чап-чара «совершенно, совсем»
38. чэрык «четверть»
39. чигын «капризный, упрямый с норовом (о лошади)»
40. чан «большой колокол»
41. чапак «как раз, в самый раз»
42. шыгнар «деверь (обращение жены старшего брата к младшему брату мужа)»
43. эсэр-безэр луыны «растраиваться»
44. эш «друг, товарищ, напарник, спутник»

в) Булгаризмы разных авторов

1. *акар* сред., бавл. «хищник, собака» < чув. *акар* «борзая собака» (Ашм. 1, 87; Соколов, 1975, 199—151).

2. *ан* южн., п.-ю. «челюсть», *ангес* южн., бавл., кукм. «подбородок» < чув. *ан: ан пуççи* «плечо», башк. *анка*у «небо, небный» (ЭСЧЯ, 26, Ras. 45).

3. *бам.* южн., бавл., кукм. «лицо, щека, склон (горы), лезвие (ножа, топора)»; коми *бан* «тж». < чув. *пан,* монг. *он* (кит. *wang*) (Räs. 362, 70).

4. *вись* «четверть аршина» (мера длины); коми *весь пядь* «четверть аршина»; мар. *висаш* «вешать», «взвешивать» < чув. *виç* «мерить, измерять, взвешивать»; тат. *улч.,* башк. *улсэ,* казах., ккалп., ног. *олше,* тур. *олч* «тж». (ЭСЧЯ, 55, Добродом. 8; Алат. 1976, 142).

5. *зыбын* южн., бес. «летняя женская шерстяная одежда» < чув. *сапан* уст. «женский суконный кафтан, поддевка»; аз., туркм., узб. *зипун* (<греч.) (ЭСЧЯ, 182).

6. *ӟудыны* «недоумевать, затрудняться, растеряться», сред. «выжить из ума»; мар. *йӱдаш* «выжить из ума» < чув. *йӳте*; др.-тюрк. Мал. 388 *йут* «погибать»; уйг., чаг., тур. *йут* «потеряться, исчезнуть, погибнуть»; ср. также чув. *çӗт* «пропадать, исчезнуть, теряться» (ЭСЧЯ, 82).

7. *йываны* южн., *дюбаны* бавл. «успокоиться, усмиряться, притихнуть» < чув. *йапан* «успокаиваться, униматься, забавляться, развлекаться»; тат. *юан,* башк. *йыуан,* узб. *юпан,* ног.

юбан, кумык. *йыбан*, казах., ккалп. *жубан* (ЭСЧЯ, 75; Добродом. 16).

8. *йумок: йумоке шедьыны* «попасть впросак, в смешное, неловкое положение»<чув. *юмах* «сказка, загадка, разговор», тат. *йомах,* кирг. *жомок* «былина» (Алат. 1976, 159, Räs. 206).

9. *какалмыны* сев. «измучиться, устать» < чув. *кахал* «ленивый, лентяй, лодырь, лежебока» (< перс.) (ЭСЧЯ, 95).

10. *кабзэ, кабыз* сред. «все, целиком, полностью, совсем, совершенно». Указанное слово является производным от заимствованного слова *каб;* ср. чув. *кап,* диал. *капа* «внешний вид, форма, фигура, корпус, силуэт, целый, цельный, монолитный», туркм., аз. *габ,* тур. *кап* «сосуд, посуда, наружный покров, футляр», як. *кэп, киэп* «форма, модель» (ЭСЧЯ, 88—89, Фед. 1, 107).

11. *казак: казак пи* «холостой парень», *казак ыыл* «холостая незамужняя девушка»; мар. *озак* «холостой, неженатый», марГ. *ажак* «вдовый»; чув. *хусах, хосах;* крым., кирг., тел., тур., саг., каз., чаг. (Радл. II: 364—365) *казак* «человек вольный, независимый, искатель приключений, бродяга» (ЭСЧЯ, 308, 91—92; Фед., 1, 146).

12. *кубиста, кубыста* бавл., бт. «капуста» < чув. *купаста,* тат. *кэбэстэ* < русск. *капуста* (<лат.) (КЭСР, 141).

13. *куч, куць* (Памятники XVIII: 150) «крест» < чув. *хуç* «крест»; аз., туркм. *хач,* узб. *хоч,* тат. *хач* (<перс.).

14. *магазей (кенос)* «общественный хлебный амбар»<чув. *макаç, макаçей* (<араб.-перс.).

15. *маскара* «забава, шутка, курьез, нечто смешное, ошеломляющее, загадочное» < чув. *мыскара* в том же значении. В периферийно-южных говорах удмуртского языка указанное слово употребляется в значении «позор, срам, издевательство, поругивание», что заимствовано, очевидно, из татарского или башкирского языков, как это предполагает В. И. Алатырев (1976, 148—149) тат., башк. *мэсхэра,* кирг. *мэсхирэ* в том же значении, узб. *масхара,* тур. *маскара* «насмешка, шутка», туркм. *масгара* «позорный, бессовестный» (<араб. перс.) (ЭСЧЯ 136).

16. *накас, нэкас, наказ* «бесчестный, развратный, блудный, любодей, напасть» (Памятники XVIII: 147) «блудник, любодей»; мар. *накас* «неповоротливый, тяжелый» < чув. *накас* «толстый, неуклюжий, неповоротливый, ленивый»; тат. *нэкэс* «подлый, низкий, бсечестный, неблагородный»; диал. «неповоротливый, тяжелый на подъем»; башк. *нэкэс* «лентяй, лодырь» (<перс.) (ЭСЧЯ, 137).

17. *нерге* «ряд, слой, венец, порядок; обряд; подобно, исходно, вроде»; мар. *нерге* «тж.»<чув. *йёрке* «ряд, ряд бревен, венец, звено сруба»; тат. *нирге* «венец, звено, один ряд сру-

оа»; уйг *джерге,* аз. *чарка* «ряд, порядок» (ЭСЧЯ, 80; Алат. 1976, 150).

18. *тулмыц* (Кротов сл. 222) «толмач» < чув. *талмач,* тат. уст. *тылмач* (ЭСЧЯ, 236).

19. *ули: пинал ули, пинал улы* сред. «молодежь» < чув. *улах* «уединение, посиделки, устраиваемые деревенской молодежью в каком-нибудь доме в отсутствие старших»; тат., башк., кзалп., каз. *аулах* «укромный, глухой, безлюдный, подальше, дальний»; чаг., тур. *авлак* «место охоты». Во всех тюркских языках указанные слова образованы от корневой морфемы *ав* (туркм., тур.); *ов* (уйг., аз., узб.); *ау* (тат.) со значением «охота»; *ав* (монг.) «облава, охотничий промысел, слово *уллё* «стадо, табун, стая» (Алат. 1976, 154).

С указанной корневой морфемой связано, по-видимому, и слово *уллё* «стадо, табун, стая» (Алат. 1976, 154).

20. *чальды* «отщеп, осколок, отросток, отрубы, остающиеся от переработки ячменя» < чув. *чёл* «щепать, кроить, разрезывать на узкие полоски»; тат., башк., *тел* (Алат. 1976, 156. Иначе: в КЭСК 301).

21. *ёан* «кадка, кадце» марГ. *цанг* < чув. *чан*, чам* «старинный деревянный или медный сосуд для пива»; узб. *джам* «таз»; аз. *чам* «миска»; туркм. *жам* «чаша».

Учитывая фонетические особенности и семантическую общность сопоставляемых слов, в число булгаризмов мы под вопросом включаем еще два слова, хотя они и не встречаются в современных волжских тюркских языках.

22. *зардыны, зар потыны* «рассветать, светать»; ср. также *зардон* «заря», коми *дзар* — изобразительное слово, в некоторых сочетаниях «свет»; ср. др.-тюрк. *jaru* «светиться, сиять», перен. «сиять, радоваться»; ср. также *jarun* заря (ДТС, 243—244)

23. *зугыртыны* «сплести жгут, сделать завиток, сплести кишки (в ткацком деле)», *зугыри* «жгут»; ср. др.-тюрк. *jügür* «натягивать основу ткани» (ДТС, 284). Коми *дзуг* (*дзуги*) «силки, что-нибудь спутанное, спутавшиеся; удм. *зуганы* «спутать» сюда,, очевидно, не относятся (КЭСК, 93).

Тюрко-булгарская лексика относится к разным лексико-тематическим группам. Самую многочисленную из них образуют:

I. Бытовая и хозяйственная лексика, отражающая основное занятие и экономический уклад жизни древних удмуртов.

II. Среди булгаризмов значительное место занимает социально-экономическая лексика, отражающая социальное

---

* Чувашские *чан* и *чам* не гомогенны. Чув. *чан* восходит к др.-русск. *дъщан, а чам* < перс. *жам* «чаша, кубок». — *Прим. редактора.*

положение, родственное и имущественное отношение или профессиональный признак людей. Особый раздел здесь составляет торговая лексика, обозначающая орудия и процессы торговли, названия товаров, единиц измерения и т. д.

III. Среди булгаризмов удмуртского языка определенное место занимает разряд абстрактной лексики, обозначающей разнообразные понятия общественной и культурной жизни древнего удмуртского населения.

Следует подчеркнуть, что большинство тюрко-булгарских заимствований носит общенародный характер и, следовательно, относится к усвоенным заимствованным словам. На почве удмуртского языка они подвергались фонетической, морфологической, а отдельные из них и семантической адаптации. Немалое количество из них употребляется для выражения устаревших понятий, связанных со старинным бытом и укладом жизни патриархального хозяйства. По нашим наблюдениям, вышли из употребления или перешли в пассивный словарный запас главным образом булгаризмы, обозначавшие одежду, а также слова, связанные со старинным бытом и языческими молениями удмуртов.

Список принятых сокращений

I. Литература и источники

Алат. 1976 — В. И. Алатырев. Вопросы удмуртского языкознания, выпуск IV. Ижевск, 1976.

Алат. СФУ 1965 — В. И. Алатырев. — О финском *kansa* и пермском *kuz*, *goz*. — «Советское финноугроведение», № 4. 1965.

Добродом. — И. Г. Добродомов. Проблемы изучения булгарских лексических элементов в славянских языках. Автореферат докторской диссертации. Москва.

З. Кротов. сл. — Краткій вотскій словарь съ россійскимъ переводомъ собранный и по алфавиту расположенный села Еловского Троицкой церкви священником Захарием Кротовым 1785 года. Ленинград, Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Эрмитажное собраніе 197, 11 (рукопись). 1785.

КЭСР — Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. Москва, 1961.

Лыткин 1967. — В. И. Лыткин. О древнетюркских элементах в лексике пермских языков. «Вопросы финно-угорского языкознания», выпуск IV. Ижевск.

Мал. — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л. 1951

Памятники XVIII — Т. И. Тепляшина. Памятники удмуртской письменности XVIII века. Москва, 1965.

С. Соколов 1975. — Этимология удмуртских названий животных. — «Вопросы удмуртского языкознания». Выпуск третий. Ижевск.

II. Языки и диалекты

бавл. — бавлинский диалект удмуртского языка
башк. — башкирский
бес. — бесермянское наречие удмуртского языка
бт. — буйско-танышские говоры удмуртского языка

каз. — казанский (татарский)
коми.язв. — коми язвинский диалект коми языка
кум. — кумыкский
к. — кукморский диалект удмуртского языка
миш. — мишарский диалект татарского языка
п. ю. — периферийно-южные диалекты удмуртского языка
саг. — сагайский диалект хакасского языка
сев. — северный диалект удмуртского языка
сред. — средний диалект удмуртского языка

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ
атындағы
ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

А. П. ФЕОКТИСТОВ
(Москва)

О НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПАХ РАБОТЫ

Этимологический словарь мордовских языков (далее сокращ. — ЭСМЯ), включенный в план двустороннего научного сотрудничества советских и венгерских лингвистов на 1976—1980 гг., разрабатывается в двух Институтах языкознания — Академии наук СССР и Венгерской Академии наук. Составители поставили перед собой задачу, чтобы в ЭСМЯ в достаточно полном объеме была представлена не только эндогенная (исконная), но и экзогенная (заимствованная) часть лексики мордовских языков.

В составе исконной лексики различаются пласты — уральский, финно-угорский, финно-пермский, финно-волжский, волжский (мордовско-марийский) и слова, возникшие в период отдельной жизни мордовских языков (т. н. лексика внутреннего происхождения). Среди многочисленных иноязычных лексических элементов выделяются иранские, балтийские, тюркские (в том числе — булгарские, татарские, чувашские и т. д.) и восточнославянские (в том числе — древнерусские и русские) заимствования. Новые и новейшие русизмы, легко отождествляемые читателем, достаточно хорошо знакомым с русским языком, в корпус ЭСМЯ включаться не будут.

По примеру этимологических словарей отдельных финно-угорских языков, в картотеку ЭСМЯ предполагается включить слова не только современных мордовских литературных языков, но и многочисленных мокшанских и эрзянских говоров, а также лексику памятников мордовской письменности. Вместе с тем для этимологического анализа в окончательном варианте словника ЭСМЯ будут сохранены лишь те так называемые узкие диалектизмы (и архаизмы), которые, по оценке составителей, имеют определенную этнографическую и культурно-историческую значимость.

Прежде чем приступить к реализации идеи создания ЭСМЯ, необходимо было ответить на решающий вопрос: имеются ли в настоящий период достаточные условия, т. е. надежная историко-лингвистическая база для развертыва-

ния работ над мордовским этимологическим словарем? В первом (негативном) варианте ответа указывалось на отсутствие необходимых условий, ибо, как подчеркивали и будущие авторы, в мордовском языкознании действительно еще очень мало фундаментальных разработок в области лексикологии мордовских языков и т. д. Во втором же (позитивном) варианте своего ответа составители не без доли оптимизма констатировали наличие вполне реальных условий для создания подобного словаря, ибо, как указывалось, современная финно-угристика (следовательно, и мордвинистика!) располагает целым рядом основополагающих исследований по исторической фонетике, историческому словообразованию, исторической лексикологии финно-угорских (и, следовательно, мордовских) языков и т. п. Весьма важным подспорьем при составлении ЭСМЯ, наряду с уже вышедшими этимологическими словарями финно-угорских языков, должны стать и те многочисленные этимологические штудии, которые в области финно-угроведения ведутся уже на протяжении полтора-двух последних столетий.

После того как был выработан конкретный план-проспект ЭСМЯ, составители приступили к учету, а точнее — к обработке и росписи по возможности всех имеющихся первоисточников на мордовских языках, включая и словари, диалектные (текстовые и словарные) материалы, письменные памятники всех жанров и видов и т. п. Это было одновременно и началом составления словника и всей рабочей картотеки ЭСМЯ. Без излишнего пафоса отметим, что этот наиболее трудоемкий этап работы над этимологическим словарем — единственный, дающий в руки этимолога исходный материал, который может гарантировать восстановление первичного фонетического облика и исходной семантики этимологизируемых лексических единиц, в данном случае, мордовских языков с хронологической глубиной, как минимум, до общемордовского языка — основы.

Далее должна была следовать работа по определению непроизводного или же производного характера этимологизируемых слов и, следовательно, по установлению окончательного индекса ЭСМЯ. Но прежде чем перейти к основному этапу работы по выработке этимологий, т. е. к составлению словарных статей с выдвижением от авторов конечных этимологий, необходимо было предварительно изучить всю предшествующую этимологическую литературу по финно-угорским языкам, а применительно к заимствованной части словарного состава мордовских языков также и по индоевропейским (особенно славянским, балтийским и иранским) и алтайским (тюркским и монгольским) языкам.

Как известно, у (ранних и поздних) заимствований своя сложная проблематика, которой уместно заниматься в этимологическом словаре отдельного языка. Мордовские языки на протяжении многих и многих веков своего существования контактировали с соседними языками. В ЭСМЯ делается попытка представить материалы, которые бы в полной мере отражали взаимовлияние лексики мордовских языков и словарного состава соседних языков. Большое внимание авторов ЭСМЯ к этимологическому анализу лексических заимствований опирается на известный тезис о том, что словарные заимствования дают ценнейший материал как для исторической лексикологии, так и для исторической фонетики контактирующих языков.

В мордовских языках налицо большое количество тюркских заимствований (в том числе древних и относительно древних, относительно новых и новейших). В тюркологической литературе имеются сведения и о мордовских лексических проникновениях в отдельных диалектах тюркских языков.

Финский лингвист Х. Паасонен, посвятивший изучению тюркско-мордовских языковых контактов две большие работы, насчитал в мордовских языках до двухсот тюркизмов преимущественно татарского и чувашского происхождения. В картотеке же ЭСМЯ, составление которой еще далеко не завершено, нами зарегистрировано уже более четырехсот лексем тюркского происхождения (а вместе с производными основами число таких слов превышает цифру 600—700).

Таким образом, тюркизмы в мордовской речи составляют значительный пласт мордовской лексики, который нуждается в соответствующем этимологическом анализе, предполагающем установление прежде всего языка-источника заимствования и его «возраста». Из-за отсутствия монографических исследований по исторической лексикологии мордовских языков на плечи составителей ЭСМЯ легла вся та работа, которая обычно осуществляется в специальных монографиях. Это обстоятельство осложняет форму представления в ЭСМЯ заимствованной части мордовской лексики и, кроме того, приведет к неизбежному увеличению объема нашего словаря. Отметим также, что выявлению полного индекса тюркизмов, как, впрочем, и восточнославянизмов препятствует слабая изученность мокшано-эрзянской диалектной лексики, в составе которой несомненно бытует немалое число никем еще не выявленных заимствований из тюркских и других языков.

М. Ф. ЧЕРНОВ
(Чебоксары)

ЧУВАШСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С УСТАРЕВШЕЙ ЛЕКСИКОЙ

Наиболее полно устаревшие слова зафиксированы в «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина. Часть этого материала вошла в двуязычные словари, вышедшие в 50—70 гг.

Последние годы интерес лингвистов к архаичному слою чувашской лексики усиливается. Тем не менее архаичные лексические элементы — малоисследованная область чувашского языкознания. Что касается архаизмов в составе фразеологических единиц, то они на сегодня остаются вне поля зрения исследователей чувашского языка.

Изучение фразеологизмов, содержащих в себе устаревшую лексику, имеет важное значение, с одной остороны, для исторической лексикологии и этимологии чувашского языка, с другой стороны, для самой фразеологии. Это обуславливается тем, что в современном чувашском языке архаизмы главным образом встречаются в составе фразеологизмов. Такие языковые единицы, наряду с памятниками письменности и данными диалектов, являются еще одним ценным источником изучения истории чувашского языка. «Материя и форма родного языка, — писал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», — становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если не уделять внимания, во-первых, его собственным омертвевшим формам, во-вторых, родственным живым и мертвым языкам»[1].

Большинство фразеологизмов, бытующих в современном языке, возникло в далеком прошлом. Об этом как раз убедительно свидетельствует наличие лексических архаизмов, а также устаревших грамматических форм в структуре ряда фразеологизмов. Жизнеспособность архаичных элементов в структуре фразеологических единиц объясняется их важнейшими особенностями — устойчивостью, стабильностью структурно-семантической организации и, это, по-видимому, главное — актуальностью значения, свойственного устойчивому словесному комплексу в целом.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 333.

Следовательно, устойчивость фразеологической единицы, основанная на стабильности и константности ее семантической структуры, является главным условием сохранения того компонентного состава, который имел фразеологизм в эпоху своего возникновения. Поэтому устаревшие слова и их формы в устойчивых сочетаниях «как бы получают свою особую жизнь в языке и до известной степени воспринимаются как «живые» архаизмы, т. к. продолжают свое существование, а не исчезают бесследно»[2], иначе говоря, ввиду актуальности фразеологизма с архаичными элементами, носитель языка, хорошо понимающий его смысл, совершенно не чувствует архаичность его компонентов.

Для примера возьмем поговорку-фразеологизм *Пупне кура прихучё* «Каков поп, таков приход». Здесь два устаревших компонента, заимствованных из русского языка: *пуп* «поп» и *прихут* «приход». В свободных сочетаниях и предложениях эти слова, в действительности, функционируют как подлинные архаизмы[3]. В составе же приведенной поговорки-фразеологизма устарелость компонентов *пупне* и *прихучё* нами не ощущается, они выступают как бы в «оживленном виде», участвуя, наряду с другими компонентами, в создании целостного смысла, свойственного всей фразеологической единице в целом. Следовательно, «современность» архаизмов в фразеологизмах поддерживается особенностью семантики последних, а именно ее актуальностью.

Исходя из причины, в силу которой слова становятся устаревшими, принято выделить два их типа: историзмы и архаизмы.

Историзмы — это слова, выходящие из употребления в связи с исчезновением называемых ими явлений, предметов действительности. Архаизмы — это слова, уходящие из активного употребления в силу того, что заменяются другими словами, наиболее соответствующими обозначаемым предметам, явлениям действительности.

Фразеологизмы с историзмами

Чаще всего историзмы наблюдаются в пословицах и поговорках, связанных по происхождению со старыми общественно-производственными отношениями. К ним относятся такие слова, как *пуп* «поп», *прихут* «приход», *писар* «писарь», *пике* «барыня», *хархам* «рабыня», *пурлак* «бурлак», *куштан*

---

[2] *Попов Р. Н.* Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. М., 1976, с. 5.

[3] Архаизмы в составе свободных сочетаний с синхронической точки зрения лишены актуальности, тексты с такими архаизмами являются или достоянием той эпохи, в какую эти слова были в активном запасе, или используются для воссоздания колорита времени.

«мироед, кулак», *кёлмёç* «нищий», «попрошайка», *куланай* «подать», «дань», *саламат* «нагайка» и др. Например:

Пуп куçё — нӳхреп куç (Ват. сам.) «Поповские глаза завидущие» (букв. поп глаза его — погреб глаз). *Ялти писар йытти хыт çыртать* (Ват. сам.) «Собака сельского писаря больно кусает». *Аван пулсан пикешён, усал пулсан хăрхамшăн* (*Ват. сам.*) «Что хорошо — для барыни, что плохо — для рабыни». *Киле кёриччен пурлака кайма хушнă* (Ват. сам.) «Чем войти в дом, лучше идти в бурлаки (лучше (бурлачить)». *Куштанăн çаварё пысак* «У мироеда пасть огромная». *Кёлмёçён çанăхне çил вёçтернё* (Ват. сам.) «Муку нищего развеяло ветром». *Хёле хирёç куланай* (Ват. сам.) «К зиме припасай подати». *Салтакра пулман çын — саламат курман* «Кто в солдатах не бывал, тот нагайки не пробовал». *Тарçăн тар типмен, пурлакан пыр тăранман* (Ват. сам.) «Работник вечно потный, бурлак вечно голодный».

Нередко в составе фразеологизмов встречаются историзмы, обозначающие понятия, связанные с религией и религиозными предрассудками. Это слова *вёрӳçё* (*вёрӳç*) «знахарь», «ворожея», *раштав* «рождество», *çаварни* «масленица», сочетание слов *тип эрни* «великий пост». Например:

Ватанман вёрӳç пулна, юлхав юмаç пулна «Бесстыжий стал знахарем, ленивый стал ворожеей». *Хыта çынтан раштавра пёр кёреçе юр илеймён* (Ват. сам.) «У скупого и зимой лопаты снега не выпросишь». *Йаваншăн саварни, Терентишён тип эрни* (Ват. сам.) «Для Ивана — масленица, для Терентия — великий пост». *Юманайра юмаç пур, Яманакра ярмак пур* (Ват. сам.) «В Юманаях знахарь есть, в Яманаках ярмак есть».

В ряде случаев в фразеологических единицах употребляются старые названия денежных единиц *кривнёк* «гривенник». *петак* «пятак», *нухрат* «нухрат» (тонкие серебряные монеты арабской, болгарской, реже русской чеканки, употреблявшиеся женщинами в качестве украшений) и единица меры длины *аршăн* «аршин». Например:

Кривнёк петак мар (Ват. сам.) «Гривенник не пятак». *Нухратăн нахти сук* (Ват. сам.) «Серебряная денежка не имеет уздечки» (русск. соотв.: на деньгу оброти не накинешь). *Аршăнпа висеççё, аскачпа асасçё* (Ват. сам.) «Аршином меряют, а черпаком черпают». *Кирек аста кайсан та, аршăнта тăватă шит* (Ват. сам.) «Куда ни пойти, в аршине четыре четверти».

В качестве компонентов фразеологизмов иногда используются старинные названия музыкальных инструментов, таких, как *сăрнай* «зурна, дудка», *шăпăр* «пузырь» (музыкальный

инструмент наподобие волынки), *шăпăрçа* «музыкант, играющий на пузыре». Например:

Аçта сăра, унта сăрнай (Ват. сам.) «Где пирушка, там музыка». *Шăпăрçăшăн шăпăр калама хушман* (Ват. сам.) «Не берись за музыканта играть на его инструменте».

Немало историзмов находим в составных терминах-фразеологизмах. Среди них, в частности, получили большое распространение фразеологические сочетания с стержневым компонентом *курак* «трава», являющиеся обозначениями различных видов растений. Например:

Аншарт куракĕ «горицвет» (букв. злой дух трава его; *аншарт* «порча, постигающая человека вследствие чьей-либо ссоры или злобы»; ср. туркм. *инжыт* «оскорблять», *ынжытма* «оскорбление»)[4].

— *Кошламар патне?* — *тĕлĕнсе кайна ашшĕ.* — *Эсĕ мĕн аншарт куракĕ çимĕн пулĕ те* (Юхма) «— К Кушламару? — удивился отец. — Ты что, белены объелся».

Вупар куракĕ «чертополох» (букв. злой дух трава его; ср.: *вупар*, диал. *вапар* «злой дух», «упырь», «кошмар», «оборотень»; башк., тат., мишар. *убыр* «колдунья», «оборотень»; «обжора»).

Çимĕк куракĕ «горицвет» (букв. семик трава его):

Апраç аппа мана çимĕк куракĕпе çавантарать (Петр.) «Сестра Апрась заставляет меня мыться горицветом».

Çинçе куракĕ «мышиный горох» (*çинсе* — название весеннего языческого обряда охранения земли во время ее «беременности»).

Вупкан куракĕ «земляные орешки» (букв. злой дух трава его; *вупкан* 1. «злой и прожорливый дух, разоряющий людей»; 2. обжора; уйг. *обкан* «прожорливый», «обжора», алт. *опкуш кижи* «прожорливый человек», алт. *опкун, обкыш*; ойр. *опкын*, башк., тат. *упкын* «пучина», «бездна», «пропасть», «водоворот»).

Ие куракĕ «ликоподий» (букв. злой дух трава его; *ие* «злой дух»; ср.: уйг. *эге*, узб. *эга*, чаг. *айа*, азерб. *ийиэ*, туркм. *эе*, ойр., тув., хак. *ээ* «хозяин», «владелец»; якут., тув. *ие* «мать»).

Нухрат куракĕ «полевая ярутка» (букв. серебро трава его; *нухрат* — мелкие серебряные монетки арабской, булгарской, позднее и русской чеканки; чувашки употребляли их в качестве украшения; узб. *нукра* «серебро»):

Пĕр тонна çурхи тулă улăмĕпе тĕшшине туса илме 390 тонна шыв кирлĕ пулсан, анра çарăк пилĕкçĕр тонна, нухрат

---

[4] При сравнении чувашских слов со словами других тюркских языков автор статьи использовал «Этимологический словарь чувашского языка» В. Г. Егорова (Чебоксары, 1964).

куракё пин тонна пётерсççё (Ком. ял.) «Если для получения одной тонны соломы и зерна пшеницы требуется 390 тонн воды, то для сурепицы 500 тонн, полевой ярутки 1000 тонн воды нужно».

Хаяр куракё «трефоль», «чертогон» (букв. «злой дух трава его», *хаяр* — назв. болезни):

Самсана хаяр курак шарши пырса çапанать (Лис.) «Запах чертогона бьет в нос». *Хаяр куракё тесе пирён енчи чавашсем ландыша калаççё (Еф.)* «Жители нашей стороны ландыш называют чертогоном (букв. злой дух траву его)».

Фразеологизмы с архаизмами

Устаревшим бывает все слово как единица языка или его значение, одно из значений. В зависимости от этого, выделяются архаизмы лексические и архаизмы семантические. Утверждать, какое из этих архаизмов преобладает в современном чувашском языке, без тщательного исследования сказать трудно. Тем не менее, собранный нами материал свидетельствует, что чаще всего встречаются лексические архаизмы.

Исходя из особенностей семантики сочетающихся компонентов, как все другие несвободные сочетания, фразеологизмы с архаизмами разделяются на два типа: 1) фразеологические сочетания и 2) идиоматические сочетания[5].

Фразеологические сочетания с архаизмами

В этом типе фразеологизмов один из компонентов имеет фразеологически связанное значение. В глагольных фразеологических сочетаниях такое значение свойственно глагольному компоненту, в именных — именному компоненту. Как показывают факты, совсем не обязательно, чтобы связанное значение было присуще части фразоелогизма, являющейся архаизмом. Напротив, лексические архаизмы в составе фразеологических сочетаний употребляются со свободным значением. Это, с нашей точки зрения, должно являться убедительным доказательством того, что наличие архаизмов во фразеологизмах — не показатель фразеологичности[6].

Ниже приводим фразеологические сочетания с архаизмами:

---

[5] Интерпретацию автора названных типов фразеологизмов см.: *Чернов М. Ф.* К вопросу о структурно-семантической классификации и образовании составных терминов современного чувашского языка. — «Труды ЧНИИ», вып. 87. Вопросы лексикологии и фразеологии чувашского языка. Чебоксары, 1979, с. 93—126.

[6] *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. М., 1972, с. 25; *Попов Р. Н.* Указ. соч., с. 43.

1. *Тава кӗр* «втянуться в тяжбу», «начать тяжбу, спор» (букв. «войти в тяжбу, спор»).

Чув. *тав* «тяжба», «спор» в других тюркских соответствуют: уйг., туркм., тур. *дава* «тяжба», кумык. *дав* «война», узб. *даво,* кирг. *доо,* тат. *дау* «иск», «тяжба», «спор», азерб. *дава*, башк. *дау* «ссора», «драка», «спор», «тяжба», туркм., ног. *дывалы,* казах., тат. *даумы* «спорный» (вопрос). По мнению В. Г. Егорова, слово *тав* заимствовано из арабск. языка; ср.: перс. *дава* «иск», «спор», «жалоба», «тяжба», «притязание».

В сочетании *тава кӗр* глагол *кӗр* «войти» имеет значение «начать какое-либо действие (в зависимости от смысла сочетающегося с этим глаголом имени существительного)». Данное значение фразеологически связано: оно реализуется в окружении строго ограниченного круга слов-существительных в дательно-винительном падеже ед. числа, в число которых входит и слово *тав.*

Вай ҫитнӗ таран пулаш ҫынна, усламшан тава кӗрес-рен сыхланса тар (Ашм. 13)* «По мере возможности помогай человеку, остерегайся из-за барыша втянуться в тяжбу».

2. *Тав тыт* «иметь тяжбу», «спорить», «тягаться» (*тыт* употребляется со связанным значением «вести какое-либо действие, обозначенное именем существительным»):

Пӗр-пӗринпе тав тытни сирӗннӗн хаех намас (Ашм. 13) «То, что имеете вы тяжбу между собой, уже это для вас должно быть стыдно».

3. *Тав уйар* «разбирать тяжбу»:

Тав уйарнă ҫӗрте халсăр чӗреллѐ ан пул (Ашм. 14) «При разборе жалобы не будь слабым».

В процессе исторического развития лексики имя существительное *тав* в значении «тяжба» «спор» вытеснено словом *тавлашу*[7], которое имеет значения: 1. «спор»; 2. «дебаты», «дискуссия», «полемика», «пререкания, взаимные возражения, требования»; «несогласие», «неурядица» (*тавлашăва кӗр* «вступить в пререкания»); 3. «тяжба»; 4. «ссора».

Компонент *тав* в современном чувашском языке сохраняется в составе слова *тавсăр* «бесспорный», «несомненный», «неоспоримый», в идиоматическом сочетании *тавсăр-сассăр* «без всякого спора», «тихо» и в составном топониме *Тавлă ҫӗр* (или *Тал-ҫӗр*) «название поля между Икковом (Чеб. р.) и Елашем (Цив. р.)»:

Вăл ана тавсăр-сассăр кана ӳкӗтлесе ҫаварасшан пулнă (Ашм. 13) «Он хотел уговорить его без всякого спора». *Тавлă ҫӗр уйăн варманпа уҫланка пек курăнать* (Ашм. 13)

---

* Следующая за сокращением (Ашм.) цифра означает выпуск.

[7] *Тавлашу* — это производное от глагола *тавлаш*, являющееся в свою очередь производным от устар. *тав.*

«Поле между Икковом и Елашем (букв. поле спорной земли) виднеется как лесная поляна».

4. *Тинкерен тух* «выбиться из сил» (букв. выйти из силы; ср.: башк., тат. *тенкэ кор* «выбиться из сил», «вымотаться», «измучиться»; казах. *динкем курыды* «я выбился из сил»; узб. *чарчаб тинкаси курмок* «выбиться из сил», «изнемочь»):

Санпа вăрçса тинкерен тухрăм (Ашм. 14) «Выбился из сил (изустал, изнемог), ругаясь с тобой».

5. *Тинкене ил (кăлар, хăрт, тиверт)* «вымотать», «довести до изнеможения», «донять»:

Хĕнесе тинкене кăларна (хăртна) (Ашм. 14) «Избивая, его замучили». *Паян çанта каятпăр тесе, тинкене илчĕ* (Ашм. 14) «Сегодня он донял меня, упрашивая идти туда». *Кĕрешнĕ чухне пĕри тепĕрне унăн тинкине хăрт, теççĕ* (Ашм. 14) «Когда один другого начинает побеждать в борьбе, победителю говорят: «Ты его помучь (измучь)». *Тинкене тивертрĕ* (Ашм. 14) «Он донял его».

6. *Тинке тухрĕ* «измаялся», «выбился из сил» (букв. сила вышла):

Хăранипе тупаймасăр тинкем тухрĕ (Ашм. 14) «Я измаялся, с испугу не находя». *Кĕрешсе тухса вăй пĕтерсен: тинкем тухрĕ,* теççĕ (Ашм. 14) «Когда, борясь, лишаются последней силы, говорят: «Я выбился из сил».

7. *Юла юп,* диал. *йола йоп* «клеветать», «кляузничать»; «притворяться» (ср.: чув. *юла* «клевета», «кляуза»; уйг., кумык., тат., башк., ног. *яла* «клевета», «поклеп»; тур., аз. *йалан* «ложь», «неправда»; кирг., казах., ккалп. *жала* «клевета», «хула», «ложное обвинение», «донос»; тат., башк. *яла, яг*; ног., кумык. *яла яр,* кирг., каз., ккалп. *жала жап* «клеветать», «возводить на кого-либо ложное обвинение», «доносить»):

Мĕн мана юла юпса калаçăн? (Ашм. 4) «Что ты возводишь на меня напраслину?». *Кăтра Павăл вăл ялан юла юпать* (Ашм. 4) «Кудрявый Павел всегда кляузничает». *Йола йопса çӳрет* (=ĕссĕре персе çӳрет) (Ашм. 4) «Притворяется пьяным».

8. *Юла яр,* диал. *йола яр* «притворяться»:

Йола яратăн хуна хоо (Ашм. 4) «Ленишься».

9. *Юп кур* «любить», «хорошо относиться» (ср. чув. *юп* «хорошее отношение к кому-либо»; алт., хак. *чоп* «совет», «согласие», «уговор»; «хорошо», «пристойно»; як. *соп* «верный», «правильный», бур.-монг. *соп, зуб* «правильный», «верный», «справедливый», «точный»; узб. *эп кур* «считать удобным, подходящим, достойным»):

Юп куратри, курмастри? Юп куратăр пулсан, пылна ăсса тух; юп курмастăр пулсан, тӳртĕн кĕрсе, тӳртĕн тух (Ашм. 4). «Любите или не любите? Если же любите, принесите меду, если не любите, спиной заходи и спиной выхо-

ди». *Вёсем пире юп кураççё* (Чув.-русск. сл., 583). «Они к нам хорошо относятся». *Юп курмарё* (Ашм. 4). «Не одобрил».

Юп куртар «заставить любить», «заставить хорошо относиться»:

Римри архирейсем хайсене юп куртарасшан пур çынсене те хайсен аллинче тытса тарасшан пулна (Ашм. 4). «Римские архиереи всех людей хотели держать в своих руках, чтобы заставить их любить себя»:

10. *Юп ту* «одобрить», «хорошо относиться к кому-либо»:

Пёлсе, курса, хуйхарса, пур çынна та юп туса... (Ашм. 4) «Зная, видя, горюя, хорошо относясь ко всем людям...»

11. *Юра ер,* диал. *йора ер* «обеднеть»:

Эпир уншан йора ерместпёр (Ашм. 5) «Из-за этого мы не обеднеем». *Çичё хёр паракан юра ернё, çичё ывăл авлантаракан çёрме пуян пулна* (Ват. сам.) «Выдавший семь дочерей обеднел, женивший семь сыновей разбогател».

12. *Юрла тух (ер)* «обеднеть» (*юрла*<*юрлăна;* чув. *юрлă* «бедный», «бедность»; тат., башк., ног. *ярды,* каран. *джарлы,* кирг. *жарды,* каз., ккалп. *жарлы* «бедный», «бедняк», кумык. *ярлы* «убогий», *ярлы бол* «обнищать»):

Çичё ывăл ўстерекен — çичё пуян, хайпе саккар, тит; çичё хёр паракан çичё юрла ернё, тит (Ашм. 5) «Воспитывающий, говорят, семеро сыновей — семь раз богач, выдающий замуж семь дочерей, говорят, семь раз обеднел». *Ун пек çынсем нумайăшё юрла тухаççё* (Ашм. 5) «Много таких людей нищает».

Рассмотренные фразеологические сочетания, в составе которых содержатся архаизмы, относятся к глагольным фразеологизмам.

Нередко архаичные лексические элементы имеют место и в именных фразеологических сочетаниях, которые чаще всего бывают номенклатурными обозначениями.

Приведем примеры:

13. *Лачăм кайăк* «сокол» (в чувашском языке *лачăм* отдельно не употребляется; в литературном языке: *лаччăн*; ср., аз., туркм., тат. *лачын,* уйг., чаг., кумык. *лачин,* узб. *лочин,* кирг. *ылаачын,* ног., ккалп. *лашын,* хак. *ылачын,* башк. *ылаçын* «сокол»; каз. *лашын* «коршун», монг. *начин,* бур.-монг. *нашин* «сокол»).

14. *Касу чирё* «поветрие», «эпидемия»; «эпизоотия» (ср.: чув. *касу* «эпидемия», «поветрие», алт. *кезу, кезим, кезек,* кирг. *кезик,* тат. *казу,* хак. *кизим* «поветрие», «эпидемия», «повальная болезнь», каз., ккалп. *каза* «несчастье», «гибель», «смерть», «потеря»; башк. *каза* «горе», «несчастье», «беда», «стихийное бедствие»):

Тем касу чирё пор пулас-ха халь ялта, порте таватпилёк кун чирле-чирле выртна, теччё (Ашм. 6) «Видимо, в деревне есть какое-то поветрие, говорят, все по четыре-пять дней болели и лежали в постели».

В. Г. Егоров в «Этимологическом словаре чувашского языка», а также «Чувашско-русский словарь» (с. 140) сочетание *касу чирё* дают после двоеточия за словом *касу*, тем самым подчеркивается, что оно в чувашском языке самостоятельно значения не имело. Однако, как показывают факты, *касу* в значении «поветрие», «эпидемия» обладало способностью автономно употребляться: *Халё ачасене касу сӳрет* (Ашм. 6) «Теперь ходит эпидемия на детей».

В современном чувашском языке фразеологическое сочетание *касу чирё* вытеснено словосочетанием *эпидеми чирё* «эпидемическая болезнь» (с. 579).

15. *Кăшкар ути* «щавель» (букв. щавель трава его). В древнечувашском языке имя существительное *ута* имело два значения: 1. «трава»; 2. «сено»[8] (ср.: уйг., хак., каз., ккалп., ног., кумык., тур., туркм., аз., як. *от* «трава»; узб., *ут*; тур. *куру от*, аз. *гуру от*, туркм. *от* «сено»).

Древнее значение «трава», свойственное лексеме *ута*, в современном чувашском языке сохранилось в словосочетании *ута çул* «косить сено» и в ряде фразеологических сочетаний с стержневым компонентом *ута* «трава», являющихся, как и фразеологизм *кăшкар ути*, составными номенклатурными обозначениями растений: *курăк ути* «зеленика», «серпуха» (букв. трава трава ее), *куçлăх ути* «мятник» (букв. очки трава их), *улмал ути* «хиновник» (*улмал* — слово неизвестного происхождения), *хаяр ути* «шалфей» (букв. злой дух трава его), *хёрлё ути* «марена» (букв. красный трава его), *шур ути* «пырей» (букв. болото трава его), *эрём ути* «полынь» (букв. полынь трава ее), *ыхра ути* «дикий лук» (букв. чеснок трава его).

В процессе развития языка *ута* в значении «трава» вытеснено словом *курăк* «трава», в современном языке слово *ута* употребляется с двумя значениями: 1. «сено»; 2. «сенокос».

В приведенных фразеологических сочетаниях *ута* с синхронической точки зрения должно быть отнесено к семантическим архаизмам.

16. *Мăн кăрлач* «январь» (букв. большой январь), *кéçен кăрлач* «февраль» (букв. младший январь); ср.: хак. *кичиг хырлас ай* (уст.) «месяц малых морозов» (ноябрь); *улуг хырлас ай* «месяц больших морозов» (декабрь); тат. *кырлач* «хо-

---

[8] *Егоров В. Г.* Указ. соч., с. 248; *Андреев И. А.* Мёншён çапла калатпăр. — «Чăваш календарё». Шупашкар, 1970, 131 с.

лодный месяц, преимущественно декабрь», *энем кырлач* «январь»):

Сем çĕрле. Тул çутăлма енне те кайман. Кĕçĕн кăрлач сиввисем тин пуçланнă-ха (Юхма) «Темная ночь. До рассвета еще далеко. Февральские морозы только начались».

Идиоматические сочетания с архаизмами

1. *Айпăлта айăпĕ тимĕрçе тивнĕ* (Ват. сăм.) «За плохой топор кузнец в ответе» (ср.: *айпăлта* «маленький топор наподобие полумесяца»; уйг. *ай палта,* узб. *ой болта,* кирг., каз., башк., тат. *айбалта,* алт. *аймалта* «лунообразный топор», «секира», «бердыш», «алебарда», «старинное холодное оружие — топор с закругленным в виде полумесяца лезвием»). По мнению В. Г. Егорова, слово *айпăлта* заимствовано из тюркских языков, «иначе мы имели бы здесь *уйăх пуртă*»[9].

Ср. употребление *айпăлта* со свободным значением:

Айпăлтапа каскаласа Ахтупай хавала икĕ çĕртен шăтарса пахре (Турх.) «Вырезывая маленьким топором, Ахтупай продырил дупло в двух местах». *Урайĕнче сăнăсем, айпăлтасем, анкарсем* (Юхма) «На полу стрелы, маленькие топорики, анкары». *Урай хăми çумĕнчех тĕп сакайĕнче вăрăм аварла сăнасем, хартсем, айпăлтасем, пуртăсем купаланса выртаççĕ* (Уяр) «Почти под половыми досками в подполе лежат кучей стрелы с длинной рукояткой, секиры, маленькие топорики, топоры».

2. *Алман ана çинче çапман урапа кусать* (Ашм. 1) «По непаханному загону катится несколоченная телега» (загадка: вранье; *ал* «пахать новь деревянным плугом (сабаном)».

Еще примеры:

Алман ана çинче, шăтман хурăн кутĕнче çуралман мулкачă выртать (суя суйни); (Ашм. 1) «На незапаханном загоне, под не выросшей березой лежит не рожденный заяц» (загадка: вранье). *Алман ана çинче туканcăр урапа кусать (Тăх.)* «По незапаханному загону катится телега без обода». *Алман ана çинче туман урапа ан кустар* (Ват. сăм.) «По незапаханному загону не катай не сделанную телегу» (загадка: не ври).

Ср. *ал* в составе свободных сочетаний:

Çерем алса вир ак (ЧРС, 27) «Сеять просо, вспахав новь». *Эсé алса пынă чух ана вĕçне тухас умĕн кăткă йăви алса пăрахăн* (Ашм. 1) «Проводя плугом борозду, ты прежде чем доехать до конца загона, распашешь муравейник».

---

[9] *Егоров В. Г.* Указ. соч., с. 22.

3. *Атала алтарпа айтарайман* (Ват. сам.) «Ковшом Волгу не вычерпаешь» (*айтар* «хватать, расхватывать», «захватывать», «жадно разбирать»).

Ср. *айтар* в свободном значении:

Алли пыран айтарать (Чув.-русск. сл. 25) «Каждый тащит себе».

4. *Аса илчё — ака кулчё* (Ват. сам.) «Как вспомнил, так запряг плуг (*ака* «старинный двухколесный плуг (сабан)», в этом значении употребляется также *акапуç*).

Еще примеры:

Асансанах ака кулмеççё (Юрк.) «Как вспомнят, не сразу запрягут плуг». — *Атте шухашне пёлсе пётереймён ана. Аса илет те ака кулет. Ак мана та, тёк тана çёртен тенё пек асне илсе, Чёмпёре ячё* (Илп.) «Не узнаешь намерения отца. Как вспомнит, так и запряжет плуг. И меня вот ни с того ни с сего вспомнил и отправил в Симбирск».

5. *Ар епле, йыш çапла* (Ашм. 1) «Каков глава семьи, такова и его семья» (ср.: *ар* «мужчина», «муж», «супруг»; уйг., аз., туркм., тур., шор. *ар*, кирг., узб., алт., тув. ойр., ног., ккалп., каз., як. *эр*, башк., тат., хак. *ир* «муж», «мужчина», монг. *эр*, бур.-монг. *эре* «муж», «мужчина», «самец»).

В «Чувашско-русском словаре» (с. 37) слово *ар* фиксируется как современное слово, в «Этимологическом словаре чувашского языка» В. Г. Егорова как архаичные рассматриваются значения «муж» и «супруг». На наш взгляд, слово *ар* со всеми ему присущими значениями следует отнести к устаревшим. Если для древнечувашского и старочувашского языка, надо полагать, характерно было высказывание *ўсрём-ўсрём ар пултам* (Ашм. 1), то для современного чувашского языка повсеместно нормой считается выражение *ўсрём-ўсрём арçын пултам*. Еще Н. И. Ашмарин отмечал, «что слово арçын употребляется в повседневной речи гораздо чаще, чем ар» (Ашм. I, 306).

Приведем еще примеры: *Ар хыççан арлан шăтакне кёнё, тет, ача-пача хыççăн камака айне кёнё, тет* (Ашм. 1). «Если во всем следовать за мужем, то придется влезть в нору хомяка, если во всем следовать за детьми, то придется залезать в подпечек». *Ар çинчи кантăра* (*çăпата кантри*) *çёрмест. теççё* (Ашм. 1) «Говорят, на мужчине веревка (оборка лаптя) не сгниет». *Çынна кўрентерни çёре ўкмест, ар çинчи кантăра нихçан та çёрмест* (Ашм. 1) «Обида, нанесенная другому, никогда не пройдет даром, веревка, находящаяся на мужчине (т. е. удар ею) не сгниет никогда».

Ср.: употребление *ар* в свободном значении:

Алăк патёнчи ар ывалёсем. Çак куркана ёçме эсир кўнетер-и, çук-и (Ашм. 1) «Мужчины, восседающие у дверей. Согласны вы выпить этот ковш или нет?» *Ар ывăл пына — ăс*

пана, хёрарам пына — элек пана (Ват. сам.) «Пришел мужчина — вразумил, пришла баба—наябедничала». *Ар çуначё — ут* (Ват. сам.) «Крылья мужчины — лошадь» (русск. соотв. лошадь—человека крылья). *Ыра асла хёр хай валли ар тупать* (Ашм. 1) «Хорошая умная девушка найдет себе мужа».

6. *Йак ура айёнчен тухать* (Ашм. 5) «Беда приходит неожиданно» (букв. беда выходит из-под ног; *йак* «несчастье»).

Ср. *йак* в свободном значении: *Эпир çитёнсе çитнё чух çёр çуралса йак тухрё* (Чав. хал.) «Когда мы стали взрослыми, треснула земля, возникла беда».

7. *Йёпе çине сапа* (Ват. сам.) «В сырую погоду ненастье» (букв. сырость за сыростью или ненастье за ненастьем); *сапа* — присловье к слову *йёпе*, раньше означавшее «мокрота», «сырость».

Компонент *сапа*, помимо приведенной поговорки, еще встречается в сочетании *йёпе-сапа* «ненастье», «ненастная погода» и в топонимических названиях: *Сапа карти* (название поля), *Сапа çырми* (название речки Сабат), *Вил сапа çырми* (название сухого оврага, впадающего в Сабат). *Сапа* со свободным значением нами не обнаружено.

8. *Çёр сум пуличчен, çёр тус пултар* (Ват. сам., 15) «Пусть будет сто друзей, нежели сто рублей». (ср.: *сум*, диал. *сом* «рубль» (ассигнациями); уйг., ккалп., балк. *сом* «рубль»; кирг., каз. *сом* «рубль»; «необработанный», «цельный», «массивный», «необделенный кусок металла»; узб., тат. *сум*, башк. *һум* «рубль»).

В современном чувашском языке *сум* вытеснено словом *тенкё* «рубль».

Примеры употребления *сум* (диал. *сом*) со свободным значением:

Иван виççёр сом парчё те, кёсрене илсе карё килнелле (Ашм. 11) «Иван заплатил за кобылу 300 рублей и повел ее домой». *Сара хўхём хёрсене кёмёл сум пахантарать* (Хус.) «Красивых, хороших девушек покоряет серебряный рубль». *Минтер укçи виçё сум* (Ухс.) «За подушку — три рубля».

9. *Патак хыта, çан çемçе* (Ват. сам.) «Палка жестка, а тело мягко» (ср.: *çан* «тело», «туловище»; др.-тюрк., узб. *тан*; башк., тат., уйг. *тэн*, туркм., тур. *тен*, кирг. *ден*, каз. *дене, тэн*, ккалп. *дене, тань*, «тело», кумык. *сан* «туловище», уйг., узб., кирг., каз., ккалп., ног. *сан* «бедро», «ляжка»).

Компонент *çан* в современном чувашском языке является составной частью фразеологизмов-парных слов *çан-çурам* «тело», «туловище» (букв. тело-спина) и *çан-пуç* «внешность» (букв. тело-голова); последнее сочетание устаревшее, очень редко встречается:

Ыра арăмăн, ситёнсе вăтамланса, çанё-пуçё илемленсе тăрать (Ашм. 12) «У хорошей жены, когда она достигает среднего возраста, внешность становится красивой». *Çанçурăмсăр пултăм* (Ашм. 12) «Не могу двигаться ни одним членом, или страдаю болями во всем теле».

По предположению В. Г. Егорова, слово *каçан* (разг.) «спина» восходит к *кай* «задний» и *çан* «тело» (*кай+çан*):

Каçан çине çăпăн (Ват. сам.) «Чирей тебе на спину». *Кача тăвар каçан çинче* (Ват. сам.) «Слишком соленое на спине» (русск. соотв.: пересол на спине).

Ср. примеры употребления *çан* в свободном значении:

Манăн çан çине темиçе пёрчё ўкрё (Ашм. 12) «На меня упало несколько капель дождя». *Йёс алăкран кёнё чух, çара санăм çўçенчё, хёрлё санăм шуралчё* (Ашм. 12). «Когда входил через медную дверь, по голому телу забегали мурашки, румяное лицо побледнело».

10. *Тёменре тёрли пур* (Ват. сам.) «В мире все есть» (*тёмен* «мир», «свет»).

Устаревшее слово *тёмен* в чувашском языке встречается только в составе фразеологических единиц: *Çитмене тёмен çитмен* (ЧРС, 417) «Жадному и мира оказалось мало». *Тёпсёре (тёпсёр çынна) тёмен çитмен, салатакан çынна ним те çитмен* (Ашм. 15) «На прорву и кладу не хватило, на расточителя ничего не хватило». *Тёменре тёрли пур* (Ашм. 15) «На свете есть разные вещи».

11. *Атсан атă пулать, пуссан пушмак пулать* (Ашм. 2) «Если сделать, будет сапог, а если сваляешь, будет башмак» (*ат* — слово неизвестного происхождения, по предположению Н. И. Ашмарина, это слово имеет связь с тур. *ат* «делать» (Ашм. II, 129).

12. *Ама сёчёпе кёменни вакар сёчёпе кёрес çук* (Ват. сам.) «То, что не воспринял с молоком матери, не воспримешь с бычьим молоком».

Ама в приведенной пословице употреблено в значении «мать». В определенную историческую эпоху *ама* в названном значении заменено словом *анне*. По утверждению В. Г. Егорова, в древнечувашском языке *ама* было в исключительном употреблении в значении «мать», от него же образовались тогда притяжательные формы 2-го и 3-го лица: *аму* «твоя мать», *амашё* «его (ее, их) мать».

«Чувашско-русский словарь» (с. 30) слово *ама* относит к диалектизмам. По сути дела, в чувашском языке как диалектная сохранилась лишь форма 2-го лица ед. числа *санăн аму* «твоя мать».

Приведем примеры употребления компонента *ама* в фразеологизмах-составных наименованиях: *ама çури* «мачеха» (букв. мать детеныш ее), *ама çури хёр* «падчерица» (букв.

мать детеныш ее дочь), *ама сури ывăл* «пасынок» (букв. мать детеныш ее сын), *ама хупах (курăкĕ)* «мат-и-мачеха», *ама кикен* «чемерица кудрявая»; ср. еще *амаран таван* «нагишом, в чем мать родила».

Примеры употребления *ама* в свободном значении:

Ама пĕр те, аçа арасна (Ашм. 1) «Мать одна, но отцы разные». *Пĕр амаран çуралнăскерсем* «Дети одной матери». *Пĕр амаран таван* (Ашм. I) «Единоутробные».

13. *Тарансан, йытти йышне тапанать, теççĕ* (Ашм. 4) «Сытая собака на своего хозяина нападает».

Йыш в приведенной пословице употребляется в значении «хозяин», с этим значением слово *йыш* в других тюркских языках не имеет соответствий.

Приведем еще примеры употребления *йыш* «хозяин» в составе фразеологизмов:

Вакар йышне пуçĕ çук (Ват. сам.) «Хозяину быка не достается голова». *Йытти йышне палламан, теççĕ* (ЧРС, 128) «Собака не узнала своего хозяина» (о потерявшем память или зазнайке).

Ср. *йыш* в свободном значении:

Ку лаша йышĕ палла мар (Ашм. 4) «Хозяин этой лошади не известен». *Халĕ ĕнтĕ йыш çинчен шухăшлама та çылăх: ватăлтăм ĕнтĕ. Хĕрĕхе пусап та...* (Ашм. 4) «Теперь уже грех и думать о муже — состарилась, мне уже сороковой год». *Йышĕ тухĕ-ха* (Ашм. 4) «Жених найдется».

Из последних двух в первом предложении *йыш* употребляется в значении «муж», во втором предложении — в значении «жених».

14. *Пӳкле каякан пӳлĕнет, çавра каякан çу çиет* (Ашм. 10) «Идущий прямо задохнется, идущий кругом масло поест».

Пӳкле выражает значение «прямо»; «прямой».

Еще пример употребления архаизма *пӳкле:*

Пӳкле каякан шыва кайна, çавра каякан çав çинĕ (Ашм. 10) «Идущий прямо утонул, идущий кругом масло поел». *Пӳкле сӳрекен пӳкле тĕлне пĕлеймен* (Ват. сам.) «Идущий прямой дорогой до крыльца не дошел».

15. *Акар йытти ашса пырать, аякки витĕр хĕвел пăхать* (Ашм. 1) «Борзая собака бежит рысью, сквозь ее бока светит солнышко» (загадка: дровни; ср.: чув. *акар* «борзая собака», башк. *игэр* «метис от собаки-самки и волка-самца», алт. *эгер* «собака», бараб. *игар,* шор. *агар,* чаг. *игар* «охотничья собака»; тур. *загар* «охотничья собака»).

В современном чувашском языке сочетание *акар йытти* «борзая собака» в самостоятельном виде не употребляется, встречается лишь в составе приведенной загадки.

16. *Ахăр самана, ахăр саман* «светопреставление», «конец света», «гибель мира», «последние времена перед концом

мира» (ср.: кирг., каз., ккалп. *акыр заман*, тур. *аhир заман*, тат., башк., туркм. *ахыр заман*, узб. *охир замон*, ккалп. *акыргы заман*; хак. *ахирет* «светопреставление»; узб. *охират* «загробная жизнь»; др.-тюрк., аз., туркм., башк., тат. *ахыр*, кирг., каз. *акыр*, узб. *охир* «конец»):

Вăрман тата хытăрах шавлать, йĕрет, ахăрать. Тура çырлах, ан пăрах. Ахăр саман хускалать (Ашм. 1) «Лес шумит, плачет и ревет еще сильнее. Боже спаси, не оставь. Начинается светопреставление». *Вăрман варринчи ялта кăнтăр кунĕнчех ахăр самана пуçланчĕ* (Турх.) «В деревне, расположенной в лесу, прямо днем началось светопреставление». *Мĕнле ахăр самана пулса иртрĕ вара çав пĕр кун хушшинче* (Осип.) «В течение же дня какое светопреставление случилось». *Хăй айăпне шăпа валеçĕ. Çитсессĕн ахăр самана* (Бороб.) «Судьба разделит свое страдание, когда настанут последние времена перед концом света».

17. *Çăтмах пекех* «словно рай» (ср.: чув. *çăтмах* «рай», чаг., алт. *учмак*, узб. *учмох*, туркм. *учмах*, башк., тат. *ожмах*, казах. *жукмак*):

Çăтмах пекех туйăнать Силпи чăваш ялĕнче (Ив.) «Кажется как в раю (букв. как рай) в чувашской деревне Силпи». *Çăтмахра выртăр* (Ашм. 13; обращение к умершим на поминках) «Лежите в раю».

В современном чувашском языке слово *çăтмах* вытеснено русским заимствованием *рай* «рай».

ТІЛ БІЛІМІ ИНСТИТУТЫ

Д. Б. БУЛАТОВ
(Казань)

О ГЕНЕЗИСЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ СЛОВ *АН* «НЕ» И *МАР* «НЕ» В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Функции отрицания в чувашском языке выполняются различными средствами: *çук* «нет» (в татарском *юк* «нет»; *ма, ме, ми* «не»), *ан* «не» и *мар* «не». Последний соответствует общетюркскому *тугел* и *имэс* «не». Слово *ан* «не» в чувашском языке всегда стоит в препозитиве, перед глаголом повелительного наклонения второго лица. Тюркским языкам это не характерно. Примеры на *ан: ан тив* ≈ у татар *ти-мэ* «не трогай», *ан пар* ≈ *бир-мэ* «не дай», *ан выля* ≈ *уйна-ма* «не играй». Примеры на *мар: вал мар* ≈ *ул тугел* «не он», *аван мар* ≈ *яхшы тугел* «не хорошо», *начар мар* ≈ *начар тугел* «неплохо», *нумай мар* ≈ *куп тугел* «немного».

Думается, слово *мар* имеется не только у носителей чувашского языка. Слово *мар* встречается в азербайджанском языке в составе слов. Однако в именах при определении качества того или иного предмета в азербайджанском языке употребляется слово *дейил* «не». Следует указать, что слово *дейил* «не» употребляется не только в азербайджанском, но и в башкирском. каракалпакском, ногайском, татарском, туркменском, турецком, кумыкском языках. В узбекском, казахском языках вместо *тугел* употребляется *имэс* (в древ. литературе *ирмэс*). Это слово образовалось от глагола *ирер* путем прибавления отрицательной частицы *ма, ме, ми*. Эта узбекско-казахская отрицательная частица присутствует и в чувашском языке: *ил-ме-с-т* «не возьмет»; *кил-ме-с-т* «не придет».

Слово *мар* в древнетюркской литературе почти не встречается. Оно единственный раз представлено в словаре кыпчакского языка XV века в составе слова *марулат*[1]. Слово *марулат*, как видно, состоит из двух слов: *мар* и *улат* ≈ *булат* ≈ *пулать* «будет», то есть *марулат* означает «станет нет, не станет». Эта форма напоминает нам пути образования армян-

[1] *Halasi K.* La langue des kiptchaks. Будапешт, 1942, с. 67.

ской и немецкой отрицательных частиц. Например у армян *ка* «есть», *че* «нет», а *чека* «есть нет»; в немецком *ist nicht* «есть нет». Отсюда, слово *марулат* «не» когда-то служило отрицанием глагола *булать, пулать* «будет» в значении «не будет».

На происхождение чувашской отрицательной частицы *ан* обратили внимание многие ученые-языковеды, как финно-угроведы, так и тюркологи и монголисты. Поскольку она в современных тюркских языках не употребляется, в то же время в форме *ен* (*ан*) присутствует в языках коми и удмуртов, то ученые пришли к выводу о заимствовании этого слова чувашами у финно-угров. В. Г. Егоров писал: «По-видимому, еще в глубокой древности частица эта заимствована была чувашами от удмуртов» (ЭСЧЯ, 27). М. Р. Федотов, тщательно изучив и проанализировав эти концепции, высказал мнение о древнетюркском происхождении этой частицы. «Таким образом, — пишет он, — чувашский язык при образовании отрицательной формы повелительного наклонения, сохранил одну из древнейших черт алтайской общности, которая была усвоена финно-угорцами пермской языковой общности»[2]. Кроме нее в мордовском языке имеются следующие отрицательные частицы: *а, аф, аш, аволь*. Например, *мон арась а лишмем, а сколом* «у меня нет ни лошади, ни коровы». *А винады, а пиады а сима* «ни вина, ни пиво не пью». *Аф мон* «не мой», *аш ан* «нет меня», *аш тома* «нет нас». В марийском языке *ан* «не» также отсутствует. Вместо нее у марийцев имеются следующие отрицательные частицы: *ак* «не», *агыл* «нет». Примеры: *агыт* «не ты», *ада* «не вы» *агеш* «не он»; *агым* «не я». Кроме этих в марийском языке присутствует частица *тем* «не». Для мордовского и марийского языков характерно то, что отрицательная частица всегда идет перед местоимением. Кроме *тем* в удмуртском языке пережиточно применяется и древнетюркская *ирмэсь* и чувашская *-сар* «без» и иранская *ньа*. Примеры: *музем тэм* «безземельный», *йонтэм* «безобразный», *ки тэм* «без руки», *ним тэм* «безыменный», *ужлы ермись* «безработный», *сосыр* «увечный», «инвалид», у чувашей *сывлăхсăр*, у татар *саулыксыз* «нездоровый». В монгольском языке имеются следующие отрицательные частицы: *угей, бус, биш, бетекей*. Примеры: *угетей* «неимущий», *херг угей* «не надо» (что у чувашей *кирлĕ мар*, у татар *кирэк тугел*), *тэгеш бус* «неравенство», *эруль биш* «нездоровый», *бетэкэй ябо* «не ходи», *бетэкэй аб* «не возьми». Как видно, в угро-финских языках, кроме коми и удмуртского, отрицательная частица *ан*

---

[2] *Федотов М. Р.* О генетической соотносимости пермского и чувашского *ан* в отрицательной форме повелительного наклонения. — «Советское финно-угроведение», 1966, № 11, с. 266.

не наличествует. В венгерском языке имеются следующие отрицательные частицы: *нем, еллен, аталан-ételen.* В венгерском языке широко употребляется *нем,* как и в удмуртском *тэм* «не».

Следует отметить, что *ан* «не» имеется в армянском языке Примеры: *ан армян* «не армянин», *ан тун* «бездомный», *ан ашпар* «бездарный» и *ан азад* «несвободный». Армянский народ в далеком прошлом имел соприкосновение с болгарами и другими тюркскими племенами. Поэтому можно допустить, что *ан* в армянском является тюркским заимствованием. О существовании в тюркских языках отрицательной частицы *анг* «нет» пишет М. Кашгарский (XI век). То, что *анг* у М. Кашгарского и *ан* у чувашей одно и то же — сомнения не вызывает. Известно, что в чувашском языке носового *нг* нет. Он заменяется звуком [*н*]. Отсюда можно сделать вывод, что отрицательная частица *ан* у тюрок существовала в древности. Эта частица *анг* когда-то могла иметь форму *йанг.*

ТІЛ БІЛІМІ ИНСТИТУТЫ

СПИСОК

сокращений, встречающихся в сборнике

Абаев I—III — Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I — М.-Л., 1958; II — Л., 1973; III — Л., 1977.

Ашм. I—XVII — Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка, в. I—XVII. Казань—Чебоксары, 1928—1950.

ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.

КЭСК — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Преоб. I—II — Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка, т. I—II. М., 1959.

Радл. I—IV — Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. I—VI. М., 1962.

Рамст. — Рамстедт Г. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957.

ТМС I—II — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, т. I. Л., 1975; т. II — Л., 1977.

Фасм. I—IV — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I—IV. М., 1964—1973.

Фед. I—II — Федотов М. Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, ч. I. Чебоксары, 1965; ч. II. Чебоксары, 1968.

ЭСТЯ I — Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.

ЭСЧЯ — Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Рона-Таш. Проблемы периодизации и источники истории чувашского языка 3
Н. А. Андреев. Иранская сословная терминология и отражение ее в чувашской ономастике 14
Е. А. Анисимова К этимологии некоторых чувашских названий рыб 19
Р. Г. Ахметьянов. Этимология названий некоторых чувашских фольклорных жанров 23
Ю. Дмитриева (Салонтаи). Названия деревьев в чувашском языке 28
И. Г. Добродомов. Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка 37
Н. И .Егоров. О названиях времен года в тюркских языках . . 43
В. И. Котлеев. К фонетике общетюркской лексики в чувашском языке 51
Л. С. Левитская. Чувашские этимологии 58
Р. Ш. Насибуллин. Рефлексы некоторых булгарских губных гласных в диалектах пермских языков 61
В. А. Нестеров. О семантическом спектре термина ор/ур в топонимии Чувашии 66
И. П. Павлов. К вопросу о происхождении личных местоимений чувашского языка 74
Н. П. Петров. Изменение семантической структуры чувашских слов в советскую эпоху 90
В. *И. Сергеев.* О так называемых «странствующих словах» (К проблеме классификации) 96
И. Т. Сергеев. Русские областные слова в лексике чувашского языка и его диалектов (Сельскохозяйственная лексика) . . 110
М. И. Скворцов. К проблеме изучения иранского фонда чувашской лексики 117
И. В. Тараканов. О булгарских заимствованиях в удмуртском языке 127
А. П. Фоектистов. О начальных этапах работы над «Этимологическим словарем мордовских языков» 137
М. Ф Чернов. Чувашские фразеологизмы с устаревшей лексикой . 140
А. Б. Булатов. О генезисе отрицательных слов ан «не» и мар «не» в чувашском языке 155

Научно-исследовательский институт
языка, литературы, истории и экономики
при Совете Министров Чувашской АССР

Труды, выпуск 97

Проблемы исторической лексикологии чувашского языка

Редактор *В. И. Сергеев*
Технический редактор *В. А. Прохорова*
Корректор *Е. И. Баландаева*

Сдано в набор 28.11.80. Подписано к печати 30.12.80. НТ 36641.
Формат 60×90/16. Бумага типографская № 2. Физ. печ. л. 10,0.
Учетно-изд. л. 10,18. Заказ № 1764. Тираж 600 экз. Цена 74 коп.

Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории
и экономики при Совете Министров Чувашской АССР
428015 Чебоксары, Московский проспект, 29, корп. 1.

Типография Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова,
Чебоксары, Московский пр., 15.